ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 4 ЯНВАРЬ 1987

НАУКЕ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ

ОДНОДНЕВНАЯ ХИРУРГИЯ



РАССКАЗ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ



ВСПОМИНАЯ ВЫСОЦКОГО



ДОРОГАМИ ИНДИИ

КАК РАСПАДАЕТСЯ ЖИЗНЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (3105)

24 ЯНВАРЯ — 31 ЯНВАРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

«Физик без шуток — это кактус без иголок» — так считают ребята из школьного научного общества «Фотон», которое уже более двух десятков лет работает в 70-й школе города Свердловска. Меняется состав школьников, но не меняется шуточный девиз «Калабардым», среди многих толкований которого есть и такое: «Лентяям здесь не место». (См. материал «Академики из Малой».)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии О. И. КОЗАК

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 05.01.87. Подписано к печати 21.01.87. А 00309. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 362. Заказ № 4234.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

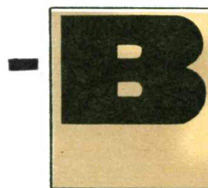
Академики из Малой...



Занятия с математиками ведет кандидат наук Александр Суетов — бывший мановец.

КТО ЖЕ ИДЕТ ЗА НАМИ ВСЛЕД? КТО ЗАВТРА ВОЙДЕТ В ЛАБОРАТОРИЮ, ВСТАНЕТ ЗА ЧЕРТЕЖНУЮ ДОСКУ? ПРИ УРАЛЬСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ АН СССР ВОТ УЖЕ СКОРО ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДЕЙСТВУЕТ МАЛАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ЧЛЕНЫ СОРОКА ПЯТИ ЕЕ СЕКЦИЙ — ШКОЛЬНИКИ СВЕРДЛОВСКА И ОБЛАСТИ, РЕБЯТА, УВЛЕЧЕННЫЕ МАТЕМАТИКОЙ И БИОЛОГИЕЙ, ВЛЮБЛЕННЫЕ В ПРИРОДУ ИЛИ ИСТОРИЮ... ЧЕМ РАНЬШЕ ПРОЯВЯТСЯ СПОСОБНОСТИ, ТЕМ ВЫШЕ СТАНЕТ ОТДАЧА БУДУЩЕГО УЧЕНОГО, СПЕЦИАЛИСТА. МАЛАЯ АКАДЕМИЯ — ОДНА ИЗ ФОРМ РАННЕГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ В НАУКУ МОЛОДЕЖИ. ТЕХ, КТО ИДЕТ ВСЛЕД ЗА НАМИ...

МОЛОДЕЖЬ: ДЕЛА, ПРОБЛЕМЫ.



Лев ШЕРСТЕННИКОВ, фото автора

— Вы идете по лесу. Навстречу вам марсианин. Ваши действия?

Ребята на секунду-другую задумываются и засыпают предложениями:

— Спрятаться и пронаблюдать!..
— Сфотографировать!
— Подойти поздороваться...

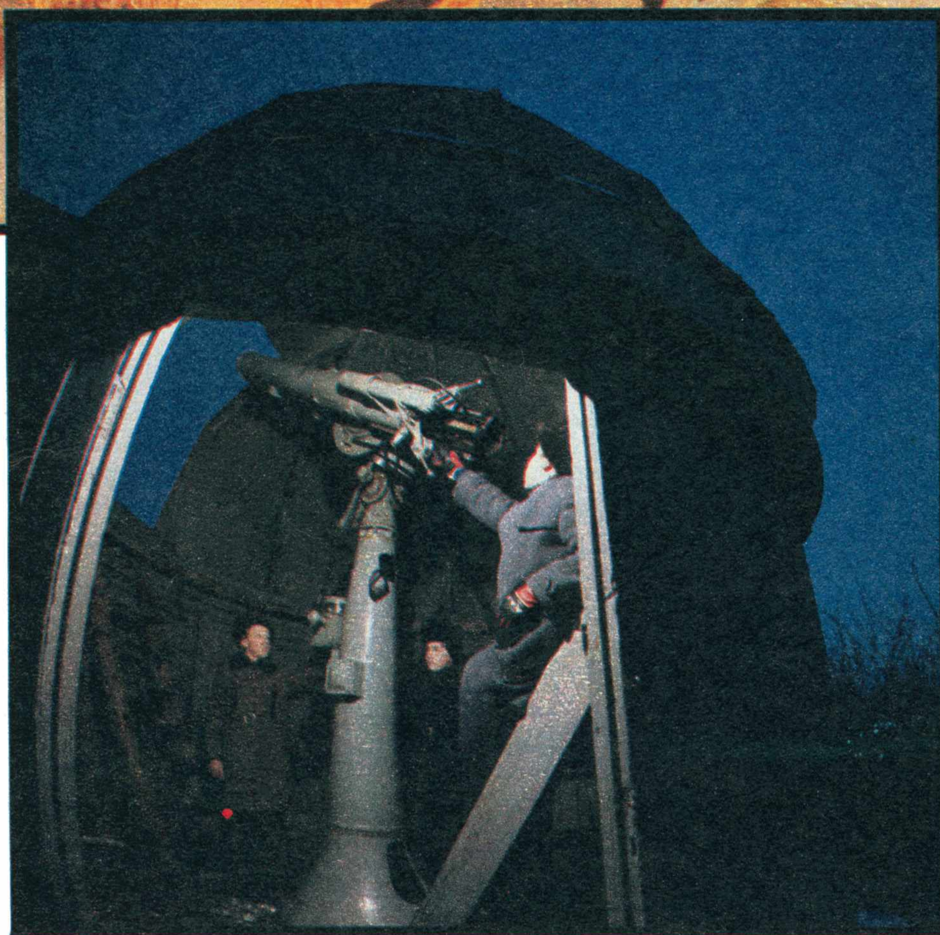
Двое преподавателей стараются не выпустить из внимания ни одного предложенного варианта. Репликами подхлестывают ответы.

— Домашнее задание: составить инструкцию по технике безопасности общения с марсианином. А теперь к прошлому заданию. Какие же предложения по ведру?

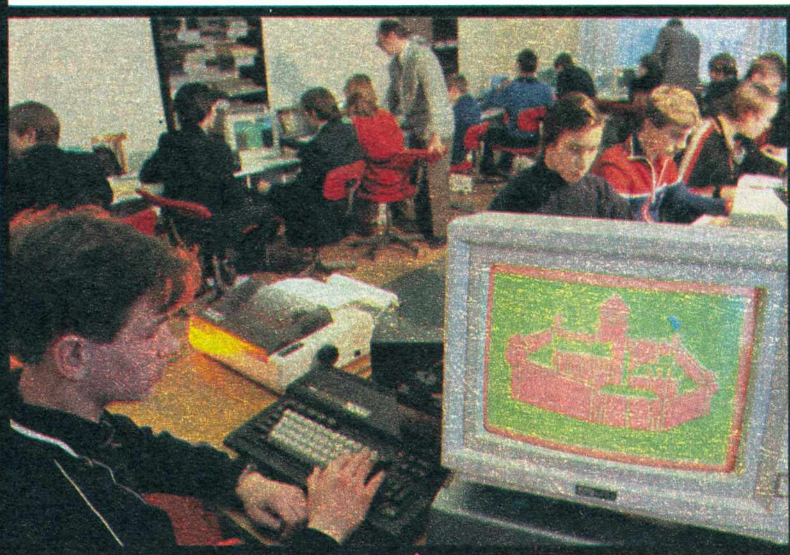
На доске появляется изображение обыкновенного ведра. Впрочем, немножко и необычного. Например, ушки, к которым крепится дужка ведра, не приварены, а отштампованы заодно со стенками. Днище — не отдельная, прикрепляемая к стенкам деталь, а продолжение самих стенок, определенным образом раскроенных. Чем меньше швов, тем ведро гигиеничнее, а это тоже неплохо учесть...

Признаюсь, я не сразу понял смысл этой игры. Уже после занятий пояснил мне Александр Георгиевич Гейн, один из преподавателей, проводивших занятие, что задача секции ТРИЗ (теория решения изобретательских задач) — это развитие нешаблонного мышления, умения в привычном отыскивать нестандартные решения. Только обучив мыслить оригинально, без ориентирования на укоренившийся опыт, можно ожидать по-настоящему смелых и неожиданных идей. И вот почему занятия ведут двое преподавателей: один может не уследить за ответами, и тогда решение лучшее, но менее уверенно высказанное, может потонуть (как тонут иногда верные, но вовремя не подхваченные ответы у знатоков в телевизионной викторине «Что? Где? Когда?»).

Я употребил слово «игра». Но игра — это как бы внешняя оболочка.



ЮНЫЕ АРХЕОЛОГИ, АСТРОНОМЫ
И КИБЕРНЕТИКИ НА ЗАНЯТИЯХ
В СЕКЦИЯХ «МАЛОЙ» АКАДЕМИИ.



●

ИХ ПРИВЛЕКАЕТ ДИЗАЙН — ТРЕТЬЕКЛАССНИЦУ МАРИНУ ВАЖЕНИНУ И ПЯТИКЛАССНИЦУ АЛЕНУ ГУСЕВУ. СЕКЦИЯ АРХИТЕКТОРОВ ДАЕТ СВОИМ ЮНЫМ ЧЛЕНАМ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОЯВИТЬ СЕБЯ, КАЖДОМУ НАЙТИ СВОЙ ИНТЕРЕС.

●

НА ЗАНЯТИЯХ СЕКЦИИ ЭТОЛОГИИ, ОБОСНОВАВШЕЙСЯ ПРИ ГОРОДСКОМ ЗООПАРКЕ, РЕБЯТА ИЗУЧАЮТ ХАРАКТЕРЫ И ПРИВЫЧКИ «БРАТЬЕВ НАШИХ МЕНЬШИХ».



ТРИЗ — занятие серьезное: в составе аудитории не только школьники, есть и студенты. Ребята не расстались с секцией, даже окончив школу, поступив в вуз. Да и школьники не из случайных: почти все они одновременно и слушатели математической секции Малой академии. И у многих из них есть заметные успехи. Десятиклассник Дима Ананичев, например, три года занимает первые места на математических и физических областных олимпиадах. Мальчик ездил на Всесоюзную и Всероссийскую физические олимпиады и там тоже завоевал призовые места. Дима вовсе не чудо-ребенок, но подобно многим другим сверстникам — членам Малой академии наук — человек, своевременно отыскавший золотоносную жилу своего призвания. А найти вовремя призвание — это сделать заявку на полнокровную и щедрую духовную жизнь.

Почти десять лет тому назад объединенными усилиями комсомола, молодых ученых Уральского научного центра, отдела народного образования, совета НТО, общества «Знание» была создана эта академия — МАН. Сорок пять научных секций стало работать в Свердловске (а частично и в области) под ее флагом. Приглашаются все: место найдется каждому, никто не будет обижен, никто не будет обойден. А уж время, усердие и способности покажут, кто что сумеет достичь.

...Я позвонил Зинаиде Николаевне Шукстовой, кандидату физико-математических наук, руководителю секции астрономии. Это одна из первых секций, работающая с 1977 года — времени становления идеи МАН.

— Вам повезло, как раз завтра ребята отправляются в экспедицию наблюдать редкое явление — прохождение Меркурия по диску Солнца...

Кто смотрел недавний фильм о Ломоносове, может представить эту картину наглядно: крохотный телескоп, закопченные стекла... В экспедицию я не попал, но поговорил после с одним из ее участников — десятиклассником Димой Ершовым. Обстоятельно, со знанием дела он объяснил, чем интересно это редкое явление. Не надо, конечно, думать, что наблюдения ребят сразу же с руками-ногами оторвет большая наука. Но опыт таких наблюдений, анализ полученных данных, построение расчетов, проведение их — это большая заявка на дальнейшую научную активность, самостоятельность. Интересно и то, что захваченные ребятами в экспедицию телескопы были созданы ими же. Не все детали, конечно, делали своими руками: что-то приспосабливали, что-то «утилизировали», но главную в телескопах деталь — зеркала — шлифовали сами. Дима подробно объяснил мне, как полируется зеркало, как ведутся его доводка, контроль и тому подобное. Словом, если Дима не станет ученым (а кем он собирается быть, пока его секрет), то из него выйдет неплохой оптик. Да и в науке из людей, способных подчинить задачам ума свои руки, как правило, выходят прекрасные ученые-экспериментаторы.

Главная идея — движение сверху вниз и снизу вверх. Сквозное движение! Школьник выполняет посильную работу, которая вливается в более общую работу института, в какую-то цельную научную идею. Таким образом, ребята, практически внося свою лепту, входят в большую науку. И обратное движение. Крупный ученый «заражает» идеей своих помощников, те, в свою очередь, разбивая задачи на более мелкие, какие-то из них доводят и до школьников, а ребята становятся, таким образом, «очагами возбуждения» в своих школах, классах. Происходит общий подъем. А новая волна должна приносить уже более подготовленных, более активных ребят.

Если подробнее рассказать о структуре и организации МАН, это будет еще и рассказ о ее радостях, проблемах и бедах.

Как и положено, во главе академии стоит президиум. Входят в него все представители организаций-учредителей. Все главные вопросы решаются здесь. Совет кураторов, назначающий руководителей секций и кураторов, утверждает программы. Есть и ученический совет, он разрабатывает программы сборов, сессий (на которые приглашаются все ребята, желающие познакомиться с МАН и записаться в его секции). Но есть и другая сторона: административно-хозяйственная. Когда я приехал в Свердловск, президент Малой академии, доктор технических наук Святослав Анатольевич Тимашев, один из ведущих специалистов недавно организованного Института машиноведения, помог мне «выйти» на академию. Пришли руководители секций, кого удалось отловить,— у каждого есть текущие, основные дела, за которые они и зарплату получают и которыми живы. Был приглашен и еще один человек — методист Людмила Михайловна Березюк. И, как я вскоре убедился, не будь этого человека с ее тоненькой папочкой, нам бы ни за что не разобраться в непростом расписании занятий секций МАН.

Не подумайте, что этим я хочу бросить хоть тень малейшего упрека на ученых, стоящих во главе МАН. Напротив, это энтузиасты. Председатель совета кураторов Игорь Васильевич Мурыгин, например, находившийся в отпуске, потратил не то что много часов, а дней своего личного времени (которое он отнимал от работы над диссертацией), чтобы сопроводить меня, ввести в курс дела, познакомить с людьми... Но без тетрадочки методиста мы бы все равно пропали.

Итак, секции. Ребят нужно где-то собирать, чтобы проводить семинары, нужны доступные для них лаборатории (попроще, чем в институтах, но поспециализированнее, чем в школе), не обойтись без расходов, значит, нужны кое-какие средства и право распоряжаться ими. Наконец, нужны штатные работники, которые бы занимались координированием работ, решали административные и хозяйственные заботы... Пока большинство из этих вопросов практически висит в воздухе. Занятия проводятся там, куда ребят пускают. Я был на семинарах в университете. Ребята так увлечены, что и окружающей обстановки не видят (да уже и привыкли к ней). Неуютные, казенные аудитории с расшатанными, щелястыми коробками дверей, сиротливыми стенами, убогой обстановкой. Прямо тут же, в углу аудитории, свалены куртки и пальто ребят — поздно, уже не работает гардероб. Да и захотят ли там обслуживать «дармоедов»? Но описанная картина не из худших. Спасибо, что в университете отнеслись с пониманием к нуждам ребят, поделились тем, что имеют. Какой же тут может быть спрос? Физики занимаются в Доме пионеров, условия там не лучше, а права совсем птичьи — вот-вот попросят. МАН ищет приюта там, где могут приютить. В научные институты, в их лаборатории путь ребятам практически заказан (за небольшими исключениями). В одних случаях присутствие ребят регламентировано правилами техники безопасности: высокое напряжение, яды, до определенного возраста — ни-ни. В других случаях — дело доходит просто до абсурда — каприз любого должностного лица, и снова: «Вход воспрещен!» Мне рассказали такой страшный в своей простоте случай. Ребята из секции экологии собрали городской снег и стали его анализировать, определяя загрязненность. Понятно, в городском снеге оказалась почти вся таблица Менделеева, присутствовал там в какой-то доле фтор. «Что? — вскричала инженер по технике безопасности.— Вы разве не знаете, что со фтором подросткам работать запрещено?» Слава богу, запрещать — не разрешать, никакой ответственности за запрещением не стоит.

«Устала я, больше не могу... уйду»,— сказала мне Людмила Михайловна Березюк. Конфликт у нее прост. Как методист, она состоит на ставке областной станции юных техников, а занимается делами МАН. На станцию пришел новый директор и, естественно, стал печься об интересах станции (у юных техников и юных ученых задачи в общем-то не совсем схожие). И отразилось это прежде всего на методисте — слуге двух господ. А на методисте, напомню, практически лежат все заботы МАН — что? где? когда? — как в той викторине. Бьется МАН, выпрашивая себе угол, даже решение облисполкомом принято — подыскать. Только решение пока не реализуется.

При наличии многих опекающих организаций-нянек хозяина-то у МАН все-таки нет...

— Наверное, в прошлом веке подобный вопрос мог бы решиться таким образом. Какой-нибудь купец-толстосум, обуреваемый благородной идеей, прошелся бы с шапкой по кругу: «А ну, братва, отвали, кому сколько не жаль, на наше общее дело!» Так что ж, мы сегодня беднее того купца? Или несознательнее?

Этот вопрос я задал известному уральскому ученому, Герою Социалистического Труда, депутату Верховного Совета РСФСР, академику Сергею Васильевичу Вонсовскому.

— Я с вами согласен,— сказал Сергей Васильевич.— Малой академии нужен полноправный хозяин. И поскольку это все-таки академия, шефствовать должны ученые — Уральский научный центр. Сейчас решается, точнее, решен, вопрос о преобразовании УНЦ в Уральское отделение АН СССР наподобие Сибирского отделения. Надо непременно заложить в структуру будущего отделения организацию работы с молодыми, со школьниками. Подразделение должно иметь все необходимые права, в том числе и финансовые, иметь определенное количество своих оплачиваемых сотрудников для организации и координации работы МАН. Но я бы подумал еще и вот о чем. Такому крупному индустриальному городу, как Свердловск, к тому же значительному научному и учебному центру страны, обладающему немалым опытом по научно-воспитательной работе со школьниками, необходимо иметь специальную и хорошо оснащенную базу для проведения подобных работ. Ни существующие дома пионеров, ни станции юных техников не смогут взвалить этой ноши на свои плечи: и задачи у них другие, и возможности ограниченные. А нужны хорошие аудитории, технически оснащенные кабинеты, доступные, но в то же время специально оборудованные лаборатории, свой вычислительный центр, хорошая, со знанием дела подобранная библиотека, кинозалы и экспозиционные залы. Потребуются и мастерские для конструирования вещей. В силу универсальности идеи МАН все это должно идти под эгидой, как я уже сказал, академии, ее Уральского отделения. А вот раскошелиться на строительство подобной базы — назовем ее, скажем, так: Дворец молодой науки — помог бы город. МАН не только узкоакадемическое учреждение. Это и плацдарм для подготовки кадров для вузов, для отраслевой промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства... Поскольку задача это общегосударственная, и задача — одна из важнейших, от решения которой во многом зависят и темпы нашего развития — темпы развития всей страны, то если здесь взяться всем обществом, вопрос этот можно решить. В новых условиях самофинансирования, на которое переходят многие предприятия, мне не представляется неразрешимой задачей сбор необходимых на строительство средств. Молодые архитекторы, думаю, с удовольствием бы включились в конкурс на проект Дворца. Центральный Комитет ВЛКСМ, мне кажется, должен рассмотреть эту идею, взять шефство над ней, Президиум Академии наук СССР рассмотреть вопрос включения «ячейки МАН» в структуру будущего Уральского отделения, Свердловский обком КПСС помочь объединить «пайщиков». И как было бы прекрасно в год XX съезда ВЛКСМ, в год 70-й годовщины Великого Октября заложить первый камень Дворца молодой науки Урала. Дело это важное, общенародное, и решать его нам.


Семнадцатилетний Олег Матвеев оканчивает университет.

ОТ РЕДАКЦИИ.

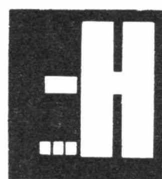
Идея создания Дворца молодой науки Урала, высказанная Героем Социалистического Труда, академиком С. В. Вонсовским, весьма своевременна и актуальна. Решения, принимаемые Центральным Комитетом КПСС в последние годы и направленные на резкий подъем хозяйства страны, немыслимы без глубокой и всесторонней подготовки кадров. Малая академия наук, действующая в Свердловске,— одна из очень удачных форм подготовки научной молодежи, раннего проявления способностей, выявления талантов. «Выявление талантов и способностей — работа важности общегосударственной»—слова, высказанные академиком М. А. Лаврентьевым много лет назад, не только не утратили своего смысла сегодня, но и приобрели еще большее значение. Поднимая вопрос о подготовке молодых кадров, редакция журнала «Огонек» обращается к упомянутым выше организациям — ЦК ВЛКСМ, Президиуму АН СССР, Свердловскому обкому КПСС с предложением подойти к этому с вниманием и реальной помощью. То беспокойство и те затраты, без которых немыслимо ни одно новое дело, будут сторицей вознаграждены. Завтрашние успехи страны закладываются сегодня.

КАДРЫ:
КОМПЕТЕНТНОСТЬ
И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

БЫЛО 91 ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ — СДЕЛАЛИ 13 ●
ДИСПЛЕЙ СТАНЕТ НАДЕЖНЫМ ПОМОЩНИКОМ ●
ПРИЕЗЖАЙТЕ ЧЕРЕЗ ГОД! ●

ПРИШЕЛ НОВЫЙ ДИРЕКТОР

Зоя ЗОЛОТОВА, фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА, специальные корреспонденты «Огонька»


— Не хотели меня аттестовывать. Главный инженер Килин, он же замдиректора, он же и председатель комиссии, говорит: «Заявление даже не подавай. Не годишься ты, Лякишев, руководить отделом, неграмотный ты специалист, хоть и кандидат...» Что делать, думаю. Уходить? Работа нравится... Ладно, не буду ворошить прошлое... Короче, аттестацию все-таки прошел, правда, самый последний: десять — «за», один — «против». Догадываюсь, кто...

Игорь Борисович Лякишев говорит громко, волнуясь. Руководит он отделом интегрированных систем промышленно-торговых объединений. Встретились мы случайно — Лякишев в отпуске, но в институт заходит: новую, интересную, а главное, самостоятельную задачу поручили отделу.

— Мя-ки-на была в институте, мя-ки-на, понимаете? На голом энтузиазме двигаться сейчас нельзя. Да и энтузиазм появится и глохнет тут же. Из-за того, что руководство мешает. Директор, зам мешали, и главный инженер мешал. Ругался с Килиным, было бы другое время, вызвал на дуэль...

Из постановления Ивановского городского комитета народного контроля:

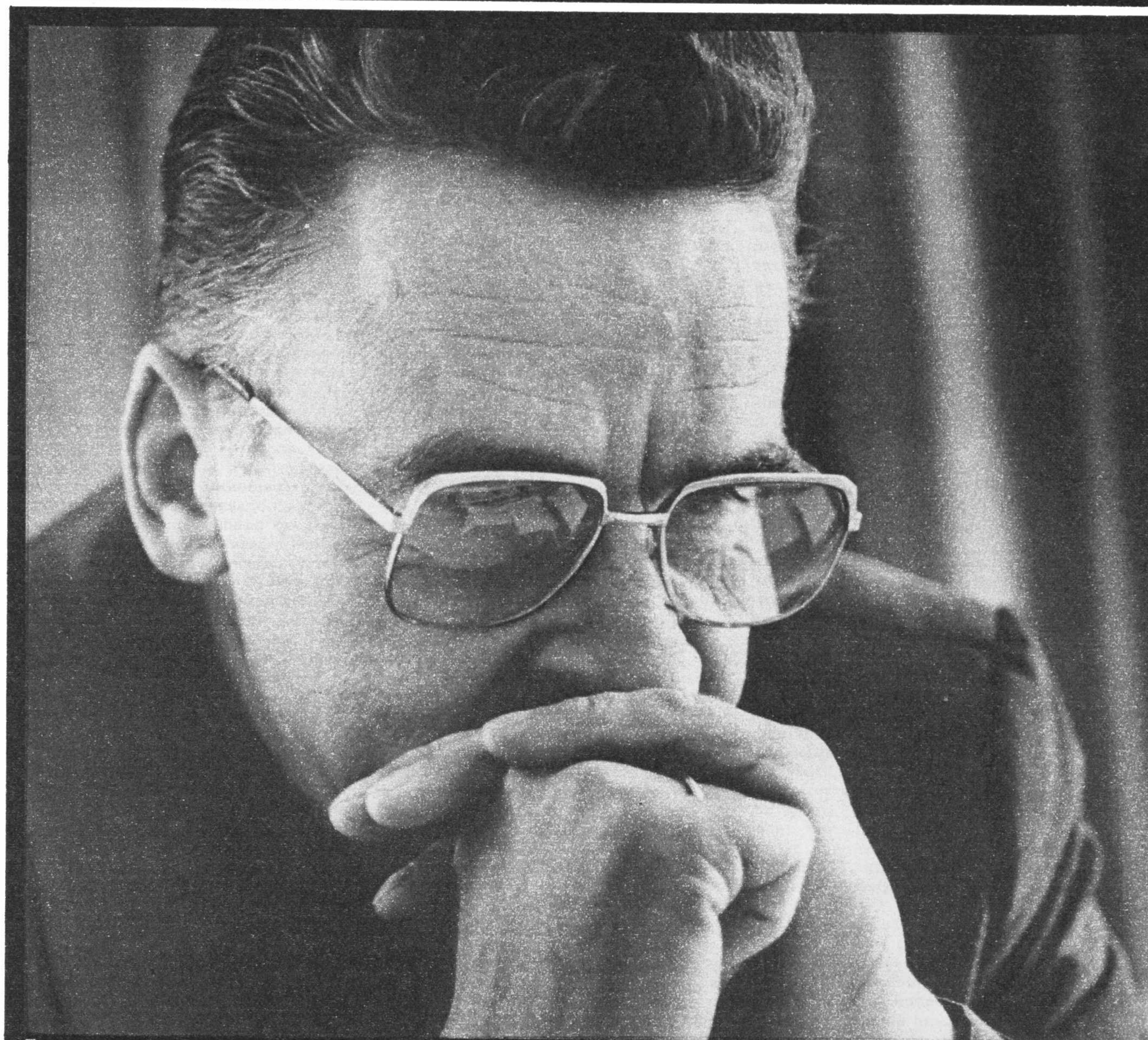
Институт (директор т. Смирнов Ю. П., главный инженер т. Килин В. П.) не в полную меру выполняет свои функции. ...Здесь создавалась атмосфера благополучия и безответственного отношения к судьбам некоторых научных разработок на стадии их внедрения и эксплуатации...

Для ткацкой фабрики имени 8 Марта институт разработал три задачи. Однако на момент проверки из-за недоработок института задачи АСУ не эксплуатировались...

За пятилетку институт необоснованно включил в свою отчетность данные о фактическом экономическом эффекте по 7 темам из 12, завысив фактический экономический эффект по проверенным предприятиям более чем в 2 раза...

...В общей сложности сотрудникам института незаконно было выплачено 12 тысяч рублей.

За невыполнение задач, возложенных на институт, по разработке и внедрению важных тем на ряде текстильных предприятий города, недостаточное повышение научного уровня работ и их результативности, необъективность в отчетах о выполнении плана и полученном экономическом эффекте, нарушение порядка премирования сотрудников института директору ВНИПИАСУлегпрома т. Смирнову Ю. П., главному инженеру института т. Килину В. П. объявить по строгому выговору. Предупредить тт. Смирнова и Килина, что если они не исправят положение дел, то к ним будут приняты более строгие меры.


Три месяца возглавляет институт В. С. СКВОРЦОВ:
— ТРУДНОЕ, КОНЕЧНО, ДОСТАЛОСЬ НАСЛЕДСТВО...

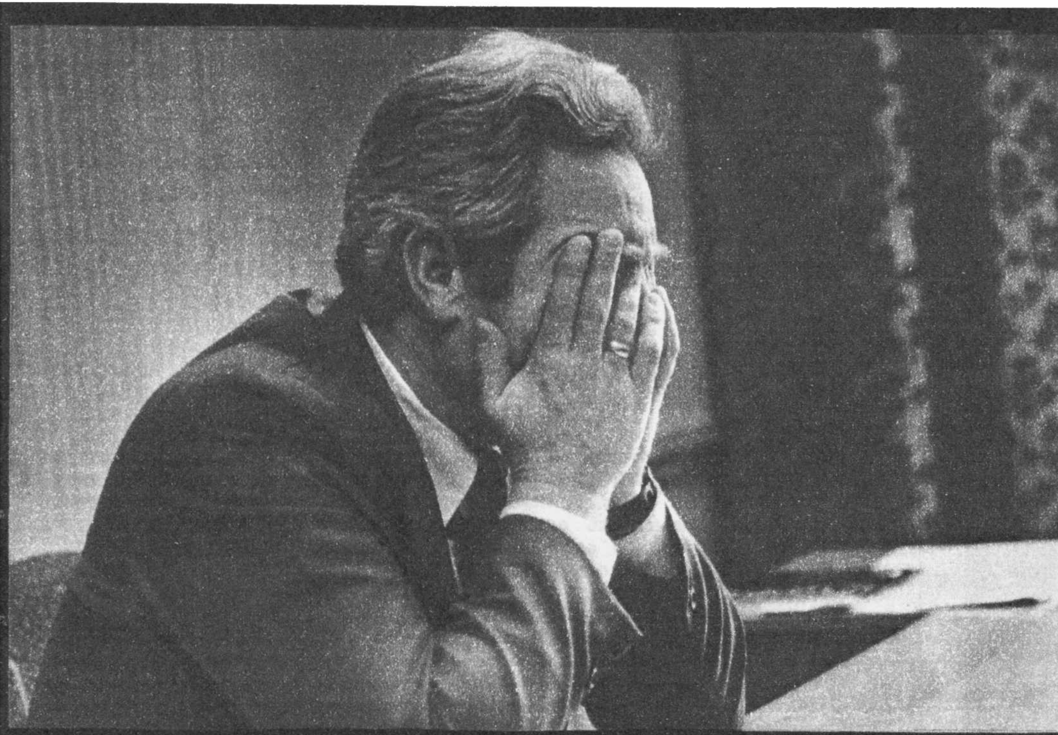
— Судите сами,— продолжает Лякишев.— В самый напряженный момент вынимает начальство сотрудников из отдела: база, колхоз. Висят на доске пять графиков, пашем, сеем, сенокос, уборка, метем улицы... Вот где пригодилась моя высшая математика — в распределении людей, кого куда. Мой сотрудник — одновременно и электронщик, и тракторист. Какие там научные разработки? Два месяца в колхозе. Потом в отпуск. Доходило до того, что институт на лето закрывали. Не побоюсь сказать, что сельхозработами наше руководство свою несостоятельность, научную и производственную, прикрывало. Вы-год-но это было... Вы-год-но...

В Иванове мы оказались в связи с письмом: на одной из фабрик производственного швейного объединения — брак. Первый день провели на фабрике, пытаясь вникнуть в существо дела. Второй...

И вот тут позвольте признаться: задание редакции осталось невыполненным. Видим, не покупают пальто, но ведь и тканей цвета английского неба или цвета выжженной степи ивановским швейникам взять негде! Да и ладно ли будет оно сидеть, если до сих пор по старинке — утюжком, если оборудование тоже с дедовских времен? А план есть план, его выполнять надо! Согласны, не только в поставщиках дело, большая вина и самих работников фабрики. Но если откровенно, не стали мы делать репортаж по той причине, что слишком уж много их критикуют, а помощи конкретной — слишком мало. Вот и сейчас, перед нашим приездом, посетила ее высокопоставленная комиссия, значит, снова будет критика. Подождем результатов...

Но командировка есть командировка, и возвращаться с пустым блокнотом и неотснятой пленкой не годится... Правда, в Иванове многие открыто рассказывали о своих трудностях, но тем не менее не откликались на нашу просьбу: провести по своему предприятию, показать на месте, кто и как помогает делу либо мешает ему. Отказывались, хотя и считали гласность основной приметой нашего времени. Забегая вперед, скажем, что, вернувшись в Москву, столкнулись, увы, с тем же. Директора трех ткацких фабрик упорно доказывали, что у них все благополучно.

Даже В. И. Челышев, возглавляющий городской комитет народного контроля, тоже считал, что, мол, на многих предприятиях Иванова ныне горячо, а то и тревожно — поменялось руководство, стало быть, все впереди и, значит, нужно ли говорить сейчас об этих тревогах. «Нужно»,— настаиваем и вместе с Челышевым едем в район, где расположен Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт автоматизированных систем управления в легкой промышленности — сокращенно ВНИПИАСУлегпром.



Заместитель директора В. П. КИЛИН. Встречали ли вы в каком другом научно-исследовательском институте зама по науке без ученой степени! — СЛИШКОМ ТРЕБОВАТЕЛЬНЫЙ БЫЛ К СЕБЕ, КАК УЧЕНЫЙ, ДА И ВСЯ РАБОТА ЛОЖИЛАСЬ НА МЕНЯ. ВЫХОДА НЕТ — БУДУ ГОТОВИТЬ ДИССЕРТАЦИЮ...

— Задача нашего института — удовлетворять потребность всей легкой промышленности в АСУ,— продолжает свой рассказ И. Б. Лякишев.— Машины помогают рационально использовать сырьевые ресурсы, экономить материалы и могут даже предугадать обрыв нити. Архиважная задача, если работать не для галочки... Три месяца назад к нам пришел новый директор. Проработал месяц, и уже — новая структура. Было 91 подразделение, одни начальники... Теперь укрупнили отделы, сделали тринадцать. У меня в отделе четыре лаборатории...

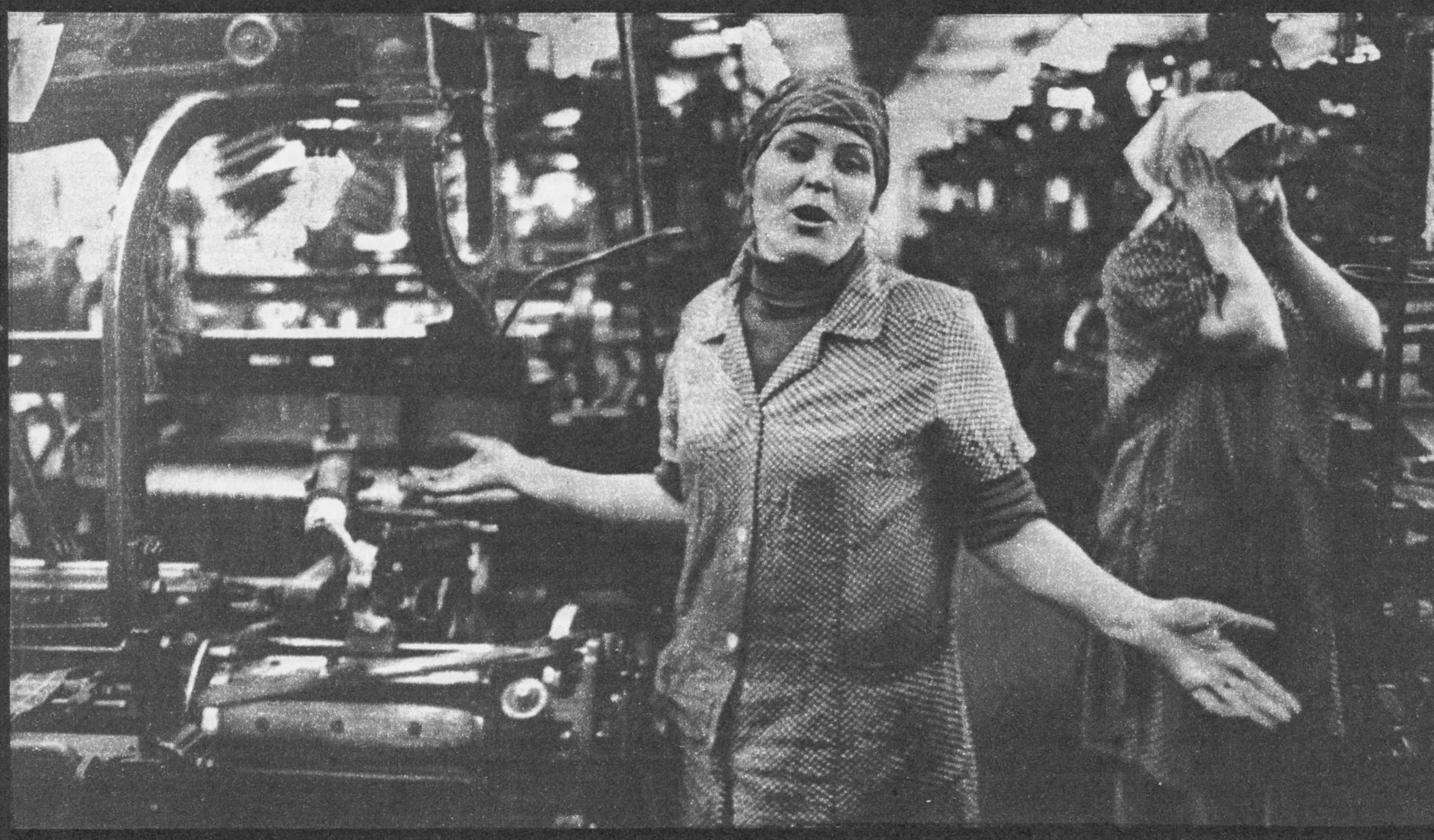
Новый директор Вавельян Сергеевич Скворцов — коренной ивановец. Восемь лет после окончания текстильного института отдал он меланжевому комбинату в Родниках, тогда отстающему предприятию. Был и заместителем начальника цеха, и мастером, и руководил прядильной фабрикой. Долго, тяжко налаживалось дело. Только душой сросся с фабрикой, с людьми — новое назначение, на другой комбинат, уже в Иванове, тоже план не выполняющий. И снова наладил работу. Через пять лет переводят в известнейшее в отрасли промышленное объединение хлопчатобумажных тканей «Ивхлоппром». Здесь Скворцов первый среди промышленников области защитил кандидатскую диссертацию, а за опыт реконструкции производства был удостоен Государственной премии СССР. Но так уж складывалась его судьба, что узнавал он о наградах за производственные успехи, которые получали предприятия, выведенные им в передовые, когда он, Скворцов, уже начинал новое дело. Как и сейчас, здесь, в институте.

Директор встретил нас, прямо скажем, без особого удовольствия, мы почувствовали его занятость. О недавнем прошлом сказал коротко, как отрезал:

— Если я здесь, то все, что было до меня, тоже мое. Я отвечаю за все... Приезжайте к нам через год. Пока — что? Пока четырнадцать кандидатов и, увы, ни одного авторского свидетельства. Вот и получается, что под могучим дубом и трава не выросла. Надо суметь за два года организовать эффективный научный процесс. Что, долго? Два года, чтобы получить конечный результат, для науки срок короткий. Уже сейчас вижу, что есть сотрудники, которые топят дело в пустых обещаниях, закопались в бумагах. Что ж, наверняка



Вот еще один заместитель директора, Д. А. ЖУК. Он занимал эту должность и раньше: — ПОЧЕМУ БЫЛА НИЗКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗРАБОТОК, СПРАШИВАЕТЕ! ДОЛГО ШЛИ В ТУПИК И НЕ СВОРАЧИВАЛИ... — ВСЕМ КОЛЛЕКТИВОМ ШЛИ! НЕ ОСТАНАВЛИВАЯСЬ! — ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОСТАНОВИТЬСЯ, НАДО ДОЙТИ ДО КОНЦА ТУПИКА...

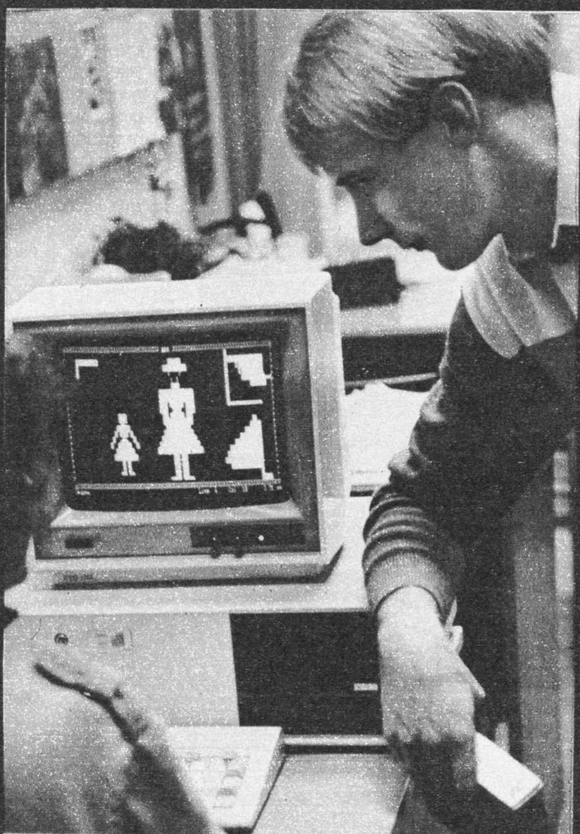


В. И. РОМАНОВА 32 года работает ткачихой на московской фабрике, которую не называем по просьбе директора этого предприятия: — КАКИЕ ЕЩЕ АСУ!! У НАС ОБОРУДОВАНИЕ С 1872 ГОДА... ШУМ, ГРОХОТ...

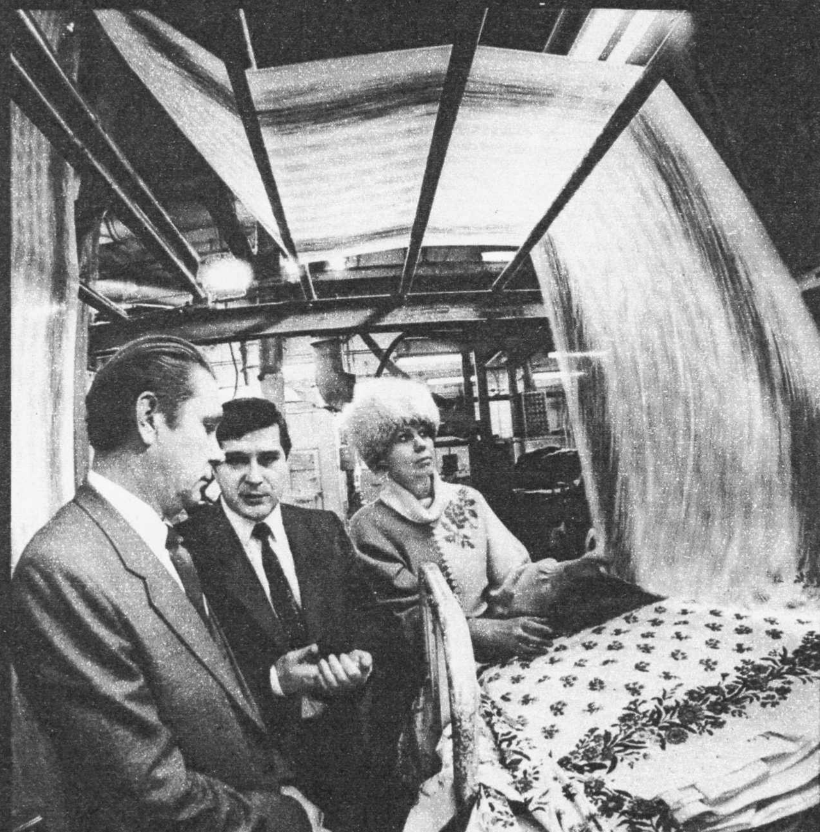
им придется уступить место более энергичным. Способности людей можно проверить объективно, оценить их через конкретное дело, план, увеличение объемов работы. Наш институт вошел в межотраслевой комплекс «Текстиль» — задача государственной важности. С кем ее выполнять? Есть, и довольно много, кому надоело годами бездельничать, как говорится, толочь воду в ступе. Надоела неразбериха, бессистемность... Молодежи особенно... Многое предстоит сделать. Изменить технологию научных исследований. Нужно опытное экспериментальное производство, без него нет отраслевой науки. Нужно новое положение о трудовом участии, о премиях. Нужно...— Зазвонил телефон. Мы догадались — Москва. Через минуту Скворцов сообщил: — Маленькая радость: получена новая техника под программу.

И, несмотря на то, что многое пришлось «начинать с белого листа» (это его выражение), директор убежден, что через два года институт будет не узнать:

— А в общем, зачем ждать два года? Приезжайте через год...



А. БУШЕВ, научный сотрудник отдела интегрированных систем промышленно-торговых объединений: — УВЫ, ГОТОВОЙ ПРОДУКЦИИ НА СКЛАДАХ ГНИЕТ НА МИЛЛИАРДЫ... НУЖНЫ МАЛЕНЬКИЕ ПАРТИИ ОДЕЖДЫ. ДИСПЛЕЙ ПОМОГАЕТ РАСЧЕТАМ ПРИ РАСКЛАДКЕ ЛЕКАЛ.



Л. Б. ПЕТРОВ (в центре), главный инженер Ивановского комбината имени Самойлова: — РАНЬШЕ ИНСТИТУТ РАЗРАБОТАЕТ ЛИНИЮ АСУ — И НА ЭТОМ ДЕЛУ КОНЕЦ. ТЕПЕРЬ НЕ ТАК: ДВОЙНАЯ ПРОВЕРКА — ЗА ЛИНИЕЙ СЛЕДЯТ КОМИТЕТ НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ И НАУЧНЫЕ СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА.

СОБЫТИЕ НЕДЕЛИ

ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ ГОДА

Сообщает ЦСУ СССР

В 1986 году в ходе реализации решений XXVII съезда КПСС произошли положительные сдвиги в народном хозяйстве, повысилась его эффективность, говорится в сообщении ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1986 году. Уверенно набирала силу перестройка в обществе. Преодолевалась негативная тенденция снижения темпов развития; почти во всех отраслях общественного производства они повысились. Наметился поворот к более активному осуществлению социальной политики, укреплению материальной базы социально-культурной сферы.

Вместе с тем итоги года свидетельствуют, что не везде работа по перестройке соответствовала духу времени. На некоторых участках народного хозяйства она проходила медленно, не затронула глубинные процессы.

Произведенный национальный доход составил около 590 миллиардов рублей (в фактических ценах). Продукция промышленности возросла по сравнению с предыдущим годом на 39 миллиардов рублей и достигла 840 миллиардов рублей. Продукции сельского хозяйства получено 219,2 миллиарда рублей, что на 17,5 миллиарда рублей, или на 9 процентов больше, чем в среднем за год в одиннадцатой пятилетке.

1917 • 1987 Н

ПРОШУ СЛОВА!

Лауреат Государственной премии СССР Михаил Шатров — известный советский драматург, последовательно развивающий в своем творчестве ленинскую тему, автор пьес «Шестое июля», «Большевики», «Синие кони на красной траве», «Так победим!», «Диктатура совести».

Михаил ШАТРОВ

●

Из моего писательского блокнота:

«2 ДЕКАБРЯ 1986 ГОДА. Соседка, студентка, принесла из института план семинарских занятий по теме «XXVII съезд КПСС». Вполне современные темы: «XXVII съезд и развитие демократии», «XXVII съезд и борьба за мир», знакомые и понятные слова. Но что-то не так. Смотрю внимательнее. Оказывается, в ротапринтно изданном плане напечатано «XXVI», а затем аккуратненько, ручкой исправлено на «XXVII». Вот и вся перестройка в преподавании общественных дисциплин в одном из ведущих институтов страны.

28 НОЯБРЯ 1986 ГОДА, 15 ЧАСОВ ДНЯ. Заседание секретариата Союза театральных деятелей РСФСР. Идет настоящая «мозговая» атака. Решается будущее Союза, его Устав. Вносятся и тут же отвергаются десятки предложений. Присутствующий крупный и многоопытный работник органов управления ухмыляется: «Ну-ну, позабавьтесь...» В его сознании коллективная работа над Уставом — это всего лишь разрешенная игра в демократию.

КОНЕЦ ОКТЯБРЯ. Главный редактор одного гуманитарного журнала освобожден от занимаемой должности. В выданной ему характеристике партбюро отметило, что он человек добрый, отзывчивый, но малокомпетентный, страдающий угодливостью по отношению ко всем, кто выше. Оскорбленный бывший редактор пожаловался начальству. «XXVII съезд партии, уроки правды»,— объяснил секретарь партбюро. «Вы что это, всерьез? — спросили его.— Неужели вы не понимаете, что это все скоро кончится и вам будет стыдно за вашу наивность?»

2 ДЕКАБРЯ. Художественный театр, актерский гардероб.

«Ты подпишешь письмо в защиту Ефремова?»

«Ну, хорошо, а если они его «съедят», что тогда будет со мной?»

Откуда все это? Формализм и неверие, инерция мышления и развращенное сознание?»

В 1986 году произведено товаров народного потребления на 313 миллиардов рублей. По сравнению с 1985 годом производство товаров увеличилось на 6 процентов.

Увеличились масштабы жилищного строительства. За счет всех источников финансирования сдано в эксплуатацию 118,2 миллиона квадратных метров общей площади жилых домов, или 2,1 миллиона благоустроенных квартир. Справили новоселье свыше 10 миллионов человек. План строительства жилья в целом выполнен.

Улучшились демографические показатели. Продолжалось повышение рождаемости — число родившихся в 1986 году в расчете на 1000 жителей составило 19,9 против 19,4 в 1985 году. Отмечалось значительное снижение смертности — до 9,7 против 10,6, что обусловлено главным образом усилением борьбы с пьянством и алкоголизмом. Особенно резко сократилась смертность от несчастных случаев, отравлений и травм. Впервые за последние 10 лет наблюдалось увеличение показателя средней продолжительности предстоящей жизни до 69 лет. Население страны за минувший год возросло на 2,9 миллиона человек. Общая численность населения Советского Союза на 1 января 1987 года составила 281,7 миллиона человек.

ОТСТАИВАЯ БУДУЩЕЕ

ИЗ ПОСЛАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА ЛИДЕРАМ АРГЕНТИНЫ, ГРЕЦИИ, ИНДИИ, МЕКСИКИ, ШВЕЦИИ И ТАНЗАНИИ В СВЯЗИ С ПРИНЯТОЙ ИМИ ДЕКЛАРАЦИЕЙ ПО СЛУЧАЮ УХОДЯЩЕГО 1986 ГОДА

«Хочу подтвердить наше принципиальное отношение к задаче запрещения ядерных испытаний в целом. Мы по-прежнему рассматриваем полное запрещение испытаний ядерного оружия в качестве первоочередной меры на пути к свертыванию ядерных вооружений и их последующей ликвидации. СССР предлагает решать этот вопрос незамедлительно. И если даже нас вынудят возобновить ядерные взрывы, мы будем столь же настойчиво выступать за начало полномасштабных переговоров по этой проблеме, которые мы готовы вести в любом составе и на любом форуме, но, разумеется, с участием США».

ЕОБРАТИМОСТЬ ПЕРЕМЕН

23 декабря 1922 года. Квартира Ленина. Владимир Ильич, тяжело больной, лежит в своем кабинете. Рядом, в соседней комнате было написано вот это письмо Каменеву:

«Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина». Надежда Константиновна просила оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз». «В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 674—675).

Не знаю, что больше потрясает в этом документе. Меня вот эта фраза: «В единогласном решении Контрольной комиссии я не сомневаюсь». Вот тут корень всего того, что произошло потом, когда один человек, сосредоточив, по словам Ленина, в своих руках необъятную власть, отбросил демократические принципы партийной жизни, как погремушку, недостойную внимания серьезных людей.

Давно известно: власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно.

Только у обладавшего необъятной властью могла возникнуть идея превращения человека в винтик бюрократической государственной машины и только обладающий такой властью мог преуспеть на этом пути. Здесь был разрыв с нравственными принципами Октября, социализма. И за это заплатили народ и партия.

Винтик, запуганный бездумный исполнитель, живущий в атмосфере страха,— или мыслящий активный человек, деятельный хозяин своего большого дома?

Каким же гигантским потенциалом обладала наша Октябрьская революция, если она все это могла выдержать, построить страну, выстоять в войне и, несмотря ни на что, выстрадать 1956 год — XX съезд партии!

Быть может, кто-то забыл, но все это было тридцать лет тому назад. Давайте подумаем об этом.

Я хорошо помню весну 1956 года. XX съезд партии, гигантский рывок страны, сбросившей с себя антиленинские путы идеологии и практики культа личности. Но я вспомнил и то, как постепенно, шаг за шагом этот процесс стал выхолащиваться, как силы прошлого, которые мы не сумели до конца выкорчевать, стали оживать и поднимать голову, как антидемократические тенденции, которые по сути своей являются антисоциалистическими, снова стали тормозить наше движение. И мы, это надо признать с горечью, из-за собственной неактивности, малодушия, равнодушия, что ли, мы вновь уперлись во что-то старое и знакомое.

И вот март 1985 года. Мы все время говорим об апреле, а мне хочется сказать именно о марте.

Март 1985 года — это борьба не за власть, а за идею, за необходимость и возможность демократического обновления страны, борьба за возврат к идеалам Октября.

Была ли альтернатива?

С точки зрения коренных интересов социализма ее никогда не было. Но не следует забывать, что в реальной жизни она была. Лозунги «Превратим Москву в образцовый коммунистический город», прикрывавшие зачастую ложь, коррупцию и иные последствия дефицита демократии, могли появиться по всей стране. Мы не должны забывать об этой угрозе, реально существовавшей в марте 1985 года, которая пусть не сразу, но могла привести к рецидиву «необъятной власти». Ибо проблемы, душившие страну, могли решаться или на путях демократизации, или загоняться внутрь твердой рукой. Третьего не дано.

Абсолютно убежден: страна выстрадала перестройку.

В тот драматический момент нашей истории нашлись люди, проявившие мужество и мудрость. Вот тогда-то во всей своей силе проявился человеческий фактор. Отдадим дань этому мужеству, будем воспитывать его и в себе.

Я искренне завидую драматургам будущего, которые получат возможность рассказать об этой судьбоносной странице нашей истории. А пока — мы не должны забывать о том, что перед апрелем был март. И о том, что предшествовало марту.

Лев Николаевич Толстой в статье «Николай Палкин» писал:

«Мы говорим: зачем поминать?.. зачем поминать старое? Теперь уж этого нет больше... Зачем это вспоминать?.. Зачем раздражать народ?.. Как зачем поминать? Если у меня была лихая болезнь или опасная и я излечился или избавился от нее, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болею и все так же болею, еще хуже, и мне хочется обмануть себя».

Начиная с марта 1985 года мы с надеждой ждем каждый новый день и боимся, а вдруг кончится? А между тем ничто не прекращается, ничто не превращается в привычную кампанию, наоборот, удивительно последовательно набирает скорость, развивается, отвоевывая все новые плацдармы демократического обновления общества.

История дает нам сегодня еще один шанс. И наша святая обязанность этот шанс не упустить, сделать все, что в силах каждого, чтобы процесс демократизации стал действительно необратимым.

Необратимость — это твердые условия, гарантии и социальные механизмы социалистической демократии.

Необратимость — это прежде всего свободный, духовно раскрепощенный человек, который ни слова не возьмет на веру, ни слова не скажет против совести, не побоится признаться ни в какой трудности, не побоится никакой борьбы за серьезную цель.

Необратимость — это иммунитет в сознании человека против рецидивов духовного рабства.

Именно здесь поле боя искусства и литературы, задача которых, говоря словами Герцена, увеличение свободомыслящих, активных, любящих свое Отечество людей. Вот программа, которая должна объединить всех нас.

В середине 70-х годов мои ученики часто задавали мне вопросы: почему в 1956-м не все получилось? Где были вы? Что вы писали? Чем помогли партии?

Давайте уже сегодня, не откладывая, сделаем все, чтобы вопросы такого рода не нужно было бы задавать никогда и никому! Никогда и никому!

В июле этого года весь мир будет отмечать столетие со дня рождения выдающегося художника современности М. Шагала, чьи картины хранятся в крупнейших художественных галереях мира, чьему творчеству посвящено множество статей, книг, монографий. Судьба его — легенда. Имя его — один из паролей искусства двадцатого века. Родившись в России, прожив в ней многие годы, он долго жил и творил вдали от нее. И всегда, ни на мгновение не забывал Родины, тосковал по ней, стремился к свиданию со своими соотечественниками. Его приезд в Советский Союз был и радостным, и печальным: Марк Захарович остро ощутил кровную связь с землей своих предков, с отчим домом. Когда он говорил о Витебске, в его глазах стояли слезы. Хочется надеяться, что у нас вскоре будет издана работа, посвященная творчеству выдающегося мастера кисти, открыта выставка его работ, организован музей. Поэт Андрей Вознесенский побывал на родине М. Шагала, в Витебске. Публикуем его эссе об этой поездке. В дни юбилея художника «Огонек» опубликует статьи, посвященные М. Шагалу, другие материалы, связанные с его жизнью и творчеством, а также репродукции с полотен прославленного живописца и графика.


Марк Шагал.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ГАЛА ШАГАЛА

Голубой патриарх мировой живописи Марк Шагал всего два года не дожил до своего столетия. Ежедневно до последнего часа он творил свои загадочные полотна...

Сегодня мы побродим по заповедным витебским улочкам.

В Витебске есть телевизионный завод, но истинные видео — это великие полотна Шагала. На них до изобретения линз и трубок летают скрипачи в картузах и красные избы, на его гениальных клипах подсвеченные зарей века беременные козы щемяще превращаются в Эйфелеву башню.

В этом году человечество будет праздновать столетие со дня рождения художника. Весь мир знает Витебск по полотнам Шагала, и лишь на родине его, в Витебске, нет ни одной его картины, ни его музея, ни мемориальной доски, ни улочки его имени.

Я приехал в метельный Витебск в канун нынешнего, 1987 года. На площади устанавливали гигантскую, темную, еще не убранную, загадочную елку. Что хотелось бы увидеть на елке? Конечно, маленький Музей Шагала в этом Новом году.

Ах, какую колдовскую елку мог бы украсить художник своими летучими персонажами! Парящие любовники, наивные рыбы, магические циферблаты — это чувственное чудо быта сверкало бы на темно-зеленом фоне — библейские звезды Вифлеема, витебские Вии и ярко-зеленые запретные свиньи, мужик в малиновой рубахе с лозунгом «Мир хижинам — война дворцам», а в центре сиял бы домик с зеленой крышей под вывеской «Музей Шагала»...

Давно написал я эти строки:

Если сердце не солгало,
то в каком-нибудь году
в Витебске в Музей Шагала
обязательно зайду.

Знакомые мои лишь скептически усмехались, считая это черным юмором. Но о музеях надо не вздыхать, а создавать их. Все жители Витебска, которых я встречал, ратуют за увековечение памяти их великого земляка. Правда, некоторые ратуют осторожно: «Создадим, если вверху примут решение...»

Подъезжаем на ул. Дзержинского, бывшую 2-ю Покровскую, где чудом уцелел одноэтажный домишко художника. Он из красного узкого кирпича, о четырех окошках в белых окладах. Рамы крашены васильковым. Собака, именованная на воротах как злая, бешено срывается с цепи на поклонников Шагала. Собственно, художник родился не здесь, а под Витебском, в местечке Лиозно, где дядя его имел парикмахерскую, но младенца сразу же отвезли в город. Мальчик был первенцем. Кроме него, в семье было девять детей.

Шагал не только в живописи был поэтом, он всю жизнь писал стихи. Сколько я его ни видел, всегда в нем поражало таинство. Этому дому он посвятил строки: «Домик напоминал мне шишку на башке зеленого раввина, которую я нарисовал, или картофелину, брошенную в бочку селедок».

Нынешний хозяин дома, отрекомендовавшийся нам Зямой, маляр на пенсии, будто сошедший с шагаловского полотна, довоенным пацаном слышал россказни очевидцев о жившем здесь лохматом художнике. Потолки высокие. На стене фотографии Зямы в орденах и медалях. За стеклом книжных полок вырезанный из журнала портрет генералиссимуса. На полках — подписные издания, Фет, Ахматова, современная поэзия. Зяма говорит, что ранее на месте левого окна была дверь. И правда, снаружи видим следы заложенного кирпичом проема. Так что реставраторам будущего музея есть работа, хоть и небольшая.

Война снесла 93 процента Витебска. В живых осталось всего 118 жителей.

Американская комиссия считала невозможным строить на том же месте и рекомендовала перенести город. Провидение, видно, сохранило домик художника и псевдоампирный особняк начала века, в котором располагались УНОВИС — мастерские Малевича и Лисицкого.

Шагал называл Париж своим вторым Витебском.

15 февраля 1944 года он опубликовал в нью-йоркской газете свое письмо-плач «Моему городу Витебску»:

«Давно, мой любимый город, я тебя не видел, не упирался в твои заборы.

Мой милый, ты не сказал мне с болью: почему я, любя, ушел от тебя на долгие годы? Парень, думал ты, ищет где-то он яркие особые краски, что сыплются, как звезды или снег, на наши крыши. Где он возьмет их? Почему он не может найти их рядом?

Я оставил на твоей земле, моя родина, могилы предков и рассыпанные камни. Я не жил с тобой, но не было ни одной моей картины, которая бы не отражала твою радость и печаль.

Все эти годы меня тревожило одно: понимаешь ли ты меня, мой город, понимают ли меня твои граждане?

Когда я услышал, что беда стоит у твоих врат, я представил себе такую страшную картину: враг лезет в мой дом на Покровской улице и по моим окнам бьет железом.

Мы, люди, не можем тихо и спокойно ждать, пока станет испепеленной планета.

Врагу мало было города на моих картинах, которые он искромсал, как мог,— он пришел жечь мой дом и город.

Его «доктора философии», которые

обо мне писали «глубокие» слова, теперь пришли к тебе, мой город, сбросить моих братьев с высокого моста в Двину, стрелять, жечь, наблюдать с кривыми улыбками в свои монокли...»

«Кривые» — ах, это любимое словцо Мандельштама! «Криво звучит, а не прямо» — это и о шагаловских улочках.

Живописно расположенный на холмах и оврагах город над Двиной утратил позже свой уникальный силуэт. Сейчас планируется восстановить храм св. Варвары с органом — для концертзала и картинной галереи. Оставшийся Покровский собор почти до сводов был завален окаменевшей за годы грязью. В августе 1986 года молодые энтузиасты Витебска, самостийно объединившись в клуб «Изгорье», долбили, выносили на носилках тонны грязи, очищали собор — все это бескорыстно, после работы и учебы. Женщины приносили им самовары и булки. Костяк клуба — 30 человек. К нему примыкают сотни. Лидер их, светловолосый, стройный, нетерпеливый юноша, едва вернувшийся из армии, оказался тем самым Сергеем, который когда-то написал мне, будто моя статья помогла спасти от разрушения старые кварталы Витебска, и я процитировал его письмо в статье «Экология культуры».

Новые друзья, решительное будущее Витебска, везут меня по древнему уцелевшему центру. Странно видеть эти щемящие уникальные балконные решетки — страшно, что их могли преступно разрушить.

Сохранился над витебским обрывом гранитный монумент с чугунными орлами, поставленный к 100-летию войны 1812 года архитектором Фоминым. Тем самым классиком нашей архитектуры, который пытался спасти Сухареву башню, спроектировав объездную площадь. Фоминский гранит лишь выщерблен от пуль и взрывов. Немцы не трогали мемориалы 1812 года, имея зуб на Наполеона.

Случилось так, что накануне витебской поездки я посетил Бородинское поле. Белые обелиски при въезде сливались со снежным пространством, и лишь чугунные орлы на них низко парили над полем. Когда переезжали речку Колочу, сердце заколотилось. На снежном холме место захоронения Багратиона обнесено свежим тесовым забором. На заборе надпись: «Опасно! Реставрационные работы».

Забор желтеет на снегу, подобно бинту, пожелтевшему от гноя на ране.

Это рана отечественной истории и культуры.

Здесь на поле пролилась кровь князя П. И. Багратиона.

В 1932 году склеп Багратиона был преступно взорван вместе с памятником «Всем полкам и дивизиям» работы Адомини, воздвигнутым на собранные солдатские деньги. Короткий подземный ход соединял памятник со склепом героя, которого погребли здесь по идее его адъютанта и поэта Дениса Давыдова. Осталась лишь задняя стенка из белого камня, наверно, мячковского, как и детали Сухаревой башни. Округа содрогнулась от святотатственного взрыва. Багратион вторично погиб. Позднее здесь устроили карьер — добывали камень из священного фундамента на местные хозяйственные нужды.

Этим летом найдено пять медных пуговиц, четыре позвонка, кант эполет и клочок малахитового невыцветшего егерского сукна — все, что осталось от взорванного праха бородинского героя, спасшего нашу страну, ее судьбу, в том числе и того, который отдал приказ об этом кощунственном взрыве,— где-то он здравствует поныне? Мучает ли его совесть, этого подрывника истории? Или его когда-нибудь, как на суд, привезут сюда на экскурсию? Да вряд ли он понял и помнит свой страшный грех.

«Ров — полный горечи и слез...» — написано в стихах Шагала. Когда-то он иллюстрировал мои стихи «Зов озера», посвященные гетто, расстрелянному и затопленному водой. Я писал об этом в поэме «Ров». Прошлое оживает и кричит рядом.

Рождающееся новое молодежное движение Витебска обнадеживает. На них похожи московские ребята, что отстаивают Щербаковские палаты и лефортовский ампир, останавливают преступные бульдозеры строителей-разрушителей. Ценители «хард-металла» и брейка спасают историю вопреки инертному скептицизму старших. Они готовы отдать все силы созданию в Витебске музея Шагала.

В городском архиве читаю выданный Луначарским мандат № 3051: «т. художник Марк ШАГАЛ назначается Уполномоченным по делам искусств в Витебской губернии. Всем революционным властям предлагается оказывать тов. ШАГАЛ полное содействие». Прочитаем декрет наивного комиссара от 16 октября 1918 года: «Всем лицам и учреждениям, имеющим мольберты, предлагается передать таковые во временное распоряжение Художественной Комиссии по украшению г. Витебска к Октябрьским праздникам. Губернский Уполномоченный по делам искусств Шагал».

Смотрю искрящуюся от времени старую документальную киноленту празднования 1-й годовщины Октября в Витебске, декорированном Шагалом. Горожане в шинелях, узкоплечих пальто, усищах, с бантами в петлицах, семенят на параде, машут нам широкополыми шляпами. Женщины несут палки для шествия на ходулях. Улицы убраны гирляндами, шагаловскими панно «Мир хижинам — война дворцам» и другим, где с герба Витебска вместо рыцаря с мечом восседает на коне веселый трубач. На полотнищах бескомпромиссные и наивные формулы: «Дисциплина и труд буржуев перетрут» или «Революция слов и звуков». Обезумев, несется супрематийно размалеванный трамвай.

Современник запомнил его крепкую походку, цепкий оскал, сентиментальные голубые глаза и яростные вспышки характера. Художник декорировал город семью триумфальными арками, 350 лозунгов было размалевано по его эскизам. Алые лошади и зеленые коровы трепетали на ветру.

В те годы тридцатитрехлетний художник писал П. Эттингеру, давнему корреспонденту Р. М. Рильке: «В Витебске тогда много было столбов, свиней и заборов, а художественные дарования дремали. Оторвавшись от палитры, я умчался в Питер, Москву, и Училище воздвигнуто в 1918 г. В стенах его 500 юношей и девушек... Профессорствовали кроме меня—Добужинский, Пуни, Малевич, Лисицкий, Пэн... При Училище есть драмкружок, который недавно поставил в гор. «Победу над Солнцем» Крученых. (Опера Матюшина.— **А. В.**)».

Всех их, спасая от голода, а с ними и Татлина, и Фалька, и других, привлек в Витебск Шагал. Город стал центром революционной художественной интеллигенции.

«Подумайте, со всей России сорвало крышку, и мы со всем народом очутились под открытым небом. Свобода!— восклицал герой пастернаковского романа «Доктор Живаго».— Можно было бы сказать: с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая. Мне кажется, социализм это море, в которое должны влиться все эти свои, отдельные революции, море жизни, море самобытности. Море жизни, сказал я, той жизни, которую можно видеть на картинах, жизни гениализированной...»

Такова была атмосфера времени. Как это точно сказано, как по-сегодняшнему это читается, про эти «две революции», про революцию внутри каждого — без внутренней свободы нет всеобщей. С этой внутренней революции и начинается художник. Когда я проходил по выставке молодых на Кузнецком, ощущалась именно эта атмосфера обновления. Хочется, чтобы скорее она родила сегодняшнего своего Шагала, Кончаловского, Филонова, Ивана Леонидова!

Эйзенштейн, приехав в тогдашний Витебск, был изумлен: «Здесь главные улицы покрыты белой краской по красным кирпичам. А по белому фону разбежались зеленые круги. Оранжевые квадраты. Синие прямоугольники. Это Витебск 1920 года. По кирпичным его стенам прошлась кисть Казимира Малевича».

Увы, волевой Малевич вскоре стал духовным властелином Витебска. К нему перебежали ученики Шагала. (Так же когда-то Мандельштам вызвал на дуэль Хлебникова, а Блок — Андрея Белого.) Формулы супрематизма были чужды страстному, замешанному на быте вареву Шагала. Однажды, вернувшись после отлучки в Москву, он увидел на дверях вместо вывески «Свободная Академия» надпись «Академия супрематизма».

Самолюбивый художник покидает родной город, а через пару лет и страну.

Лишь в Витебском архиве остался приказ № 114 от 29 июля 1920 года: «Завсекцией изо подотдела искусств художник Шагал за переездом в Москву освобождается от занимаемой им должности. Временно заведование секцией изо возлагается на заведующего музейной секцией художн. Ромма». От Ромма сохранилась рукопись очень интересных мемуаров, где он обвиняет Шагала в деспотизме и иных грехах. Кто рассудит художников? Думаю, их полотна.

Еще в 1936 году Шагал писал на Родину: «Меня хоть и во всем мире считают «интернац.» и французы рады вставлять в свои отделы, но я себя считаю русским художником, и мне это так приятно». Однако в нашей энциклопедии мы читаем непробиваемое: «Марк Шагал — франц. художник». Я много писал о парижском Шагале, теперь поглядим на его Витебск.

Глядя на оставшиеся кубики домишек «на Песковатиках» и в старых кварталах центра, понимаешь источник чувственной манеры Шагала. Да, он учился и у Сезанна, и кубисты влияли на него, но именно так покрывали холмы и овраги плотные по цвету локальные плоскости витебских халуп.

После опубликования моего эссе о художнике в «Неделе» пришло письмо:

«Хочу сообщить Вам о Марке Шагале то, что Вы, возможно, не знаете. Он был в 1923 г. нашим учителем рисования в Малаховской трудовой колонии, где мы, дети, вместе с воспитателями мыли полы, пекли хлеб, дежурили на кухне, качали воду из колодца, и вместе с нами трудился М. Шагал. Нас, детей, приобщили к труду и искусству и воспитали порядочных людей. Шагал относился ко мне тепло, я дружила с его дочкой Идой. Она тоже воспитанница Малаховской колонии. Нас, колонистов, осталось в живых очень мало, но мы будем помнить нашего дорогого учителя всю жизнь. К 90-летию М. Шагала мы, колонисты, послали ему фотографии, где он снят с нами. Он был тронут нашим поздравлением и ответил, что всех нас помнит, что сейчас богат и знатен и никогда не забудет нашей Малаховской колонии, где жил на 2-м этаже со своей Беллой и спал на железной кровати... Я ветеран труда. Еще раз благодарю за Вашу заметку о нашем дорогом учителе и великом художнике. И. Фиалкова».

Вот, оказывается, что стояло за голубым патриархом мировой живописи! Работа в колониях «Малаховка» и «III Интернационал». И изысканная золотоволосая Ида, в салоне которой собирался «весь Париж» от Андре Мальро до мадам Помпиду,— вот что таилось за тонким вкусом ее — голодное малаховское детство!

Это ощущалось за его фантастической колдовской страстью. Он не шаманил, а шагалил на своих полотнах! Вот откуда у него выстраданное глобальное видение — не смесь французского с нижегородским, а всечеловеческого с витебским.

Одновременно как застенчив он был... Пикассо, смеясь, рассказывал мне, как они с Шагалом и Матиссом, кажется, сняли втроем гончарную мастерскую. Уверенные европейцы быстро слепили и обожгли свою керамику. Шагал же смущался, он не мог работать на людях — он так и не создал ничего, пока его сотоварищи не отошли.

Работники краеведческого музея вынимают мне двенадцать полотен Ю. Пэна, мастера репинской школы, учителя Шагала. Потом его любили и учили Н. Рерих и барственный Бенуа, но Пэн был первым. Как помнил добро великий ученик! Предавая



Дом Шагала в Витебске.

Мастерские УНОВИС.

учителя — предают прежде всего себя, свет в себе.

«Я вспоминаю себя мальчиком, когда я подымался на ступеньки Вашей мастерской. С каким трепетом я ждал Вас — Вы должны были решить мою судьбу в присутствии моей покойной матери... Мы не ослеплены. Какая бы крайность ни кинула бы нас в области искусства далеко от Вас по направлению — Ваш образ честного труженика-художника и первого учителя все-таки велик. Я люблю Вас за это». Это письмо 1921 года.

Местные художники чтят Шагала, молодой бородатый скульптор создал триптих «Репин — Шагал — Малевич», работает над мемориальной доской к 100-летию художника. Жители Витебска ищут свои корни — мне подарили древнего языческого идола, найденного в окрестностях,— ему более тысячи лет.

А хранительница музея высвобождает из казенного конверта парижскую открытку, помеченную 7 января 1937 года: Витебск. Художнику Ю. М. Пэну: «Как Вы живете? Уже давно от Вас слова не имел, и как поживает мой любимый город? Я бы, понятно, не узнал его... И как поживают мои домики, в которых я детство провел и которые вместе с Вами писали...»

Остальные слова погублены, вырезаны из открытки вместе с маркой местным любителем филателии. Знал бы он, что эти слова на обороте клочка картона ценнее любой марки!.. Остались обрывки фраз: «Когда помру... обещаю Ва... Преданн...» Застала ли открытка Пэна? В 1937 году старый мэтр был зарублен топором.

Пэну уже больше не напишешь, и он пишет в 1947 году тому же П. Эттингеру, которого, забыв про Пэна, называют теперь единственным корреспондентом художника в нашей стране.

«В Париже сейчас в Музее «Art modern» происходит моя большая ретроспективная выставка почти за 40 лет работы. Успех, как пишет пресса, громадный. Это первый раз, когда делают выставку живого художника в официальном музее вообще, и в частности русского. И хотя я вынужденно жил вдали от родины, я остался душевно верным ей. Я рад, что мог таким образом быть ей немного полезным. И я надеюсь, меня на родине не считают чужим. Не верно ли?»

Однажды в письме он грустно обмолвился: «Мои картины по всему свету разошлись, а в России, видно, не думают и не интересовались моей выставкой...»

Приехав к нам в июне 1973 года, он подарил сто листов своей графики и был огорчен, что к приезду организовали лишь скромную выставку литографий! Марк Захарович мечтал о встрече с Витебском и боялся ее. Увы, просквозившись на балконе гостиницы, он простудился, и о поездке не могло быть и речи. Впрочем, может быть, старый мэтр лукавил. «Я испытывал страх не увидеть своего города таким, каким храню его в своем сердце все время»,— напишет он.

Но как получилось, что родина художника оказалась среди немногих стран, где не издано ни одного альбома, монографии о нем, ни одной открытки, не было ни одной выставки его живописи? Имя его и произведения были долгие годы абсурдно запрещены. Во всем мире знают Витебск по его картинам и потому, что он в нем родился, а в городе нет ни музея, ни улицы его имени?

Может, елка поможет?

Мне видится 100-летний юбилей художника — необычайный Витебск в убранстве шагаловских панно, гирлянд, улиц, расписанных по его эскизам сегодняшними живописцами, музей-домик, освобожденный от пристроек,— и все флаги будут в гости к нему. Думаю, что в комитет по празднованию надо включить как отечественных, так и мировых деятелей культуры.

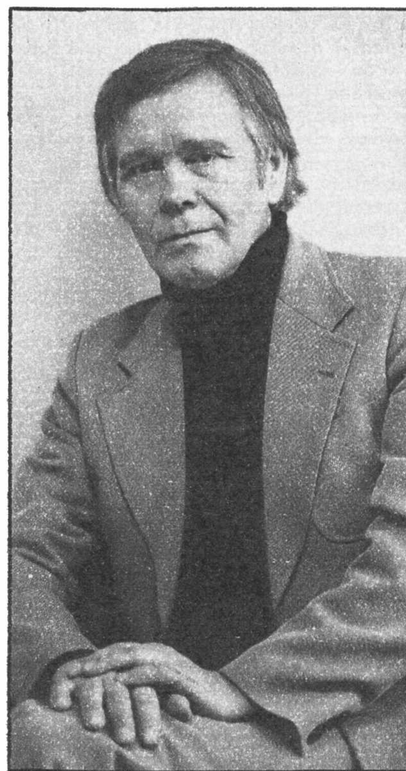
Я вижу выставку в Москве, в Музее имени Пушкина, на открытие которой обещалась приехать вдова художника и предоставить для ретроспективы хранящиеся у нее шедевры. Это должна быть гала-выставка. Праздник Шагала. Да и альбом пора бы издать!..

...Сергей ведет меня к одному из старых кирпичных четырехкомнатных сохранившихся домов. В витебской старинной кладке растворные швы голубеют — связующий раствор имел некий секрет, почему-то он голубого цвета.

Сквозь кирпичные фасады тонкой сеткой будто просвечивает небо. Отламываю крошку раствора — может, химическая экспертиза даст разгадку этого василькового синего — голубизны, пронизывающей Шагала? Его гениального голубого взора — трагического василька Вселенной.



Иллюстрация М. Шагала к стихотворению А. Вознесенского «Зов озера».



Александр Шумилкин

ТВОРЧЕСТВО СИБИРСКОГО ХУДОЖНИКА АЛЕКСАНДРА ШУМИЛКИНА ПИТАЕТ ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО ИСКУССТВА. ОТМЕЧЕННЫЕ ЯРКИМИ ЧЕРТАМИ СВОЕОБРАЗИЯ, ЕГО ГЕРОИ ИМЕЮТ ОДНУ ОБЩУЮ ОСОБЕННОСТЬ — СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР. РАБОТЫ А. ШУМИЛКИНА ЭКСПОНИРОВАЛИСЬ В ИТАЛИИ, ФРАНЦИИ, ФРГ, АВСТРИИ, ИРАКЕ, ЯПОНИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ.

КРАСКИ РУССКОГО СЕВЕРА

Посещая выставки современной живописи, иной раз ловишь себя на мысли, что многое из выставленного уже когда-то и где-то видено. Столь желанная радость открытия художника, ощущающего, чувствующего мир по-своему, стала — увы! — нечастой. С подобными мыслями я отправился и на выставку заслуженного художника РСФСР Александра Шумилкина, живущего в Томске.

Он недавно отметил свое пятидесятилетие. После окончания Свердловского художественного училища поступил в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина. Потомственный сибиряк.

Остальное рассказывают его полотна, которые красноречиво свидетельствуют о том, что их создал мастер интересный, самобытный, нашедший свою интонацию повествования о родных ему и любимых местах.

В лучших полотнах Шумилкина Север предстает во всей своей первозданной красоте. Тишина, бездонные морские глубины, далекие острова, покрытые снегом, невозмутимое небо — все это и завораживает, и манит... Видишь, что его творчество зиждется на глубоком понимании традиций русского реалистического искусства. И в то же время его манера особенна, неповторима, краски, выдавленные художником не на палитру, а прямо на полотно, ложатся рубцами, своеобразными шрамами, создавая поразительный эффект объемности. А их свежесть заставляет вспоминать древнейших живописцев, которые сами готовили краски, замешивая их на яичном желтке.

Глубокой любовью проникнуты картины, рассказывающие о буднях северных рыбаков. «Рыбацкий причал», «В краю белых ночей», «Аксарка» — эти работы могли бы стать иллюстрациями к рассказам В. Шукшина. В них запечатлена сибирская Русь, облик, который она обрела в наше стремительное время. Темой памяти связано с циклом и «Воспоминание о матери». Вновь бездонное, синее небо, дорога, уходящая вдаль, и на переднем плане — фигурка матери. Сгорбленные плечи, опущенные руки — человек, вся жизнь которого связана с крестьянским трудом. Позади поле, пожелтевшие нивы, а в этой фигуре сконцентрированы такая боль и такая внутренняя сила, что поневоле застываешь у полотна и начинаешь размышлять о самом сокровенном, о том, что живет в каждом из нас.

Особняком смотрятся пейзажи Шумилкина. Способность художника охватить край с высоты птичьего полета предоставляет ему возможность не дробить, а показать красоту этого края целостно, во всей полноте. В этом сказывается и щедрость творческой манеры художника: он выдает



А. А. Шумилкин.
Род. 1935.

ЛЮБА
ПАЛЬЧИНА.
ИЗ СЕРИИ
«ОЛЕНЕВОДЫ
ГЫДАНА».
1984.

БУРОВЫЕ
В ТУНДРЕ.
1979.

СЕМЬЯ
САЛЕНДЕР.
1984.



нам не мелкие детали, а реки, острова, озера целиком. Он изображает «свою Сибирь» так не потому лишь, что современная техника предоставила нам возможность охватить из окна самолета огромные пространства, нет, большой талант, подлинная любовь к родному краю диктуют художнику такое масштабное видение. Невысокие кустарники, изумрудный ягель, пески заброшенных стариц, проглядывающие сквозь синеву воды, серебряные бока айсбергов, «разливы рек, подобные морям» — все это наша земля.

«И начинаешь по-новому понимать великий мир земли, небес и водных разливов,— это слова сибирского писателя В. Колыхалова, чей портрет также был представлен на московской выставке.— Александр Андреевич Шумилкин идет по тому пути, который требует от художника упорства, сильной воли, высокой правды искусства. А ясный свет, озаряющий его душу, помогает ярче высветить все сокровенное в природе и в людях».

Сергей БЫЧКОВ



ДНИ ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА

Семен ГЕЙЧЕНКО, Герой Социалистического Труда

ЗДЕСЬ ВСЕ ВО СЛАВУ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

Свою жизнь я отдал пушкинскому Святогорью, Михайловскому, Тригорскому, Петровскому, отдал тому, чтобы в эти воспетые поэтом рощи, сады, парки, постройки и пристройки, пруды, озера, дороги и тропинки — во все, чем населена и богата эта местность, вернуть незримый поэтический дух, всей ее природе, и людям ее, и всем поклонникам пушкинского гения вернуть прославленную «обитель».

Восстанавливая и благоустраивая памятники и памятные места, я много думал о людях, которые стремятся к Пушкину, жаждут встречи с ним, много думал о проблемах, которые в жизни называются духовными. Ведь не хлебом единым жив человек. В наши дни мир его интересов и потребностей настолько возрос, что людей не останавливают ни гигантские расстояния, ни большие расходы на дальние переезды. Если Бах проходил 50 лье пешком по бездорожью, чтобы послушать концерт любимого органиста Букстехуде, то теперь для встречи с Пушкиным сотни тысяч людей ежегодно преодолевают в общей сложности десятки тысяч километров, и не только люди русские, но и представители всех других народов СССР.

Для удовлетворения этой неистощимой человеческой страсти советского человека к духовному обогащению и делаем мы, работники Пушкинского заповедника, свое государственное, культурное дело. С каждым годом становятся все шире и шире границы заветной пушкинской земли, восстанавливаются памятники, о которых прежде никто и не думал. Памятники, не только связанные с трудами и делами Пушкина, но и с жизнью его предков, с героическим прошлым Псковского края. Сегодня заветное Михайловское и его округа — это не только памятник Пушкину, но памятник нашей социалистической культуры, отмечающей в 1987 году свое славное 70-летие.

Партия и правительство делают все для того, чтобы ордена Трудового Красного Знамени музей-заповедник А. С. Пушкина всегда был страной Поэзии и Красоты, чтобы эхо его громко звучало во всех уголках земли.

С. С. Гейченко в Михайловском. Декабрь 1986 года.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

Истерзанная войной пушкинская земля долгое время оставалась опасной (фашисты заминировали заповедник). Почти пять лет «освобождали» саперы от мин уже освободившуюся землю. Только в Святогорском монастыре было извлечено до четырех тысяч мин. Это была опасная и тяжелая работа. Так что саперы, по существу, и были первыми посетителями заповедника тех военных лет. А за ними, как только снимались минные ограждения, шли люди — жители окрестных деревень, а главным образом солдаты, что проходили или проезжали мимо этих мест. Я думаю, что далеко не все из них были знакомы с поэзией Пушкина. Они знали имя его, слышали о громкой славе самого великого из русских стихотворцев. И этого было вполне достаточно, чтобы с общего согласия, накоротке, они свернули с военного тракта и поискали ближайшую дорогу в Пушкинский заповедник. То были особые времена, когда люди словно вновь родились, столь острым, чутким и памятливым было их чувство ко всему, что составляло честь и славу Отечества.

Они с печалью смотрели на разоренный дом поэта, его усадьбу, шли на могилу поклониться его праху и спешили дальше, на фронт, туда, под Кенигсберг, Варшаву, Берлин. И, может быть, для многих из них эта встреча с поэтом была первой и последней.

Сегодня дети этих солдат сами стали отцами. И уже вместе со своими детьми приходят сюда на святое поклонение.

Каждый, кто приезжает к нам, идет к пушкинскому дому пешком, лесной дорогой, где по обочинам в летнюю пору много ягод, грибов, цветов... Шагая, вы незаметно для себя, невольно входите в мир природы, окружавшей поэта.

Я страстно желаю, чтобы каждый приходил не просто в Пушкинский заповедник с заповедным домом, а чтобы он приходил в живой лес, где все свищет, стучит, шуршит, течет, благоухает... Здесь должно быть и молодое, и старое, и гибкое, и скрипучее. Без огромного труда многих людей этого не создашь. Чтобы соловьи встречали весну у тебя в лесу, создай густую зелень и необходимую влажность. Скворцам и синицам построй домики, да разные, чтобы и молодые, и старые нашли себе приют. Перекинь легкий мостик над речкой, над прудом, чтобы человек не обтаптывал берега, а любовался с «горбинки» и водой, и утками... Столько деталей у этого мира, но все они обогащают вас, мир ваших чувствований и переживаний. Все они должны быть точно и тонко вплетены в ткань природы, тогда это производит глубокое впечатление, а не только эффект...

Насладившись лесной чащей, по еловой аллее старых Ганнибалов вы поднимаетесь на взгорье к дому поэта. Обойдя усадьбу, вы спускаетесь к речке Сороти, по берегу идете к Савкиной Горке, или еще дальше в Тригорское, или идете в противоположную сторону в Петровское... Все эти тропки и дороги поэтичны, шагается легко, нигде вас не остановит грозная надпись «не ходи!», наоборот, все приглашает к путешествию и воспоминанию, никакой назидательности. Весь этот простор твой, дыши! Мы даже ночью не закрываем ворота заповедника на замки, а закрыть ведь совсем несложно...

Но я часто наблюдаю, как молодые люди приходят к дому поэта в поздний час, на вечеру, тихо спускаются по тропинке к уединенному пруду, или их можно встретить в ранний утренний час, на заре, в поле, на аллеях парка, на крыльце дома... Я люблю встречать этих молодых людей. В такие часы в человеческой душе рождается что-то значительное, чистое, доброе. Приехав сюда, за

сотни, тысячи верст, они бродят по пушкинским лесам, притихшие, задумчивые, погруженные в свои поэтические настроения,— право же, это немалое благо! Благо — и для молодых, что они это имеют, и для старых, что они могли это создать!

Мы не можем сообщать посетителям заповедника невероятных историй и всяких небылиц из жизни Пушкина, но в нашей власти распорядиться настроением, эмоциями человека. Тихий шелест березовых крон, кряканье уток, трель соловья — ко всему этому человек чуток...

Я склонен считать, что любовь человека к родной природе является одним из самых глубоких патриотических чувств.

Пушкин обладал этим щемящим чувством обостренного восприятия природы, он умел скромную красу псковской земли воспеть с такой восхитительной и яркой любовью, что мы прозрели и увидели ее. Уметь показать молодым людям, привить им любовь к родному краю, к таким жемчужинам русской природы, как наш заповедник,— это ведь и зароить любовь к родной земле... И само это чувство зарождается подсознательно в те мгновения, когда прекрасное — увиденное и услышанное — властвует, покоряет наше воображение... Создать такой эмоциональный, образный настрой — задача чрезвычайно серьезная и сложная... Она требует художественно-артистической работы и от профессионалов этого дела, и, главное, от непрофессионалов тоже!

Вот, скажем, чего проще организовать внеклассную работу по изучению Пушкина в средней школе имени Пушкина, которая находится на территории поселка. Это ли не диво, это ли не чудо — учиться в такой школе, единственной в своем роде, которая стоит на пути от Михайловского и Тригорского в Святогорский монастырь. Сколько пытливая учительская голова может придумать замечательного, чтобы потом, через всю жизнь, ребята пронесли имя поэта и любовь к его поэзии, любовь к школе и местам, где они учились! Все это могло бы стать для них гордостью, честью. Но ведь этого нет, потому как нет и такой работы в школе, и нет такой сверхзадачи у педагогов.

В работе с детьми, с молодыми эти естественные условия, созданные жизнью, надо особенно тонко, разумно и точно использовать. Их душа и податлива, и мягка, и благодарна. Они ничего мимо не пропустят, в ней все ляжет добрым и вечным духовным пластом характера, привычек и поведения. Но она столь же легко «пропустит мимо ушей», отторгнет, если почувствует хоть толику фальшивого, формального. И это касается абсолютно всего. Беретесь ли вы провести пионерский слет или открыть музей боевой славы, собираетесь ли вы организовать конкурс чтецов или певцов... Все должно коснуться человеческой души — тогда надежно, тогда проводи, тогда труды будут не напрасны!

Я хочу привести такой пример, опять же, конечно, из своей практики. Нередко в заповедник заезжают и литераторы, и среди них немало бывает и молодых, таких, кто, приехав к Пушкину, вдруг непрестанно говорит о том, что он, мол, только из Италии или вот прямо из Парижа... А Пушкин как-то тут вроде бы и сам по себе, всего лишь повод высказаться о заграничном «вояже»... Таких гостей люблю я «попотчевать» поэзией. Вечерком, в сумерках, тихо, ездовой онегинской тропой мимо озера Маленец, через лесок, отправляюсь с ними в Тригорское... Дорога хоть и недалекая, а росистая, свежая и ход мыслям задает... Приходим в дом, располагаемся в гостиной, где сиживало, бывало, тригорское девичество, музицируя или слушая стихи поэта. Зажигаю свечи. Поудобнее рассаживаемся. За окнами темно, пожухлый августовский лист глухо стучит. И льется пушкинский стих, тот, что звучал здесь полтора века назад. «...Но и в дали, в краю чужом я буду мыслию всегдашней бродить Тригорского кругом, в лугах, у речки, над холмом, в саду под сенью лип домашней»... Иль «Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты...», иль «Цветы последние милей роскошных первенцев полей...» И возникает чудо... Поэт вдруг незримо присутствует здесь, в гостиной, и люди преображаются, затихают...

Завороженные чудом Пушкина, они уезжают, унося с собой и эту дорогу в Тригорское, и эти стихи... Потом всякий раз при встрече восторженно об этом вспоминают, словно что-то большое и главное в их жизни случилось тогда в гостиной...

«Действие человека мгновенно и одно, действие книги множественно и повсеместно».

Так писал Пушкин.

И вот я спрашиваю себя: а что наиболее активно способствовало и способствует духовному здоровью людей?

Хорошая книга. Любая. Маленькая. Большая. Тонкая. Толстая. Цветная. Веселая. Яркая. Старая. Мудрая. Завлекательная... Большей радости, чем от хорошей книги, я в жизни не испытывал. Все другое, даже ультрасовременное (телевизор, транзистор), сравниться с ней не может. Научить человека с малых лет любить книгу, научить его избирательности читательской, с моей точки зрения, это значит научить его жить! Это значит дать ему душу, сердце, научить его добру, любви, дать ему правду, совесть, все человеческое... Большего богатства, чем книга, человек не изобрел и не приобрел еще за всю долгую жизнь и совсем не краткую цивилизацию.

Сегодня в заповеднике всюду книги. В каждом музее есть книжный ларек, где паломник может купить книги Пушкина и о Пушкине. И не только их, но книги о сегодняшнем дне, об искусстве, литературе, многих других областях знания.

«Прощайте, друзья»,— сказал умирающий Пушкин, обращаясь к книгам своей библиотеки.

«Здравствуй, мой добрый друг»,— говорим мы книге, которую долго искали и которую наконец нашли.

Теперь уже можно считать общепризнанным, что наши Пушкинские Горы, заповедное Михайловское — это страна поэзии. И человек идет в эту страну за душевной поддержкой, и он получает ее. Пушкинская поэзия помогает формированию человека настоящего и будущего, она не разобщает, а соединяет. Она стремится избавить индивидуума от индивидуализма, личность от одиночества.

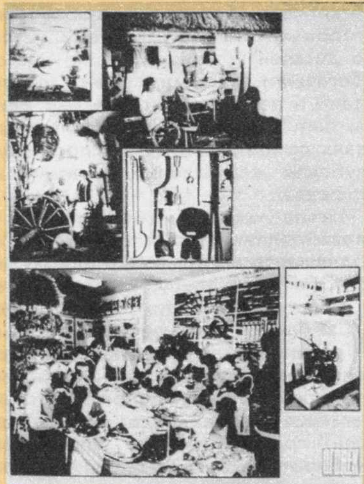
В своем «Памятнике» Пушкин говорит, что не умрет никогда, потому что его поэзия пробуждает в людях «чувства добрые». Мы об этом часто вспоминаем и говорим, что их нужно утверждать в каждом человеке, стремиться к ним. А ведь стремление быть добрым, милосердным, справедливым — это и есть самое определяющее человека стремление. Добро — это когда человек делает хорошо другому. «Чувства добрые» — это человечность, это стремление понять интересы другого.

В пушкинском Михайловском все стоит на основе добра к людям — все, что есть в заповедных домах, садах, парках, лугах и рощах. Это и книги Пушкина, и его рисунки, и вещи его и его друзей и близких, это и цветы, и плоды земли, и птицы, и звери.

В прошлом году летом, в самый разгар экскурсионного дня, вдруг через калитку на усадьбу вошла дикая коза со своим козленком. Вошла как в свое царство-государство и сама не испугалась, а люди испугались, словно увидели невероятное... Или вот, шел вечером к «Острову уединения» фотограф, прицелился снимать мостик, а из-под него вдруг выдра, ведущая свое молодое племя к воде. Фотограф щелк-щелк, а выдра его за штанину — не смей пугать моих ребят. Видели бы вы, какое умиление пришло в лицо фотографа. Ничто в природе так не воспитывает в человеке чувства добра и милосердия, как птицы и мелкое зверье, как гармония природы. Именно благодаря им здесь смиряется душа человеческая и человек постигает счастье жизни и уносит с собой высокое чувство благодарения своему поэту и своей Родине.

ПАРТИЗАНСКИЙ КАРАВАЙ

НАШ ХЛЕБ



Вспоминаю отца
с цепом в руках.
Мы, четверо сыновей,— рядом;
на семейную страду
съезжались все.
Кажется, просто это —
молотить —
поднял, опустил.
Но и здесь свое умение, навыки,
иначе шишек не оберешься.
Говорим отцу: вон сколько
в колхозе техники.
Зачем вручную-то?

Он вроде бы не возражает:

— Да, не откажут, намолотят. Но хлебу надо и такую дань отдавать: помнить, как нелегко дается хлебушко.

Однажды отец пригласил меня в сарай. На стене висело пять цепов. Сразу узнал свой.

— Приготовил каждому из вас. Знаю, моднее дарить машину. Но прими цепы — в них совесть хлеборобская.

...На следующий день принес я свой цеп в школу. Он-то и стал первым экспонатом нашего музея. Около пяти лет прошло с той поры. Много людей побывали у нас за эти годы: и из разных уголков страны, и из-за рубежа. Шесть тысяч экспонатов ведут историю от золотого зернышка до каравая. Крестьянский ржаной хлеб. И поныне его пекут у нас пятнадцать семей. «Свой, домашний»,— говорят прохожие. Вкус такого хлеба неповторим.

Иным, горьким он был в годы войны. Более двадцати партизанских отрядов и соединений располагались тогда близ Великой Цвили. На хуторе Дзержинске действовал партизанский хлебозавод. Тайными тропами доставляли сюда зерно. Сегодня та мельница из отряда легендарного Ковпака — гордость музея. В нее иногда засыпают зерно. «Мука, мука сыплется»,— радуются школьники.

— Горе людское вперемешку с зерном мололи тогда эти жернова,— вспоминает хлебопек отряда имени Котовского Лидия Спиридоновна Сербин,— хлеб был нашим оружием, нашим спасителем.

Хлеб партизанский, кормивший, пусть и недосыта, но кормивший. Черная, как земля, увесистая коврига. Здесь же приводим рецепт: мука ржаная —50 процентов, листья липы, крапивы — 10, желуди — 5, макуха — 15, льняная полова — 15, лечебные травы, корни —5 частей.

Как-то вместе с Лидией Спиридоновной испекли ребята такую же ковригу. Пять их вышло с того замеса. Начали пробовать; по лицам ребят видел, что не мед, но как ели...

Бывший повар здешнего партизанского отряда Ирина Ивановна Сербин, посмотрев на выпеченную школьниками партизанскую паляницу и ее рецепт, сказала:

— Да это же деликатес. Времена были и похуже, муки ржаной вообще не было. Мололи овес, а из такой муки тесто не подойдет. Пекли на сковородах «перепички», это как лепешки. А когда и овса не было, мелко дробили кусочки липовой доски, кору дубовую — варили в кипятке, потом сушили и мололи. Называли это партизанской мукой, и шла она в подмес.

В экспозиции «Хлеб народов-братьев» — туркменский чурек и армянский лаваш, грузинский пури и русский калач, варшавский батон и болгарская свадебная вербница... Пекарь А. Ушакова из Целинограда прислала нам свой каравай — такой же, которым Земля встречает космонавтов. Рассказывает наша экспозиция и о хлеборобах, и о хлебопеках.

Такой вот в нашем селе музей.

И когда я прихожу сюда, всякий раз думаю: а не пора ли приступить к созданию Всесоюзного музея хлеба? В столице много хороших музеев, и поэтому с особой остротой чувствуешь отсутствие музея хлеба. А ведь история каравая — это народная история. Придут сюда и увидят все то, что связано с хлебом. И первую лепешку, и хлебную карточку блокадного Ленинграда, и все сегодняшнее хлебное богатство. Прикоснутся рукой к колесу первого советского трактора,— какая душа останется равнодушной!

К хлебу причастны все. Думаю, что создание музея может стать всенародным делом.

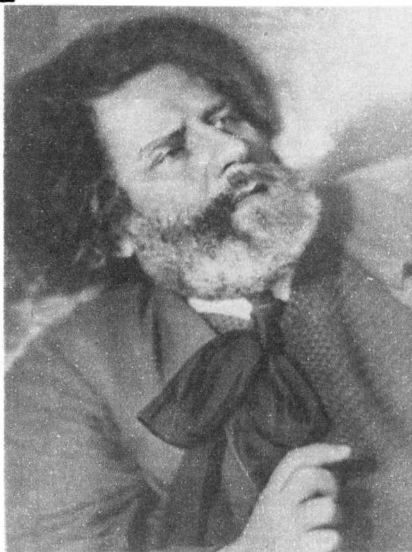
Н. ЖИЛЮК,
школьный учитель

Село Великая Цвиля
Житомирской области.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

• РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО



МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

1877—1932

В русской поэзии М. Волошин всегда стоял особняком среди всевозможных литературных течений, интриг. Его дом в Коктебеле, где теперь организован музей его памяти, был гостеприимно открыт для всех. Во время гражданской войны позиция Волошина была нейтральной, но не равнодушной, ибо он осуждал и кровавый террор белогвардейщины, и перехлесты «красного террора». Однако его восприятие революции никогда не скатывалось до злобы, до мелочного нытья и ухода в пессимизм, как у некоторых его литературных коллег. Творчество Волошина во многом зависело от французской поэзии, но в лучших своих вещах — особенно времен гражданской войны — он вырвался из плена литературщины к развороченной бурей России. В этих стихах он пытался встать над схваткой, по собственному выражению, «молясь за тех и за других», но все равно его симпатии были не на стороне отжившего царизма, а на стороне будущего России, ее народа, ее культуры.

В трактовке Волошиным истории России много спорного, субъективного, подчас мистического, но важно одно — его неподдельная любовь, его несомненная вера в то, что Россия выйдет из огненной купели очищенной, обновленной. Гражданская война неожиданно сделала Волошина — изысканного европейского интеллектуала — более земным, социальным, философски историчным. Нужно было обладать не только парадоксальным мышлением, но и художественной смелостью, чтобы сказать: «Великий Петр был первый большевик». Однако критики-вульгаризаторы из журнала «На посту» подошли к поэзии Волошина с позиций догматической узости, и последние годы своей жизни поэт оказался вне печатных страниц. Вышедший в 1977 году однотомник Волошина, к сожалению, больше показывает Волошина как эстета, а не как летописца будущей России. А мне думается, что, именно став таким летописцем, Волошин и вырос в большого поэта, и ряд его определений из поэмы «Россия», из «Святой Руси» может послужить философскими пособиями в изучении отечественной истории. Главное не в спорных, субъективных частностях, а в неравнодушии патриота своей Родины, в понимании исторической закономерности социального взрыва, в мужестве благословить, а не проклясть. Волошин, безусловно, заслуживает отдельного издания не только в малой, но и в большой серии библиотеки русской поэзии и имеет полное право стоять на наших книжных полках рядом с его великими современниками, ценившими его чрезвычайно высоко и за нравственные, и за художественные качества.

НА ВОКЗАЛЕ

В мутном свете увялых
Электрических фонарей
На узлах, тюках, одеялах,
Средь корзин, сундуков, ларей,
На подсолнухах, на окурках,
В сермягах, в шинелях, в бурках,
То врозь, то кучей, то в ряд
На полу, на лестнице — спят.
Одни раскидавшись, будто
Подкошенные на корню,
Другие, вывернув круто
Шею, бедро, ступню.
Меж ними бродит зараза
И отравляет их кровь:
Тиф, холера, проказа,
Ненависть и любовь.
Едят их поедом жадным
Мухи, москиты, вши.
Они задыхаются в смрадном
Испарении тел и души.
Точно в загробном мире,
Где каждый в себе несет
Противовесы и гири
Дневных страстей и забот.
Так спят они по вокзалам,
Вагонам, платформам, залам,
По рынкам, по площадям,
У стен, у отхожих ям,
Беженцы из разоренных
Оголодавших столиц.
Из городов опаленных,
Деревень, аулов, станиц,
Местечек — тысяча лиц.
И социальный Мессия,
И баба с кучей ребят,
Офицер, налетчик, солдат,
Спекулянт, мужик — вся Россия.
Вот лежит она, распята сном,
По вековечным излогам,
Расплесканная по дорогам,
Искусанная огнем.
С запекшимися губами,
В грязи, в крови и во зле,
И ловит воздух руками
И мечется по земле.
И не может в бреду забыться,
И не может очнуться от сна...
Не всё ли и всем простится
Кто выстрадал, как она?..

29 июля 1919
Коктебель.

СТЕНЬКИН СУД

У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевый от змея Горынского,
Жду вестей из полунощных стран.

Всё ль, как прежде, сияет — не сглазена
Православных церквей лепота?
Проклинают ли Стеньку в них Разина
В воскресенье, в начале поста?

Зажигают ли свечки, да сальные
В них заместо свечей восковых?
Воеводы порядки охальные
Всё ль блюдут в воеводствах своих?

Благолепная да многохрамая,
А из ней хоть святых выноси...
Что-то чую, приходит пора моя
Погулять по Святой по Руси.

Как, бывало, казацкая, дерзкая,
На Царицын, Симбирск, на Хвалынь—
Гребенская, донская да терская
Собиралась ватажить Сарынь,

Да на первом на струге, на «Соколе»,
С полюбовницей — пленной княжной,
Разгулявшись, свистали да цокали,
Да неслись по-над Волгой стрелой.

Да как кликнешь сподрушных-приспешников:
«Васька Ус, Шелудяк да Кабан!
Вы ступайте пощупать помещиков,
Воевод, да попов, да дворян.

Позаймитесь-ка барскими гнездами,
Припустите к ним псов полютей!
На столбах с перекладиной гроздами
Поразвесьте собачьих детей».

Хорошо на Руси я попраздновал:
Погулял, и поел, и попил,
А за всё, что творил неуказного,
Лютой смертью своей заплатил.

Принимали нас с честью и с ласкою,
Выходили хлеб-солью встречать,
Как в священных цепях да с опаскою
Привезли на Москву показать.

Уж по-царски уважили пыткою:
Разымали мне каждый сустав
Да крестили смолой меня жидкою,
У семи хоронили застав.

И как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь,
Так за то на расправу, на правую,
Сам судьей на Москву ворочусь,

Рассужу, развяжу — не помилую,
Кто хлопы, кто попы, кто паны...
Так узнаете: как пред могилою,
Так пред Стенькой все люди равны.

Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому всяк —
Тут пойдут их, голубчиков, миловать,
Приласкают московских собак.

Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех,
Поотрубят им рученьки-ноженьки:
Пусть попользают людям на смех

И за мною не токмо что драная
Голытьба, а казной расшибусь —
Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.

Мы устроим в стране благолепье вам,
Как, восставши из мертвых с мечом,
Три угодника — с Гришкой Отрепьевым
Да с Емелькой придем Пугачом.

22 декабря 1917
Коктебель.

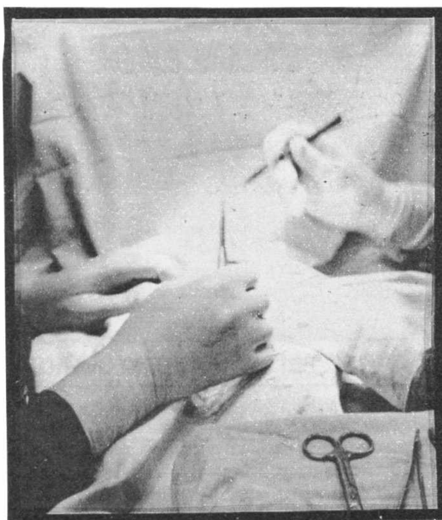
РОССИЯ

(фрагменты)

...Минует век, и мрачная фигура
Встает над Русью: форменный мундир,
Бескровные щетинистые губы,
Мясистый нос, солдатский узкий лоб,
И взгляд неизреченного бесстыдства
Пустых очей из-под припухших век.
У ног ее до самых бурых далей
Нагих равнин — казарменный фасад
И каланча: ни зверя, ни растенья...
Земля судилась и осуждена.
Все грешники записаны в солдаты.
Всяк холм понизился и стал, как плац.
А надо всем солдатскою шинелью
Провис до крыш разбухший небосвод.
. . . .
А между тем от голода, от мора,
От поражений, как и от побед,
Россию прет и вширь и вдаль безмерно;
Ее сознание уходит в рост,
На мускулы, на поддержанье массы,
На крепкий тяж подпружных обручей.
Пять виселиц на Кронверкской куртине
Рифмуют на Семеновском плацу;
Волы в Тифлис волочат «Грибоеда»,
Отправленного на смерть в Тегеран;
Гроб Пушкина ссылают под конвоем
На розвальнях в опальный монастырь;
Над трупом Лермонтова царь: «Собаке
Собачья смерть», придворным говорит;
Промозглым утром бледный Достоевский
Горит свечой, всходя на эшафот...
И все тесней, все гуще этот список.
Закон самодержавия таков:
Чем царь добрей, тем больше льется крови.
А всех добрей был Николай Второй,
Зиявший непристойной пустотою
В сосредоточьи гения Петра.
Санкт-Петербург был скроен исполином.
Размах столицы был не по плечу
Тому, кто стер блистательное имя.
Как медиум, опорожнив сосуд
Своей души, притягивает нежить —
И пляшет стол, и щелкает стена —
Так хлынула вся бестолочь России
В пустой сквозняк последнего царя:
Желвак От-Су, Ходынка и Цусима,
Филипп, Папюс, Гапонов ход, Азеф...
Тень Александра Третьего из гроба
Парижский вызывает некромант;
Царице примеряют от бесплодья
В Сарове чудотворные штаны.
Она, как немка, честно верит в мощи,
В юродивых и в преданный народ...
И вот со дна самой крестьянской гущи —
Из тех же недр, откуда Пугачев,—
Темнобородый, с оморошным взглядом —
Идет Распутин в государев дом,
Чтоб честь двора и церкви и царицы
В грязь затоптать мужицким сапогом
И до низов ославить власть цареву.
И все хмельней, все круче чертогон...
В Юсуповском дворце на Мойке — старец,
С отравленным пирожным в животе,
Простреленный,— грозит убийце пальцем:
«Феликс, Феликс! царице все скажу»...
Раздутая войною до отказа,
Россия расседается, и год
Солдатчина гуляет на просторе...
. . . .
Великий Петр был первый большевик,—
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим далям.

6 февраля 1924
Коктебель.

ОДНОДНЕВНАЯ ХИ



Юрий
СУРХАЙХАНОВ,
фото
Александра
НАГРАЛЬЯНА

Есть операции, после которых пациент, по заведенному распорядку, проводит на больничной койке семь дней до выписки. В хирургический стационар одного дня пациенты с теми же заболеваниями (в нашем случае это дети в возрасте от шести месяцев до пятнадцати лет) поступают утром, оперируются и после восстановления всех жизненно важных функций организма выписываются во второй половине того же дня.

Рассказал мне об этом Ян Михайлович Луцкий — главный врач Филатовки. Об этой старейшей московской детской больнице «Огонек» писал уже не раз. Она является Всесоюзным научным центром детской хирургии и клинической базой 2-го Медицинского института. Читатели, возможно, помнят, что именно здесь «взрослые» хирурги вместе с «детскими» анестезиологами спасли литовскую девочку Расу. Я периодически звоню Яну Михайловичу и, узнав от него на этот раз про стационар одного дня, признаться, решил, что чего-то не понял...

И вот знакомый кабинет главного врача. Луцкий знакомит с научным сотрудником 2-го Медицинского института, хирургом Джумбером Ноевичем Гаприндашвили и анестезиологом Владимиром Ивановичем Антоновым — организаторами этого стационара.

— Ян Михайлович, проясните, пожалуйста, какие заболевания «предписаны» стационару одного дня?

— Те, которые относятся к так называемой «малой» хирургии... «Малая», разумеется, не означает «легкая», «простая», это операции, при проведении которых время пребывания пациента под наркозом не превышает одного часа. Назову для примера грыжу, как самое распространенное: из восьмисот операций, проведенных за год экспериментальной работы стационара, шестьсот было по поводу грыж.

В ходе дальнейшей нашей беседы многое прояснилось. Дети сюда поступают после тщательного обследования,— даже насморка не должно быть. Весь день до и после операции рядом с ребенком находится кто-то из его родителей или бабушка. От врачей они получают указания, как ухаживать за ним дома. А на следующее утро врач справляется по телефону о состоянии маленького пациента. Предусмотрено, что в случае каких-то осложнений по звонку родителей из Филатовки к ним приедет бригада «Скорой помощи». Но пока не было даже случаев нагноения швов.

На протяжении недели мы знакомились с работой стационара. Для начала я выписал из книги регистрации оперируемых — она ведется от первого пациента,— несколько телефонов наудачу, чтобы узнать мнение о новом методе хирургической помощи «другой заинтересованной стороны». Приведу наиболее типичный диалог с мамой восьмилетнего пациента.

— Очень это изматывает нервы, когда семь месяцев ждешь очереди на операцию. Во-первых, постоянная тревога за ребенка, особенно в те часы, когда его нет на глазах: он в школе, я на работе. Вечером бабушка жалуется, что с ней он гулять отказывается, бегает, неизвестно где... А вдруг полезет с ребятами через забор, вдруг упадет где-то или — еще похуже — подерется? А у него паховая грыжа, в любой момент ждешь со страхом ущемления...

— А как вы узнали про хирургический стационар одного дня?

— Случайно. Мы должны были оперироваться здесь же, в Филатовке. Пришли в назначенный день, нас приняли, но так и не прооперировали — у Сережи поднялась температура, немножко — 37,1, но пришлось собираться домой. Сын расплакался: не пойду, говорит, в школу. Одноклассники узнали, что у него грыжа, он ведь от физкультуры освобожден, чуть что у него не получается, даже по математике, дразнят: «Куда тебе с грыжей!» Тут одна из сестер в приемном покое, пожалев, видно, нас, посоветовала обратиться в стационар одного дня.

— Еще год назад, когда оперировали Сережу, наше начинание было в стадии эксперимента, — комментирует этот рассказ Ян Михайлович.— Один из главных его принципов заключался в подборе родителей. Мы присматривались, какие взаимоотношения у них с ребенком: способна ли мама управлять его поведением, не подвержена ли панике, словом, сможет ли она провести ребенка через операцию. Обязательно выясняли жилищные условия. Кстати, традиционное семидневное пребывание в стационаре сложилось несколько десятилетий назад во времена коммуналок, бараков, большой скученности жильцов в сочетании с отсутствием элементарных санитарно-гигиенических условий. Да и уровень развития медицины был иной... Ну, а Сережина мама, возможно, показалась врачам несколько нервозной, однако у сотрудников нашего нового отделения опыта побольше.

Новый принцип, конечно, не отменил полностью традиционного, когда ребенок ложится на операцию и проводит в больнице семь дней. Но в самом деле, почему нельзя прооперированного ребенка выписывать во второй половине того же дня?

РУРГИЯ

В МЕДИЦИНЕ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ТЕРМИН: «ХИРУРГИЧЕСКИЙ СТАЦИОНАР ОДНОГО ДНЯ». ЕГО ЕЩЕ НЕТ НЕ ТОЛЬКО В СЛОВАРЯХ, НО И В ОБИХОДЕ МЕДИКОВ, ПОТОМУ ЧТО ОН ОЗНАЧАЕТ НОВУЮ ФОРМУ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ПОКА МОНОПОЛИЕЙ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДЕТСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ № 13 ИМЕНИ Н. Ф. ФИЛАТОВА, ИЛИ ПРОСТО ФИЛАТОВКИ, КАК ОБЫЧНО НАЗЫВАЮТ ЕЕ МОСКВИЧИ.

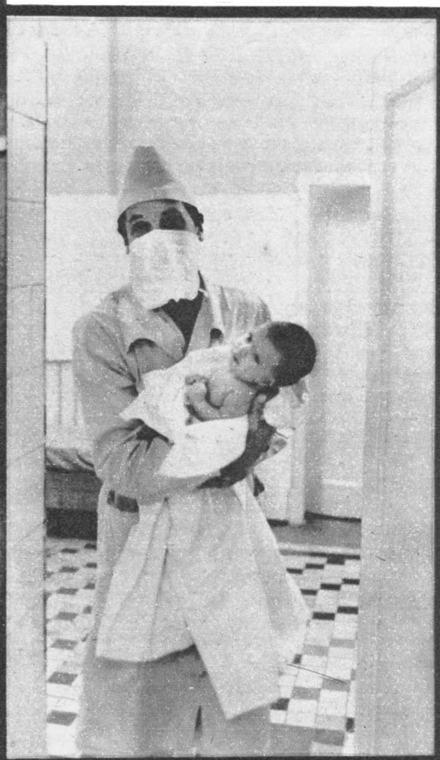
десяти, а в некоторых случаях пяти дней вместо одного года. Наряду с этим в урологическом отделении высвободилось пятьдесят процентов всего коечного фонда. Результаты эксперимента одобрил отдел здравоохранения Мосгорисполкома и выделил средства на развитие и расширение нового отделения.

— А зачем вам расширяться — очереди-то не стало?

— Первоначально за нами было закреплено пять районов Москвы. Когда мы их во время эксперимента «разгрузили», нам прибавили еще пять... Теперь нашей хирургической помощи ждут дети других районов столицы. Площадь, которую мы сейчас занимаем, не превышает размера

Прием будущих пациентов ведет хирург Джумбер Ноевич Гаприндашвили.

Операция позади. Ребенка мама получает — таков закон — из рук анестезиолога Владимира Ивановича Антонова.



Собственно, задавшись этим вопросом, медики Филатовки и сотрудники 2-го Медицинского института пришли к мысли о создании стационара одного дня. Не последним аргументом в пользу этой идеи был и тот, что на протяжении шести послеоперационных дней ребенок не получает никакого лечения. Его просто не от чего лечить... А швы можно снять амбулаторно.

А теперь обратимся к результатам эксперимента. Напомним: он длился ровно год, прооперировано восемьсот детей. По самому жесткому подсчету это высвободило больнице 3500 койко-дней — есть такое неуютное понятие. А стоит один такой день пребывания в больнице «без лечения» 20 рублей. Умножив число высвобожденных койко-дней на стоимость каждого, мы узнаем сумму сэкономленных средств — 70 000 рублей, которую дал небольшой в общем-то коллектив стационара одного дня: руководитель Джумбер Ноевич Гаприндашвили, заведующая отделением Надежда Сергеевна Масленникова, анестезиолог Владимир Иванович Антонов, хирург отделения Михаил Константинович Лобан, старшая операционная сестра Наталия Александровна Тектова, операционная сестра Елена Юрьевна Жиганова, сестра-анестезист Ольга Александровна Кондрюкова и лаборант Ирина Анатольевна Диденко — всего восемь человек.

Специально перечислил всех. Может быть, это послужит моральным вознаграждением для каждого члена коллектива. Ведь никакого другого вида вознаграждения нашим медикам за экономию пока не придумано, даже в размере стоимости одного койко-дня.

А чем все же было продиктовано создание новой прогрессивной формы медицинского обслуживания? Вот мы и подошли к главному вопросу. На него отвечает Д. Н. Гаприндашвили:

— Оперативное лечение детей с теми заболеваниями, на которых теперь специализируется наш стационар, проводят в урологических отделениях детских больниц. Но они предназначены для тяжелобольных детей, иногда требующих немедленной госпитализации. Оборудование этих отделений специфическое и дорогостоящее. Например, аппараты для гемодиализа — те, что называют искусственной почкой, они используются при пересадке почки. Естественно, в первую очередь сюда кладут урологических больных, они просто не могут ждать ни дня. А детей с той же грыжей и другими «малыми» хирургическими заболеваниями принимают на свободные места. Условно, так сказать, «свободные» — еженедельно в Филатовке им вынуждены были предоставлять до пятидесяти коек: очень уж откладывать и такие операции тоже нельзя, могут возникнуть осложнения. Но, несмотря на все усилия, давно уже возникла очередь от нескольких месяцев до года. Проблема стоит остро во всех больницах, и не только Москвы, но и других городов — областных и районных центров.

— Джумбер Ноевич, эксперимент закончился почти год назад... Каковы были его итоги?

— Во-первых, в Филатовке исчезла очередь: время от постановки диагноза до операции не превышает обычной трехкомнатной квартиры увеличится ненамного, незначительн возрастет и штат сотрудников, зат число операций удвоится и достигнет 1500 в год. Постараемся разгрузить урологические отделения всех детских больниц Москвы.

И последний вопрос, его я вновь адресую главному врачу:

— Ян Михайлович, опыт медиков Филатовки как Всесоюзного центра детской практической медицины обычно внедряется по всей стране... Какое будущее в этом плане ожидает хирургический стационар одного дня?

— Прежде всего я хочу остеречь и коллег, и читателей от упрощенного понимания новой формы хирургической помощи: дескать, однодневную хирургию можно теперь внедрять чуть ли не в поликлиниках... Я скажу так: внедрять можно, но далеко не в каждой, даже хорошей больнице. Делать это следует только там, где есть прекрасная клиническая база, то есть хирурги самого высокого класса. При таком подходе наш опыт не заказан никому.

ИСТОРИЯ ЧАШКИ



С ОТБИТОЙ РУЧКОЙ

РАССКАЗ

Генрих БЁЛЛЬ



В эту минуту я стою снаружи на подоконнике и медленно наполняюсь снегом: соломинка прочно вмерзла в мыльный раствор, вокруг меня скачут воробьи и дерутся за хлебные крошки, которые им тут насыпали, а я — в тысячный раз! — дрожу за свою жизнь: что если какой-нибудь из этих жирных грубиянов столкнет меня вниз, на бетон... Мыльный раствор останется лежать овальной ледышкой, соломинка погнется, а мои осколки выбросят на помойку.

Сквозь замерзшие оконные стекла тускло мерцают огни рождественской елки, звуки песни я еле слышу — птичья брань заглушает ее.

Никто из находящихся в комнате, разумеется, не знает, что я родилась ровно двадцать пять лет тому назад под такой же рождественской елкой; а ведь четверть века жизни — весьма и весьма преклонный возраст для простой кофейной чашки. Конечно, те наши сородичи, которые без употребления дремлют в стеклянных горках, живут значительно дольше нас, обыкновенных чашек. И все-таки я уверена, что из моей семьи больше никого нет на свете: родители, братья и сестры, даже мои дети давно умерли, а вот я провожу свой двадцать пятый день рождения в Гамбурге, на подоконнике, в обществе разоравшихся воробьев.

Мой отец был кофейником, а мать уважаемой масленкой; у меня было пять родных сестер (кофейных чашек) и шесть двоюродных (десертных тарелочек). Правда, мы жили всей семьей лишь несколько недель; большинство чашек умирает молодыми, причем скоропостижно: трех моих сестренок столкнули со стола на второй день рождества. Вскоре мы расстались и с нашим до-

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

рогим отцом: в обществе моей двоюродной сестры Жозефины и в сопровождении мамы я отправилась на юг. Завернутые в газету, уложенные между пижамой и мохнатым полотенцем, мы ехали в Рим на службу к сыну нашего владельца, который посвятил себя изучению археологии.

Этот период моей жизни — я называю его «римским» — был в высшей степени интересным. Студент-археолог Юлиус носил меня ежедневно в термы Каракаллы — это стены, оставшиеся от древних гигантских бань; там, в термах, я очень подружилась с термосом, который сопровождал меня и моего хозяина на работу. Термоса звали Максом, мы с ним часами лежали рядом на траве, пока Юлиус орудовал лопатой. Через некоторое время мы с Максом обручились, а на втором году моего «римского» периода он на мне женился, хотя моя матушка резко возражала против брака с термосом, считая его недостойным меня. Надо сказать, что матушка вообще стала немного странной, но я ее понимаю: она чувствовала себя униженной, ибо ее, почтенную масленку, использовали вместо табачницы; а Жозефину оскорбили так, что дальше некуда: десертную тарелку превратили в пепельницу.

Шел месяц за месяцем, я была счастлива с моим мужем; мы познавали все, что познавал Юлиус: гробницу Августа, Аппиеву дорогу, Forum Romanum... но последний запечатлелся скорбной вехой в моей памяти, потому что здесь был убит мой любимый супруг. Причиной его гибели стал кусок мрамора от статуи богини Венеры, который швырнул в Макса какой-то уличный римский мальчишка...

Читателю, благосклонному и далее следить за моими рассуждениями, который охотно признает, что чашка с отбитой ручкой тоже способна страдать и не лишена житейской мудрости,— такому читателю могу сейчас сообщить, что воробьи давно поклевали крошки и что моей жизни больше не грозит непосредственная опасность. Тем временем на замерзшем окне образовалась проталина величиной с суповую тарелку, я увидела елку в комнате и лицо моего приятеля Вальтера, что, прижав нос к стеклу, улыбался мне. Часа три назад, перед тем как начали раздавать подарки, Вальтер пускал мыльные пузыри; и вот он показывает пальцем на меня, его отец качает головой и показывает пальцем на новехонькую железную дорогу, которую получил сын; но Вальтер тоже качает головой... тут стекло опять покрывается ледяной коркой, однако я уверена, что не позднее чем через полчаса буду в теплой комнате.

А пока вернемся на юг. Итак, радости «римского» периода были омрачены смертью Макса, а также недовольством моей матушки и сестры в связи с тем, что их используют не по прямому назначению; каждый вечер, когда мы вместе собирались в шкафу, я выслушивала их жалобы. Увы, и мне вскоре пришлось испытать унижения, которые всякая уважающая себя чашка вынесет с большим трудом: Юлиус пил из меня водку! Заявить о чашке: «из нее уже пили водку» — все равно, что сказать о человеке: «он вращался в дурном обществе!» Очень много водки выпили из меня.

Да, унизительные наступили времена. И продолжались они до тех пор, пока из Мюнхена в Рим не прислали, в сопровождении кекса и рубашки, одну из моих троюродных сестер — рюмку для яиц. С этого дня водку пили из рюмки, а меня Юлиус подарил даме, приехавшей в Рим с той же целью, что и мой хозяин.

Три года подряд я взирала с подоконника нашей римской квартиры на гробницу Августа, а два последующих года, после переезда на новое место, видела в окно собор Санта-Мария Маджоре. Хотя я была теперь разлучена с моей матушкой, зато вернулась к своим прежним обязанностям, то есть к моему предназначению: из меня пили кофе, дважды в день мыли и держали в красивом маленьком шкафчике.

Правда, и здесь я не избавилась от унижений: моей соседкой по шкафчику оказалась урожденная фон Гурц! Всю ночь и бо́льшую часть дня — на протяжении целых двух лет! — я была вынуждена терпеть общество этой аристократки. Гурц была из рода Гурлевангов, ее колыбель стояла в родовом замке Гюрцених на реке Гюрце, и ей стукнуло уже девяносто лет. Но на своем веку она, как выяснилось, не так уж много видела.

На мой вопрос, почему она никогда не покидает шкафа, дворянка надменно ответила:

— Но ведь из фон Гурц не пьют!

Фон Гурц была красива: нежного серовато-белого тона с еле видными зелеными точечками. Всякий раз, когда я ее шокировала, она так бледнела, что зеленые точечки становились яркими-яркими. А шокировала я ее часто, притом без злого умысла: первый раз, когда спросила, был ли у нее любовник или муж? Она так побелела, что я испугалась за ее жизнь; прошло несколько минут, пока она не обрела свои прежние краски и не прошептала:

— Прошу вас никогда больше не говорить об этом; мой жених ждет меня в Эрлангене, он стоит в стеклянной горке.

— Давно? — спросила я.

— Уже двадцать лет,— сказала она.— Я была помолвлена с ним весной тысяча девятьсот четырнадцатого... но нас внезапно разлучили. Я прожила всю войну в сейфе франкфуртского банка, а он — в подвале нашего дома в Эрлангене. После войны я вследствие разногласий между наследниками попала в стеклянную горку в Мюнхене, а его из-за тех же разногласий поставили в горку в Эрлангене. Единственная моя надежда — то, что Диана — так звали нашу хозяйку — выйдет замуж за Вольфа, сына дамы из Эрлангена, у которой хранится мой жених, и тогда мы опять воссоединимся в эрлангенской горке.

Я промолчала, чтобы не расстраивать ее, так как давно заметила, что Юлиус и Диана сблизились. Во время экскурсии в Помпеи Диана сказала Юлиусу:

— Ах, знаете, у меня есть чашка, но она такая, что из нее нельзя пить.

— Ах,— сказал Юлиус,— тогда позвольте помочь вам выйти из этого затруднительного положения.

Со временем я нашла общий язык с Гурцихой. Когда мы вечерами уединялись с ней в шкафчике, она каждый раз говорила:

— Ах, расскажите же мне что-нибудь, только, пожалуйста, без вульгарностей, если можно.

То, что из меня пили кофе, какао, молоко, вино и воду, она нашла весьма удивительным, но когда я ей сообщила, что Юлиус пил из меня водку, с Гурцихой случился обморок, и она позволила себе несправедливое (на мой скромный взгляд) высказывание:

— Надеюсь, Диана не даст себя увлечь этому вульгарному парню.

Однако все обстояло так, что Диана, видимо, собиралась увлечься вульгарным парнем. Книги в ее комнате покрылись пылью, в пишущей машинке уже третью неделю торчал один и тот же лист бумаги, на котором была начата фраза: «Когда Винкельман в Риме...»

Теперь меня лишь торопливо споласкивали, и даже далекая от жизни Гурциха начала догадываться, что ее встреча с женихом в Эрлангене становилась все менее и менее вероятной, так как Диана, получив из Эрлангена два письма, не ответила на них. Диана переменилась: она пила из меня...— шутка ли сказать — пила из меня вино! Когда я вечером сообщила об этом Гурцихе, та едва не опрокинулась и, придя в себя, сказала:

— Я нахожу совершенно неприличным оставаться во владении дамы, которая способна пить из чашки вино.

Добрая Гурциха и не подозревала, что это ее желание скоро сбудется: Диана вынет из машинки лист с начатой фразой «Когда Винкельман в Риме...» и напишет Вольфгангу письмо. А ее, драгоценную чашку, отнесет в ломбард.

Позднее пришел ответ от Вольфганга. Диана читала его, попивая из меня молоко, и я слышала, как она прошептала:

— Значит, он интересуется не мною, а этой дурацкой чашкой?

Диана вытащила из книги «Введение в археологию» ломбардную квитанцию и вложила ее в конверт; таким образом я догадалась, что моя добрая Гурциха возвратится в Эрланген и встанет рядом со своим женихом в стеклянной горке, а Вольфганг наверняка найдет себе достойную подругу.

Для меня настали удивительные времена: вместе с Юлиусом и Дианой я поехала обратно в Германию. Денег у обоих не было, и они дорожили мной как сокровищем, потому что из меня можно было пить воду, чистую, прозрачную воду, какая только бывает в станционных колодцах. Мы ехали не в Эрланген и не во Франкфурт, а в Гамбург, где Юлиус поступил на службу в банкирскую контору.

Диана похорошела, Юлиус выглядел бледнее, чем прежде, зато я снова была вместе с моей матушкой и кузиной, и обе чувствовали себя теперь, слава богу, получше. Вечерами, когда мы втроем собирались на кухонном столе, матушка обычно говорила:

— Да, все-таки лучше маргарин, чем ничего...

А кузина даже немного заважничала оттого, что на ней, десертной тарелочке, стали подавать колбасу. Но вот троюродная сестра, рюмка для яиц, сделала такую карьеру, какая этим посудинкам редко выпадает: она служила вазой для незабудок, лютиков, крошечных маргариток; когда же ели яйца, то Диана выкладывала цветочки на край тарелки.

Юлиус выглядел спокойнее, Диана стала матерью. Началась война, и я не раз вспоминала о Гурцихе, которую сейчас, наверное, опять спрятали в банковский сейф; и хотя она меня частенько обижала, я не желала ей зла,— пусть она будет в сейфе со своим мужем. Вместе с Дианой и ее первенцем, Иоханной, я жила всю войну в Люнебургской пустоши и нередко имела возможность наблюдать вблизи лицо Юлиуса, когда он приезжал в отпуск и задумчиво помешивал ложечкой кофе. Диану это всякий раз пугало, и она спрашивала:

— Что с тобой? Ты целый час мешаешь и мешаешь в чашке...

Странно все-таки, что и Диана, и Юлиус, кажется, забыли, сколько уже лет я им служу; вот сейчас их не волнует, что я мерзну, что бродячая кошка может столкнуть меня вниз, что Вальтер хнычет, желает со мной поиграть... Мальчик любит меня, даже придумал мне название — «универсалка»: ведь я и сырьевая база для мыльных пузырей, и кормушка для его хомяка, и ванна для крохотных деревянных куколок, в меня макают кисточку для рисования, во мне разводят клейстер... И я не сомневаюсь, что он попробует возить меня на новом поезде, который ему подарили.

Вальтер хнычет сильнее, я его слышу и опасаюсь за семейный мир, который хотелось бы сохранить в этот вечер... И все-таки грустно видеть, как быстро стареют люди: неужто Юлиус уже не понимает, что чашка с отбитой ручкой может быть важнее и дороже новехонькой железной дороги? Увы, забыл. Он упорно отказывает сыну, не соглашаясь принести меня в комнату... Я слышу, как он ругается, слышу, как вслед за Вальтером начинает плакать и Диана; а когда плачет Диана, мне делается плохо — я люблю Диану.

Да, люблю, хотя ручку мне отломила она: когда меня уложили в корзину при переезде из Люнебургской пустоши в Гамбург, моя ручка уперлась во что-то жесткое и сломалась. Однако даже без ручки я считалась по тем временам ценной вещью, и меня поразило, что когда в продаже опять появились чашки, то именно Юлиус хотел меня выбросить. Но Диана сказала:

— Юлиус, ты в самом деле хочешь ее выбросить? Э т у чашку?

Он покраснел, извинился, и я осталась жива.

Несколько лет Юлиус, когда брился, использовал меня как мыльницу, и это были печальные годы, ибо ничего нет презреннее, чем завершать свою жизнь чашкой для бритья.

Уже немолодой, я вступила во второй брак — с флаконом одеколона; второго мужа звали Герт, он был добрым и мудрым, целых два года мы стояли с ним рядышком на стеклянной полке в ванной...

Совершенно неожиданно стемнело; Вальтер все еще плачет, и я слышу, как Юлиус упрекает его в неблагодарности... Ну что я могу сделать — только удивляться: до чего же глупы люди! На дворе тихо, идет снег, кошка давно удалилась. Внезапно створка окна распахивается, Юлиус хватает меня, и по его хватке я чувствую, что он взбешен. Разобьет меня или не разобьет?

Надо быть чашкой, чтобы понять, как ужасны такие мгновения, когда ждешь, что тебя вот-вот расшибут о стену или об пол. В последнюю секунду на выручку подоспела Диана, она взяла меня из руки Юлиуса, покачала головой и тихо сказала:

— И эту чашку ты хочешь...

Юлиус вдруг улыбнулся и сказал:

— Прости, я разнервничался...

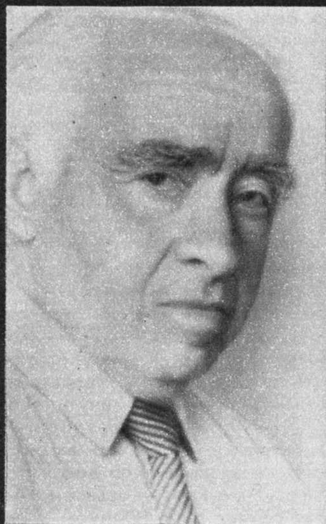
Уже давно Вальтер перестал плакать; Юлиус сидит с газетой у печки, а сын устроился у отца на коленях и наблюдает, как во мне оттаивает замерзший мыльный раствор,— соломинку он уже вытащил. И вот я, старая, перепачканная чашка с отбитой ручкой, стою в комнате среди множества новеньких вещей и преисполняюсь чувством гордости оттого, что это я восстановила мир в доме, хотя могла бы упрекнуть себя за то, что я и послужила причиной раздора. Но разве я виновата в том, что Вальтер любит меня больше, чем новенькую железную дорогу?

Как жаль, что Герт — увы, он умер год назад — не видит сейчас лица Юлиуса: у него такое выражение, словно он кое-что осознал...

Перевел с немецкого Н. БУНИН.

ФОТОВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

СТАРЕЙШИНА ЦЕХА



Если выделить главное в мастерстве Исаака Тункеля, безусловно, старейшины нашего фотоцеха, то это — отсутствие расхождения между тем, чего хотелось бы достичь и к чему реально стремишься. И здесь не только желание усложнить задачу, создать определенную психологическую глубину. Конечный результат — дело капризное. Задуманное может и не получиться. Но это опасение не должно заранее пресекать намеченный путь. И еще: мастер помнит, что за каждой работой стоит имя создателя. Имя легко истрепать, если не подтверждать его работами, достойными этого имени...

Представлять Тункеля постоянным читателям «Огонька» необходимости нет. Тридцать с лишним лет работы в журнале, сотни цветных вкладок и обложек, неисчислимое количество черно-белых репортажей — «досье» фотожурналиста. Но о манере мастера несколько слов можно сказать. Это постоянный поиск человека. Даже вернее так: поиск человека в человеке. Все мы в разные моменты совершенно разные люди. Отыскать человека для Тункеля — это открыть в нем чистоту и глубину души, богатство переживаний, мудрость мысли, щедрость — те светлые и лучшие стороны, которые и позволяют нам именоваться людьми. И поэтому неудивительно, что, следуя этому поиску, Тункель видит людей красивыми, значительными, добрыми. И в лучших работах мимолетный, казалось бы, взгляд фотографа становится размышлением философа о человеке. «Ты еще не знаешь всего о себе,— словно говорит мастер,— я познакомлю тебя, человек, с самим собой...»







АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки
Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

*Исчез профессор-химик
Георгий Мартынович Солитов.
При расследовании установлено,
что на даче, где он жил в это время,
произошел взрыв.
В кабинете, напоминавшем лабораторию,
найдены осколки колбы,
остатки какого-то корневища,
покрытые латинской
скорописью листки бумаги.
Следователь прокуратуры Гуров считает,
что домработница Солдатенкова
имеет прямое отношение к происшедшему.
Сотрудник уголовного розыска Люсин
встречается в институте,
где работал Солитов,
с ученым секретарем кафедры
Натальей Андриановной Гротто,
которая рассказала ему, что профессор
занимался анализами всевозможных
бальзамов по старинным рецептам.
В это же время дочь Солитова Людмила,
находящаяся во Франции,
отправилась с мужем
в туристическую поездку по легендарным
городам Лангедока и в развалинах замка
встречается с какими-то людьми.*

Только теперь Людмила по-настоящему поняла, что значит ужас. Пережитый недавно испуг, который она все же сумела преодолеть, не шел ни в какое сравнение с внезапно закрутившим ее гальваническим смерчем. Увидев на лбу ближайшего к ней великана широко распахнутый циклопий глаз, блеснувший сумрачной глубиной, она почувствовала, что у нее заживо вырывают сердце. Где-то на последней грани сознания услышала краткий обмен фразами и, ничего не поняв, догадалась: «Немцы!»

— Geht in Ordnung.

— Nur ruhig Blut[1].

Возможно, она и закричала, но скорее всего просто осела со стоном на раздавшуюся под ней землю.

— Was gibt's?![2] — прозвучало сквозь ватное забытье испуганно-удивленно. И время для нее замерло.

— Pas du tout,— услышала, стремительно возвращаясь из эфирного трансгалактического полета.— Ничего,— утешали ее по-французски.— Сейчас для вас плохое есть кончено.— И больно тащили, внутренне протестующую, назад, на грешную землю.

— Ох, до чего же я перепугалась! — Людмила Георгиевна с тяжким вздохом разлепила глаза и тут же зажмурилась от режущего света, хлеставшего с нависающих над ней касок. Ее все еще колотил озноб, и сердце сжимало незабытое: «Немцы!». Но то непередаваемое, иррациональное, закрутившее в темные кольца, отлетело куда-то в сторону, хотя, как она смутно догадывалась, и недалеко.

— Кто вы? — Она с трудом приподнялась, опираясь на ушибленный локоть и заслонив глаза ладонью. Единственное, что удалось разглядеть в озаренной ореолом мгле, была белозубая улыбка и проблеск глазных белков.

— Мы мирные альпинисты.— Вместе с ответом раздался нервный смешок.— Поэтому вам не надо бояться... Но вы, вы-то как попали сюда?

— Я? — Движением плеч она выразила желание встать, и две пары сильных рук помогли ей подняться.— Я просто пришла сюда оттуда, снизу.

— Пришла? Без всего? Без всякого снаряжения?!

— Ну да.— Людмила Георгиевна обрела способность улыбаться.— Залезла потихоньку... Ой! — Она испуганно схватилась за грудь.— Муж! Он же там с ума сойдет!

— Муж? — Альпинисты переглянулись. Теперь, когда глаза освоились со светом, она различала их рослые, ладно скроенные фигуры, рамные рюкзаки за плечами, объемистые мотки веревки.

— Мы приехали на машине.— Потеряв ориентировку, она нетерпеливо оглядывалась куда-то во тьму, где, как ей казалось, находился обрыв.

— Посмотри,— коротко бросил один другому, наверное, младшему. И тот бесшумно исчез в густых сумерках.

— Jawohl[3],— доложил он, возвратившись вскоре,— светит фарами.

— Ему нельзя подать какой-нибудь знак? — Она загорелась надеждой.— Я вас умоляю!

— Мы попробуем вас спустить. Думаю, это не займет слишком много времени... Надеюсь, вы сумеете крепко держаться?

— Крепко-накрепко! — с готовностью пообещала Людмила Георгиевна.— Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарна! — Она облегченно вздохнула.— Как же я испугалась!

— Но на всякий случай,— засмеялся второй, младший,— я все же привяжу вас к себе. Хорошо?

— Ах, делайте, что хотите, лишь бы скорее вниз!

— А вы откуда, мадам? Ведь вы не француженка? Нет?

— Я... Мы с мужем из Финляндии,— сказала она на всякий случай, как говорила и прежде в сомнительных обстоятельствах.

— О, Суоми! Я был у вас зимой! Вы подождите немного.— Он, успокаивая, коснулся ее плеча.— Мы должны все, как следует, приготовить.

И они ушли готовиться к спуску, оставив ее в тревожном одиночестве.

Глава седьмая

СЕМЬ ПЛАНИД

Предвещая устойчивость ясной погоды, над кирпичной трубой колыхалась вертикальная струйка дыма. Значит, Аглая Степановна находилась где-то поблизости. Но, как и в прошлый раз, дом показался заброшенным, несмотря на заново вставленное стекло и щедро политые грядки.

Затворив за собой калитку, Люсин не спеша прошел через сад, претерпевший какие-то неуловимые перемены. Что же могло измениться здесь, кроме прибранной клумбы под застекленным окном? Кроме пронизанного солнечной синевой неба и подсохшей земли? Неотчетливые приметы постигались скорее сердцем, чем глазом.

В буйной поросли диких трав, лишь слегка припорошенных ржавым налетом, явственно проглядывала осенняя одеревенелость. Признаки подступившего оцепенения, размытые прежде дождем, висели в воздухе, как паутинка. Даже в сонном жужжании пчел, снующих над поредевшими веничками, слышалась грустная мелодия прощания. И белая бабочка, устало сложившая крылья, казалась готовым упасть лепестком.

Повинуясь неясному импульсу, Люсин свернул к парничку. Застоявшаяся под пропыленной пленкой духота пахнула жарким дыханием обильно унавоженной почвы. С подвешенных на леске коряг пристально и недобро глазели хищные неведомые цветки, по-паучьи раскинувшие сетку воздушных корней. Конечно же, кроме замшелой кадки и битых горшков, ничего там не было. Ни завороженный сон теплицы, с ее восковыми лианами и папоротниками, ни разлитое в природе оцепенение не могли так угнетающе подействовать на Владимира Константиновича. Тончайшие локаторы определенно поймали какие-то тревожные излучения, но не донесли до сознания, растеряв их среди посторонних помех. Он так и не сумел доискаться, что же это такое было.

— На музыку записывать будешь? — спросила Аглая Степановна, когда Люсин поставил перед ней магнитофон.

— На музыку.— Он вяло улыбнулся и вдруг с обезоруживающей, поразившей его самого искренностью попросил: — Помоги мне, Степановна, ладно?

— От же, пристал, как банный лист,— незлобиво пожаловалась старуха.— Навязался на мою голову... А чего я знаю?

Они сидели в кухне, где вкусно булькало на плите грибное варево и одуряюще пахли сухие метелки, подвешенные к деревянной балке под потолком. Сидя спиной к окошку, Люсин мог видеть часть коридора в проеме двери, занавешенное марлей зеркало и жестяную иконку в углу, перед которой слезливо оплывала свеча.

— Постарайся, Степановна, может, чего и припомнишь... Ты когда уехала-то — утром?

— Так уж говорила, с утра.

— И сразу на станцию направилась, к электричке?

— Зачем сразу? — Она в раздумье пожевала губами.— Сперва в сберкассу пошла. За свет, за телефон, значит, уплатить.

— За свет и за телефон? — Люсин непроизвольно повторил ее интонации.— Ну и как, заплатила? Квитанции есть?

— Али не доверяешь? — Степановна сердито зыркнула по сторонам.— Так показать можно.— Она нехотя встала и принялась шуровать в ящике, недовольно ворча под нос.

— Покажи, Степановна, покажи.— Люсин нетерпеливо притопнул, еще не зная, для чего понадобятся платежные документы, но уже прозревая следующий свой шаг.

— Коли не веришь, так и спрашивать нечего.— Она бросила на стол свои порядком замызганные абонентские книжицы.

Люсин сразу узнал руку Солитова, хотя в графах были проставлены одни только цифры. Число на бледном оттиске кассового автомата пропечаталось вполне отчетливо. В ту, позапрошлую теперь, среду Георгий Мартынович был, несомненно, жив.

— Сама заполняла? — Люсин бегло перелистал корешки.

— Больно надо глаза портить. Он все и расписал, как всегда.

— Брось, Степановна, не серчай,— заискивающе улыбнулся Владимир Константинович.— Что после сберкассы-то было?

— Домой возвернулась.— Она недоуменно фыркнула.— Сберкнижку оставить. Еще потеряешь, не ровен час.

— И Георгий Мартынович был на месте?

— Куды ж он денется?.. С утра засел кипятить. Упрямый, ой же упрямый! — певуче протянула она, раскачиваясь всем телом.— Сколько раз, бывало, учу, а с него, как с гуся вода. Знай себе кипятит и смеется. Терпеть этого не любила!

— Постой-постой, бабуся,— остановил Люсин.— Чего-то я тут недопонимаю. Чему ж ты учила Георгия Мартыновича?

— Так зелье готовить, обыкновенно. Где же это видано, чтобы траву день и ночь кипятить? Ее али запаривать надо, али варить сколько назначено. Мало я пользовала его, что ли? В тот год еще, помню, когда он на Шатуре занемог...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

[1] Ну, все в порядке.
Прежде всего спокойствие (нем.).

[2] В чем дело?! (нем.).

[3] Так точно (нем.).

— Вот видишь, как дело у нас пошло, Аглая Степановна.— Люсин осторожно вернул старую женщину к событиям того, отмеченного лишь первой вешкой, дня.— Про зелье и про Шатуру твою мы еще побеседуем, а сейчас ты лучше про сберкнижку разобъясни. Где она у тебя?

— Так нету! — Она чуть ли не с торжеством хлопнула себя по колену.— Как и быть-то не знаю. За дрова платить надо, стекольщику пять рублев. Деньги все кончились, почитай, а книжка тю-тю... Пропала.

— Это каким же манером, Аглая Степановна?

— Вернулась домой, полезла в ящик, а ее и след простыл.— Она показала на разделочный столик между мойкой и холодильником.— Заявить теперь надо али еще как?

— Заявить, Степановна, непременно заявить,— посоветовал Люсин, с упоением ощущая, как его все быстрее и быстрее выносит на нужную колею.— Номер книжки хоть помнишь?

— Как же, прости господи,— испуганно помрачнела старуха.— Кабы помнила... Без номера-то небось не вернут?

— Вернут-вернут,— пообещал Люсин.— Восстановить книжку можно. Я тебе пособлю... Кстати, на чье она имя?

— Так евонная она, а я по доверенности.

— Тогда плохо дело, Степановна. Пока не установят, что с Георгием Мартыновичем приключилось, счетом пользоваться ты навряд ли сможешь. Других средств у тебя нет?

— Пенсия мне идет.— Степановна устало обмякла.— Сорок шесть рубликов, да рази их хватит на дом? Одного свету уходит шестнадцать, а дрова... Сам мне и трогать пенсию-то не велел.

— Пенсию тебе туда же перечисляют? — болезненно ощущая, как от него ускользает нечто исключительно важное, все же поспешил уточнить Люсин.— В сберкассу?

— Туда, батюшка, туда.— Окончательно проникшись доверием, Аглая Степановна обнаружила явное стремление заручиться люсинской благосклонностью.— Уж ты разберись, что к чему, а то как бы, не ровен час, меня на улицу не выкинули.— Она подавленно всхлипнула.— Сам-то уж не заступится.

— Почему сразу не заявила о пропаже? Я тебя, помнится, спрашивал: все ли на месте? Ведь спрашивал, Аглая Степановна?

— Так я только после хватилась.— Она удрученно вздохнула.— Когда стекольщика позвала.

— И что же стекольщик? — вновь глубоко уйдя в себя, пробормотал Люсин.— Небось обождет?

— Обождет, батюшка, он свой. Куды денется?

— Значит, сберкнижкой вы с Георгием Мартыновичем пользовались вдвоем.— Обращаясь к Степановне, Люсин как бы рассуждал вслух.— Сберкнижка, как ты говоришь, пропала. Отсюда мы с известной уверенностью можем заключить, что взял ее не кто иной, как твой Георгий Мартынович. Могло такое быть?

— Вестимо, могло,— охотно подтвердила она.— Деньги потребовались, вот он и взял.

— Я позвоню от тебя, Аглая Степановна, не возражаешь? — Владимир Константинович прошел в знакомый кабинет, где уже был наведен относительный порядок: выметены битое стекло и прочий мусор, подвешены на прежнее место полки. Только стопки тетрадей и книг, бережно накрытые газетами, жались друг к другу в дальнем углу от окна. Словно ждали, что со дня на день вернется хозяин и заботливо расставит по заветным местам.

Стоя возле телефона, Люсин испытывал знакомую до тошноты нерешительность. Она настигала его всякий раз, притом абсолютно внезапно, когда после долгих мытарств и окольных блужданий обозначался, вызывая краткое нарушение сердечного ритма, отчетливый след. Вместо того, чтобы с удвоенным рвением устремиться в погоню, хотелось остановиться, перевести дыхание и еще раз мысленно оценить проделанный путь. Выполнить столь мудрое и спасительное намерение ему, однако, редко удавалось. Преодолев минутную растерянность, он вместо того, чтобы успокоиться и перебрать звено за звеном, давал волю фантазии, повинуясь только инстинкту. Трезво мыслить в такие минуты он совершенно не мог. Только действовать, отвоевывая упущенные секунды.

И на сей раз Люсину стоило немалых усилий унять расходившееся сердце. Он заставил себя сосчитать до ста и только тогда взял трубку. Прочистив кашлем пересохшую гортань, вызвал междугородную:

— Мосгорпрокуратура, Гурова срочно,— и назвал номер солитовского телефона.

«Жаль, никто не догадался записать,— подумал Люсин, проходя мимо электросчетчика.— Уж я бы вычислил, когда рванула эта самая колба и полетели пробки».

Вычислить и впрямь было нетрудно. Пометив в квитанции последнее показание, Солитов словно веху поставил, прежде чем кануть в небытие.

От счетчика исходило уютное, едва различимое жужжание. В узкой прорези проблескивало серебристое колесико с красным мазком. Медленно наползала рельефная цифра в крайнем окошке. Немой свидетель, выбросивший сигнал бедствия, когда в доме случилась беда. Но люди не заметили, как всегда, второпях прошли мимо. Местный умелец дядя Володя поспешил ввернуть новую пробку, и закрутилось, запело колесико, стирая следы.

Телефон все не звонил, и Люсин вернулся к Аглае Степановне. Старуха успела снять с огня клокочущий котелок, исходивший сытым грибным духом.

— Будешь похлебку-то? — спросила, вытирая руки застиранным передником.

— Обязательно! — Люсин жадно втянул носом воздух и закатил глаза.— О-о!

— Трескай.— Она разлила густое варево в миски, крупно нарезала черный тяжелый хлеб и положила на стол деревянные ложки.

— Опенки! — оценил Владимир Константинович, ощущая до дрожи родное прикосновение дерева. Когда-то, в иной жизни, бабушка потчевала его из такой же липовой потемневшей ложечки, невесомо и гладко сновавшей во рту. Давным-давно нет бабки на свете, нет и ее тихого домика с полосатой кошкой и огородом, где рос сладкий горошек и скромно склонялись золотые шары.

— Может, лафитничек тебе поставить? — подперев щеку натруженной ладонью, предложила Степановна.— У меня хорошая есть! Семитравочка! Али на смородиновых почках попробуешь?

— Я бы попробовал,— жалостно вздохнул Люсин,— да неможно, Степановна. Служба. А за похлебку спасибо. Сто лет такой не едал. Опенки тут собирала?

— С Шатуры лукошко привезла. С Иванова мха. Я на том болоте торф резала, когда девкой была. Кажинный кустик знала. Грибов там было, хоть косой коси: видимо-невидимо. А гонобобеля сколько! Черники... Может, выкушаешь стопку-то? Кто с тебя спросит?

— Нет, Степановна, не искушай. Как-нибудь в другой раз семитравку твою попробую. Ты как настаиваешь?

— Уж как положено, не кипячу небось. Зато от всех болезней.

— Может, рецептик дашь? Трава-то хоть здешняя?

— Тутошняя. Позапрошлым летом собирала. От же хороший год был! И зелья добрые уродились, сильные. А в «Кубанскую» я первым делом зверобой положила, потом, конечно, золототысячник, горец, и донник, и зорю, и тысячелистник... Это ж сколько выходит? — Прикрыв глаза, она беззвучно зашептала, подсчитывая: — Шесть?.. Седьмая, значит, трава — желтый цвет мать-и-мачехи. По весне брала. Еще снег не всюду сошел...

Ожидая звонка, Люсин думал о том, как бы не задеть ненароком эту странную женщину, прожившую, очевидно, не очень легкую и не очень счастливую жизнь. Ее изломанная душа, где так причудливо соединились доброта и недоверчивость, роковая какая-то устремленность к незримому и глухая, заматеревшая косность, была если и не открыта ему, то интуитивно ясна, постигаема. Если и таились в сумеречных дебрях какие топи, то прямое отношение к исчезновению Солитова они вряд ли имели. Не там требовалось гатить дорогу, не там промерять глубину. Но существуют непреложные правила поиска, требующие чистоты в отработке всех линий. Это и держало Владимира Константиновича в состоянии неослабного напряжения. Не сомневаясь в алиби Аглаи Степановны, он должен был устранить сомнительные места, ответить на поставленные Гуровым вопросы. Спросить напрямик было больно и стыдно до слез. Хитрить и путаться в околичностях не умно. Не такие это были тонкости, чтобы не дать ей почувствовать истинную их подоплеку.

— Ты мне вот еще о чем, Степановна, расскажи.— Владимир Константинович демонстративно врубил клавиш записи.— Где и как вы с Георгием Мартыновичем познакомились? Мне для дела требуется. Да и тебе, глядишь, поможет, когда придется наследство оформлять... Ты хоть знаешь, что он тебе дом завещал?

— Говорил Егор Мартыныч, помню... Я-то его утешала, чтоб, мол, даже и в мыслях не держал, потому как еще меня переживет... Отказал, значит, царство ему небесное. Только не отдаст она дачу, Людмила. Видно, придется на старости лет назад возвертаться. А кому я там нужна, на Шатуре?

— Как-нибудь устроится, Аглая Степановна. Завещание, во всяком случае, в твою пользу... И давно ты Георгия Мартыновича знаешь?

— Ох, давно, батюшка, почитай лет сорок, а то и поболее.— Она задумчиво ополоснула посуду, потом присела, опустив на колени переплетенные пальцы.— Я в деревне жила, в Вахрамеевке, у бабы Груни. Она-то и научила меня узнавать целебные травы. Все мне перед смертью передала, пусть ей земля будет пухом... Многим она помогла, баба Груня. И меня, горемыку, пожалела. Внучкой все называла. А какая я ей внучка? Так, седьмая вода на киселе. Сидим мы, бывало, с ней вечерком...

Слушая бесхитростную, косноязычную речь с ее повторами и отступлениями, Люсин вдруг осязаемо остро увидел разоренную войной деревеньку, темную избу с прохудившейся крышей, закопченное ламповое стекло. Грустным керосиновым запахом повеяло, холодом замороженного окна.

Аглая Степановна вышла замуж перед самой войной за хорошего, работящего человека. Судьба пощадила его, доведя без единой царапины до чешского города Бенешова, где он и закончил десятого мая свой боевой путь. В родное село, однако же, не вернулся, а уехал вместе с другой женщиной в Мурманск. Тогда-то и пригрела Аглаю бабушка Груня, как умела, облегчила ей сердечную боль и тоску. Прошло еще несколько лет, и в захиревшую Вахрамеевку, где остались только старики, вдовы да незамужние девки, приехало начальство вербовать на торфопредприятие.

— Я и поехала сдуру,— объяснила она резкую перемену жизни.— Потому что ничего хорошего на тоем болоте не видела. А вообще ничего была жизнь, только работа тяжелая. От зари до зари пни после гидроторфа ворочали. Техники, почитай, никакой. На сорок торфушек один слабосильный трактор. Так намаешься за день, что свету белого не взвидишь. Только б доползти до барака. Однако полежишь и оживешь помаленьку. Одно слово — молодость. Да еще плясать под гармошку выйдешь, частушки петь. Сколько я их напридумывала, этих самых частушек!.. Про болото да про пни. И покатились годы, как перезрелые яблочки. Сезон на болоте, а как зима придет — под бочок к бабе Груне.

— А как же Георгий Мартынович? — робко напомнил Люсин.

— Он к нам научную работу исполнять прибыл,— охотно откликнулась Аглая Степановна.— Веселый, стройный — любо-дорого взглянуть. Собака еще при ем была агромадная — страсть. Ростом, что твой теленок. И красивая-красивая, вся такая белая с черными пятнами, брыластая, гладкая и уши торчком... Рекс, кажись.

— И чем он занимался? — Люсин поспешил отвлечь Степановну от воспоминаний о Рексе, явно поразившем ее воображение.

— Домик ему сколотили специальный, под лабораторию. Вроде как здесь у нас, значит. Стол привезли с ящиками, микроскоп поставили, электричество, само собой, провели. Печи, помню, еще там такие стояли, серебристые, где он торф этот самый в чашках сжигал. Чашечки махонькие-махонькие, чуть поболе наперстка.

— Муфельная печь,— догадался Люсин.

— Так виднее тебе... Только я про Егора Мартыновича... Как увидела его с этим Рексом на сворке, так и обмерла вся. Настоящий, скажу тебе, прынц. Вот и весь сказ.

— Влюбилась, что ль, Аглая Степановна? — Люсин сочувственно подмигнул.— Да ты не стесняйся, с кем не бывает.

— Что я, тронутая? — Строго поджав губы, она покачала головой.— Не про меня залетка. При нем и внешность, и образование, и обращение деликатное. А я кто? Торфушка с четырьмя классами, солдатка брошенная... В обед черняшка с тюлькой, кипяток с рафинадом в ужин. Хожу сторонкой, глаза прячу. Однако заметил он меня, приблизил, значит, к своей особе, в эти... в коллекторы определил. Тоже, значит, по научной части.

— Скажите, пожалуйста! — подал он осторожную реплику.

— А ты как думал? — В голосе Аглаи Степановны отчетливо прозвенели горделивые нотки.— Дали мне бур такой и велели болото дырявить. Заглубишь и вытащишь торфяную колбаску, потом нарастишь штангу и еще дальше заглубишь, пока до самого дна не доберешься. Сапропель называется. Так и бродила день-деньской с коловоротом. Тяжело, конечно, но я только радовалась. Ни в чем себя не жалела. Да и то сказать — работа полегче была, чем пни эти клятые корчевать. Наберу я колбасок полный короб, а ему все мало. То тут копни, то оттуда достань. Возьмет кусочек и под микроскоп. Определит, где чего, и в тетрадку запишет. Тут, мол, осоковый торф, тут сфагновый, а там вахта попадается либо шейхцерия. Я ведь травы тогда уже хорошо знала. Новые названия тоже легко давались. Даже когда не по-русски. Эриофорум вагинатум, к примеру, знаешь чего это?

— Откуда, Степановна? Уж ты просвети.

— Пушица влагалищная,— с готовностью объяснила она.— Растет на мочажинах такой белый цветок... Серебристый, красивый. Егор Мартыныч все их наперечет знал. Карту он составлял болотную: где какой торф лежит. Жара стоит адова, аж звон в ушах, солнце печет, от белого багульника голова кругом идет, а он с кочки на кочку прыгает — ищет. «Чего ищешь-то?» — спрашиваю, бывало.— Хоть бы себя поберег, а то, не ровен час, угоришь. С багульником шутки плохи — что твой болиголов». Он же отмахивается только: «Отдыхать зимой будем, Ланя, отсыпаться на медвежий манер. А сюда нас поставили полный разрез сделать. Каждому слою свое место и применение найти». Так и маялся до первых заморозков. Утром на болоте, с вечера в лаборатории своей. Анализы делал, лекарство составлял.

— Это какое же такое лекарство?

— Так ведь на всякую болезнь своя трава есть. А торф, он чего? Та же трава. Аптека, можно сказать. Белый мох ране не даст загнить, сапропель от радикулита лечит. Мало ли... У всякого торфа свое применение.

— И помогает?

— Еще как! Я в те годы много у Егора Мартыныча переняла. Но и ему от меня перепало дай бог! Все, что знала, доверила. А после мы с ним и к бабе Груне ездили. Он за ней цельную книгу амбарную исписал... Такой музыки-то у нас не было.— Она покосилась на рубиновый глазок магнитофона.— Как чуял, бедняжка, кто его от смерти убережет.

— Заболел?

— Простыл на болоте. Холодное лето в тот год выдалось. Особливо июнь. Вода ледяная. А он в резиновых сапогах по камышам. Ирный корень выкапывал. Самая пора была — гадючьи свадьбы! Свивались в клубки так, что ступить было страшно. Ну, он и провалился по грудь. Легкие простудил и почки, конечно. Если б не баба Груня... Короче, тогда и подружились мы с Егором Мартынычем. Я уж и с болота тогу ушла, и баба Груня преставилась, а он все ездил к нам за травкой. И то правда, болел часто. Только зельем и держался на белом свете. Я уж сама собирала ему, что надо, варила, готовила впрок. Былинку к былиночке...

— Видать, в обычных врачей Георгий Мартынович не шибко веровал? — с мягкой усмешкой спросил Люсин.— Недолюбливал?

— А за что любить, прости господи? Рази с нынешней врачихой поговоришь? Она и не взглянет на тебя. Даже головки не приподымет: ей бы только с писаниной управиться. Едва рот раскроешь, а она тебе рецепт в зубы — и будь здоров. А на кой мне ихняя химия? У меня своя есть...

— Оно конечно,— уважительно согласился Люсин, ощутив близость решительного момента.— Фармакопея у тебя знатная... В этот-то раз чего привезла с Иванова болота?

— Идет оно теперь, тое болото? — запричитала Степановна.— Одни ямины и сухостой. На торфяных полях сплошь фрезер. Сухота. Крошка горит. Спасу нет... По окрайнам пошастала — ничего не взяла. На Милановку пришлось податься, а ноги уже не те. До суходольного острова-то так и не добралась. Спасибо, святой источник на месте остался. Передохнула хоть. Там в округе леса хорошие: береза, сосна, а на лугах заливных хвощи до пояса, купавка. Душа радуется. Живи — не хочу. Совсем оживела, пока зелье искала, отогрелась на шелковых муравах.

— Значит, нашла все же?

— Взяла, чего надо. Шерошницы пахучей набрала, буквицы, жерухи опять же лукошко. Только зазря. Пропала она теперь, моя жеруха. Сушить-то ее не положено. Вся сила у ей в свежести.

— Для Георгия Мартыновича старалась?

— Кому ж еще?.. День подождала и выбросила жеруху-то. Не пить уж ему более никогда.

— И другую траву тоже выкинула? Буквицу?

— Не. Те на чердаке сушатся. Зачем добру пропадать? Грех. В зельях тайна планидная.

— Планидная? Это от планет, что ли?

— Каждой травке своя планида. Так баба Груня учила.

— Неувязочка выходит.— Люсин не любил неясностей, даже если они не имели прямого отношения к занимавшей его задаче.— Планет у нас сколько? Коли не изменяет память — девять. Верно?

— Не,— с уверенностью возразила она.— Семь планид.

— Вот те раз! Для всего мира девять, а у тебя семь.

— У нас не так, у нас по-старому. Мы и сроки по-старому определяем, по месяцу, значит, когда чего собирать. Одно в полнолуние, другое в первую четверть. Если не соблюсти, силы такой не будет. У всякого зелья своя пора. Когда на заре

ПРОШУ СЛОВА!

ПОЕЗД ВНЕ РАСПИСАНИЯ

Ехали мы с мужем из Тулы в Москву. Стоим на перроне. Объявляют:

— Поезд номер 576 Днепропетровск — Москва прибывает на первый путь.

Наш поезд. Народу на платформе собралось около пятидесяти человек, может быть, и больше, и все едут в Москву. Стоим. Ждем. На улице мороз под двадцать градусов, щиплет за нос, за уши. Состав показался. Причем вовремя, минута в минуту.

Вы, наверное, думаете: где же «история», если поезд пришел вовремя на объявленный первый путь? Забегая вперед, скажу, что вагонов с одинаковыми номерами не было, «зайцев» тоже. Все, как положено, купили билеты в кассе вокзала Тулы.

Подбегаем к своему седьмому купейному вагону. Те, кто ехал в Тулу, понятное дело, выходят. Мы заходим. Все, как положено. Вот только проводника не видно, да мало ли где человек задержался. Один из пассажиров, видать, замешкался, несется к выходу как угорелый, чуть женщину не сшиб. И главное — кричит:

— Товарищи дорогие, не садитесь, потом пожалеете, замерзнете вы в этом поезде!

Глаза у него выпучены, шапка на голове драная, ноги подкашиваются. Ну, думаю, нализался. И это в наше-то время, когда пьяный на улице, а тем более в поезде в диковинку.

Нашли свое купе. С нами две старушки. Открываем дверь и... ахнули. Окно, столик, полки снегом запорошены. Я глаза протерла, думала — привиделось. Но снег не исчез, значит, наяву. Нам бы назад кинуться, успели бы еще с поезда спрыгнуть, да оторопь взяла. А поезд тем временем набирал скорость.

— Отродясь такого не видела,— очнулась одна из старушек и робко шагнула в купе. И хорошо, что робко, иначе не устояла бы на ногах: пол в купе льдом покрыт, как хоккейная площадка.

Стащили мы с верхних полок все матрацы, одеяла, отряхнули от снега и, не раздеваясь, закутались в них. Сидим. Не выдержала я, вышла. Стоит у окна парень, поет и приплясывает.

— Молодой человек,— обращаюсь к нему,— а где проводник?

— Греться ушел,— отвечает,— в восьмой вагон. Он сам от холода заболел. Ходит, кашляет, а сделать ничего не может: вагоны не утеплены, воды нет, хоть топи, хоть не топи — все тепло выдувает. Ой, заговорился я тут с вами.

Он сорвался с места и начал колотить во все двери подряд, выкрикивая:

— Не спать, ребята, не спать!

— Что вы делаете? Люди отдыхают! — закричала я на пассажира, оправившись от удивления.

— А вы паренька видели, что в Туле сошел? — задает он мне вопрос.

— Какого? Это того пьяного, что в ободранной шапке был?

— Того самого. Только он не пьяный вовсе. Он, можно сказать, с того света вернулся,— рассказывал мой собеседник.— Проглядел я его. Все купе обошел, всех на заметку взял, а его не видел. Он на верхней полке лежал под матрацами. Видно, очень устал, уснул. Подъезжаем мы к Туле. Он и проснулся. Слышит, что к станции подъезжаем, дернулся, а встать не может: шапка к окну и полке примерзла. Как быть? Отогрели мы его. А шапку отогревать некогда было, оторвали. Так клок на стекле и остался.

Слушать этот рассказ больше не было сил.

— А бригадир поезда где? — спросила я.

— Там же, в восьмом вагоне, отогревается,— ответил незнакомец. И я пошла в восьмой вагон.

В восьмом плацкартном людей набилось — яблоку негде упасть. Женщины с детьми, старики, старушки сидели, тесно прижавшись друг к другу. Лица у всех мрачные, глаза отрешенные. Нашла бригадира поезда. Познакомились. И Лидия Андреевна Шапитян рассказала мне следующее:

— Поезд наш дополнительный. В Днепропетровске на вокзале скопилось много пассажиров. Наш руководитель получил телеграмму, чтобы срочно сформировали поезд. Старший мастер по формированию поездов Жила Виктор Игнатьевич дал команду собрать из тупиков восемь вагонов и срочно подать состав на посадку. Так и сделали. Вагоны не утеплили, не прогрели, во многих стекла выбиты, но на это внимания не обратили. Нас, проводников, собрали вместе и приказали: «Поезжайте». Мы говорили, что вагоны нежилые, что прогреть вагоны не удастся, что во многих трубы полопались, но нас и слушать не стали. Принимал поезд инструктор Чередниченко Владимир Николаевич. Уговаривали его, но все без толку, ответил: «Все нормально»,— а сам больше двух вагонов не обошел, замерз, греться побежал. Четвертого в 0.40 поезд отправили. Всю дорогу мы мучаемся. И сами замерзли, и пассажиров заморозили. Людей много, все билеты были проданы. Многие не выдерживали, выходили раньше, особенно женщины с маленькими детьми. Остальных пассажиров собрали в один вагон, чтобы люди надышали и согрелись, да и нам спокойнее. Почти сутки так едем. О горячем чае не мечтаем: воды нет. Всю дорогу на станции посылали телеграммы, чтобы не продавали билеты на наш поезд, объясняли, что вагоны нежилые. Бесполезно. Билеты продавали, не обращая внимания на наши мольбы. На станциях мы собирались все вместе, прятались от людей, чтобы не побили, а в чем мы виноваты, почему должны отвечать за разгильдяйство наших руководителей?

На следующий день я поинтересовалась судьбой поезда № 576. Мне ответили, что он отправляется сегодня, то есть 5 января, в 22.55 в Днепропетровск под номером 551. Я поехала на вокзал, чтобы посмотреть, как его подготовили к отправке.

Вместе с дежурной по вокзалу Ангелиной Васильевной Валобуевой пошли на четвертую платформу. Поезд подали. Смотрю, поезд вроде бы и тот же, но не он. Выяснилось, что это поезд, пришедший в Москву из Симферополя под номером 132. Похож он на наш поезд только тем, что в вагонах, как и в 576-м, лежал снег, пол льдом покрыт и температура минусовая. А я-то думала, что наш поезд был одним в своем роде, уникальным. Спрашиваю у бригадира Ольги Марковны Дремовой, что с ними приключилось.

Ольга Марковна, чуть не плача, рассказала, что в Москву они прибыли еще 25 декабря. Оттащили их поезд на сорок пятый километр и забыли о них. Там они до 5 января и торчали без еды, без воды, без угля. А утром приехали две женщины из министерства и сообщили, что поезд принят и его отправляют в Днепропетровск под номером 551. Углем их не загрузили — топить нечем, водой не заправили, но билеты на этот поезд кассы Курского вокзала продавали исправно.

Иду по вагонам. У проводницы пятого вагона щеки побелели: отморозила. Другая женщина стоит на платформе, укутавшись в одеяла,— пассажиров встречает, третья приплясывает на перроне — греется.

А где 576-й? А его отправили еще вчера в Днепропетровск под номером 551. В 18.50 он прибыл в Москву, в 22.55 отправился со ста семью пассажирами в обратный путь.

Но вот и мой 551-й, посадив последнего пассажира, тронулся в морозную ночь. И я подумала: «Пошли им добрый случай такого же пассажира, как в нашем 576-м, чтобы спать им не давал, пел и плясал, устраивал спортивные состязания. Ведь за окном минус 32 градуса, такая же температура и в вагонах».

Кто же в Министерстве путей сообщения ответит за случившееся?!

Валентина КОЛОМАНОВА

собирают, когда в полдень, а то и вовсе к вечеру. Соображать надо. А как же? Ведь кажинная травиночка, сама заваляща, от чего-нибудь да излечит. Без надобности ничего не растет на земле. Вот и старайся понять, что на какую лихоманку подействует, срок верный определить да правильно высушить.

— И ты все это знаешь, Степановна?

— Баба Груня знала, а я, может, и забыла чего. Рази упомнишь? Веронику взять, таку синеньку, так ее лучше всего вечером, часов в шесть, собирать, а то до дому не донесешь — облетит.

— С секундомером в лес ходишь? — улыбнулся Люсин.

— Мои секундомеры на земле растут. Утопит кувшинка цветок — вот тебе и есть шесть часов. По-старому шесть, пять ноне. Всяка тварь свою планиду чует.

— Летнее время имеешь в виду? Ладно, будь по-твоему,—согласился Люсин.—Пусть будет семь. Но трав-то, Аглая Степановна, тыщи! На всех и планид не хватит.

— Все семь и правят миром. И у каждой свое царство.

— В таких, выходит, категориях мыслишь.— Владимир Константинович уклонился от защиты естественнонаучной картины мира.— И по чьему ведомству жеруха твоя проходит, к примеру? — спросил он, возвращаясь к вещам практическим.

— Жеруха — цветок Солнца,— уверенно заявила Степановна.— Вроде как подорожник. Потому сок сразу пить полагается. В свежем виде, как выжмешь. Он любой камень выгоняет. Хоть из почек, хоть из печенки. Из пузыря тож.

— Солнце, значит, у тебя тоже в планетах ходит?

— А как же! Первая планета и есть.

— Обижаешь Коперника, бабуся, ай-я-яй! — покачал головой Люсин.— Все за Птолемея цепляешься, а жизнь идет,— пошутил он. Но шутка его едва ли была понята.

— Это какой же Птолемей — великомученик? — удивилась старуха.— Рази он тоже зелейник?

— Что ты, Степановна.— Люсин в шутливом ужасе замахал руками.— Зелейник! Великомученик!

— А не знаешь, так и болтать нечего.

— Твоя правда... На чердак-то можно залезть? Посмотреть охота, как сушишь. Очень уж буквица твоя за живое задела.

— Обыкновенно, как надо, чтоб не выжгло и чтоб не забродило. Но ты слазай, взгляни.

В жарком, сухом полумраке расплывчато вырисовывались поставленные друг на друга низкие ящики, скорее, даже рамы, затянутые проволочной сеткой. Рассыпанные тонким слоем сухие листья и стебельки источали крепкий сенной аромат, от которого сладостно перехватывало дыхание. В памяти полыхнуло полузабытым ласковым светом, и стало так хорошо и прозрачно, словно никогда не было ни горестей, ни забот. В теплом косом луче струились пылинки, и стояла такая тишь, что было слышно, как скручивается, высыхая, самый малый из лепестков.

И тем внезапней, тем резче залился внизу требовательный телефонный звонок. Больно чиркнув макушкой о какую-то балку, осыпавшуюся сухой паутиной, Люсин бросился к лестнице.

— Есть новости, Владимир Константинович? — просочился сквозь глухое потрескивание мембраны дальний голос.

— Похоже на то. Я вот о чем вас хотел попросить, Борис Платонович. Нужно срочно проверить личный счет Солитова. Есть подозрение...

— ...что он произвел операцию? Совершенно верное подозрение. Георгий Мартынович снял со своего счета полторы тысячи рублей. Расходный ордер заполнен и подписан собственноручно. Он у меня в руках... Так что считайте, что мы с вами встретились.

— Это обнадеживает. Значит, продвигались верно, не заплутали... Какого числа, Борис Платонович?

— В пятницу, через день после отъезда Солдатенковой, если вас именно это интересует... Я же знаю, откуда вы говорите... Чего молчите? Алло! Вы еще здесь?

— Здесь, здесь, Борис Платонович. Я, извините, задумался.

— Да-а... Тут есть над чем поразмыслить. Чем дольше думаю, тем сомнительнее представляется мне алиби нашей любезной знахарки. Второпях сработано. Топорно.

— Вот тут вы, по-моему, ошибаетесь.

Люсин возвратился к Аглае Степановне с озабоченно-хмурым лицом. Не по нутру ему была такая резвость, амбициозная эта прыть. А ничего не попишешь: успех налицо. Да и с формальной стороны придраться нельзя: Гуров скрупулезно отрабатывал любые возможные версии. Оперативно, четко, без всяких сантиментов. Последнее, пожалуй, и настораживало. Внутренне Люсин не принимал стопроцентного рационализма. Живую реальность не уложишь в прокрустово ложе модели. Волей-неволей приходится резать по живому, а вот этого он совершенно не выносил.

— Нагляделся? Наговорился? — Старуха зыркнула на него острым, все подмечающим глазом.— Чего надулся, как мышь на крупу? Али не по-твоему выходит?

— Пока не по-моему, бабуся, а дальше посмотрим... Пойду я.

— Дак иди себе. Держать не стану.

— Я к вам послезавтра, если позволите, загляну.

— В самый ливень попрешься? И не лень тебе?

— Полагаете, снова пойдут дожди?

— Аккурат послезавтра. Не веришь, чай?

— Почему? Верю. Приметы небось знаешь?

— Приметы, приметы,— закивала она.— Клен вчерась слезу пустил. Орляк, папоротник, опять же раскручиваться пошел.

Продолжение следует.

ЖИЗНЬ БЕЗ ВРАНЬЯ

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПОСЛЕ ИНТЕРВЬЮ С НИНОЙ МАКСИМОВНОЙ ВЫСОЦКОЙ, ОПУБЛИКОВАННОМ В № 38 ПРОШЛОГО ГОДА, РЕДАКЦИЯ ДО СИХ ПОР ПОЛУЧАЕТ МНОГО ПИСЕМ С ПРОСЬБОЙ ПРОДОЛЖИТЬ РАССКАЗ О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ. ЧИТАТЕЛЕЙ ИНТЕРЕСУЕТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЛИЧНОСТЬ АРТИСТА, ЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА. ЭТО И ПОНЯТНО, ВЕДЬ С ЕГО ТВОРЧЕСТВОМ ТЕПЕРЬ УЖЕ ЗНАКОМЫ МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ. И МЫ БЫЛИ РАДЫ, КОГДА К НАМ В РЕДАКЦИЮ ПРИШЕЛ СО СВОИМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ БЛИЗКИЙ ДРУГ ВЫСОЦКОГО — ВАДИМ ТУМАНОВ, ГЕОЛОГ, РУКОВОДИТЕЛЬ ПРЕДПРИЯТИЯ В ОБЪЕДИНЕНИИ «УРАЛЗОЛОТО». ЕМУ ВЫСОЦКИЙ ПОСВЯТИЛ ПЕСНИ «В МЛАДЕНЧЕСТВЕ НАС МАТЕРИ ПУГАЛИ» И «БЫЛ ПОБЕГ НА РЫВОК». ВАДИМ ИВАНОВИЧ ПОПРОСИЛ НАС ОПУБЛИКОВАТЬ ЭТУ СТАТЬЮ К ДНЮ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (25 ЯНВАРЯ), ЧТО МЫ И РЕШИЛИ СДЕЛАТЬ.



Владимир Высоцкий и Вадим Туманов. 1976 год. Иркутская область.

Вадим ТУМАНОВ

Часто вспоминаю веселое Володино: «Народу было много!» Этими словами, возвращаясь после выступлений, он шутливо опережал мой привычный вопрос: «Ну что, много было народу?»

— Этта-я. Народу было много.

...При жизни он многим не давал покоя. Массу хлопот доставил своей смертью. И продолжает доставлять.

Непросто складывались его отношения с современниками. Некоторым он вынужден был говорить: «...И не надейтесь, я не уеду». Он любил Родину, но не слепо. Народу своему не льстил. Не поучал его. Мессией себя не считал. Но «время на дворе» тонко чувствовал.

Полярность оценок — свидетельство масштабности явления. Равнодушно его никто не воспринимал. Вокруг его имени продолжают кипеть страсти. От восторженного принятия до ожесточенного отрицания. Эмоции, как известно, не терпят дозировок, тем более строгих. Восприятие Высоцкого во многом зависит от жизненного опыта слушателя. Папа римский, например (Володе рассказывали), очень смеялся, слушая его песню про себя.

Оценки, к сожалению, часто зависят от установок. Во Франции исполнение Высоцким роли Гамлета признали лучшим. А наша пресса ухитрилась этого не заметить.

В Доме кино на просмотре фильмов, в театральном фойе я не раз наблюдал одну и ту же картину. Привлекая почтительное внимание публики, ходят холеные, важные, в регалиях... Появляется Высоцкий — и их как бы нет в зале, их просто не видно. И это, конечно, раздражает. Заставляет исследовать феномены «массовой культуры».

Говорят, он любил эпатировать. Это неправда. И слава его не была скандальной. И счастье он полагал не в ней. Как-то, гостя у меня в Пятигорске, дал интервью местному телевидению. Обычно он избегал публично отвечать на вопросы журналистов. На их укоры однажды ответил встречным упреком: «Когда-то я хотел высказаться с вашей помощью, вы не хотели выслушивать. Теперь я вправе не хотеть». А тут он неожиданно согласился. Ожидая легковесных вопросов, не был первоначально настроен на серьезные ответы. Посерьезнел после второго вопроса (беседу вел В. Перевозчиков). Удивился: «Вы всем такие вопросы задаете?» Ответил: «Счастье — это путешествие. Необязательно с переменой мест. Путешествие может быть в душу другого человека — в мир писателя, поэта. Но не одному, а с человеком, которого ты любишь, мнением которого дорожишь».

Любил путешествовать в мир Ахматовой, Пастернака, Гумилева, Трифонова, Ахмадулиной. Большим поэтом считал Евтушенко. Знал стихи Маяковского, но оценивал их по-своему, не как принято.

Недостатка в общественном признании у него не было. Его песни знала вся страна. Он хотел видеть свои стихи опубликованными. Естественное желание поэта. Но не встретился ему новый Некрасов. В связи с этим вспоминаю грустные слова Володи: «Они меня считают чистильщиком». До сих пор не уверен, что точно понял смысл употребленного слова. Но «их» он обозначил поименно.

Успеха любой ценой не хотел. Не мог, например, писать по заказу или по газетным материалам, если сам лично не прочувствовал тему, не вжился в подробности ситуации. Только поэтому не взялся за написание песен для фильма Р. Кармена о Чили. Боялся банальностей и повторов.

Володя радовался чужим успехам и всеми силами старался помогать талантливым людям, которым не везло. Зависти был абсолютно чужд.

Будучи сам очень доброжелательным к людям, поражался и страдал, не получая ответного доброжелательства. Он был чутким и в силу этого легко ранимым человеком. В 1978 году, помню, он вернулся из театра поздно ночью после просмотра фильмов. Растолкал меня от сна: «Представляешь картину? Актеры видят себя на экране, радостно узнают друг друга. Появляюсь я — гробовое молчание. Ну, что я им сделал? Луну у них украл? Или «мерседес» отнял?»

Да, был у него пресловутый «мерседес», символ престижа для снобов. Но только не для Высоцкого. Вообще он не ценил материальные выражения успеха. И это не противоречит его стремлению быть опубликованным, изданным. Дух его жаждал материализации, вещественного закрепления в пластинках и книгах. На блестящей поверхности «мерседеса» личность его не отражалась.

Доброту, честность, искренность и открытость ценил в людях превыше всего. Выше ума и таланта. С брезгливостью относился к людям фальшивым, чувствовал их за версту. В нью-йоркском аэропорту его встретил кто-то из сотрудников нашей миссии. Принялся наставлять по части благонравия и хорошего поведения за границей («Говори, что с этим делом мы покончили давно»). Тут же поспешил сообщить, что билет на обратный рейс Высоцкому уже куплен. На неделю раньше запланированной даты, с отменой шести объявленных концертов. Потом ритуально обнял проинструктированного соотечественника и поцеловал, должно быть, по долгу

службы. Не всегда он мог уклониться от таких фальшивых объятий. Иногда они заставали его врасплох. И воспитанность ограничивала возможность выразить отношение. В доме Высоцкого встречаю однажды известного киноактера, повествующего о себе в обычной для «кинозвезд» самоуверенной манере. Володя больше молчит, отвечает вяло и неохотно. Чувствуется, визит его тяготит, но законы гостеприимства связывают. После ухода визитера вздыхает: «Талантливый и умный негодяй опаснее бездарного. Есть люди, после общения с которыми хочется сразу вымыться».

У Володи была масса знакомых, что неудивительно при его популярности. Но по-настоящему близок был он с очень немногими, во что трудно поверить, слушая и читая воспоминания о нем. И буквально единицы могли прийти в его дом совершенно свободно. Известно, что гости — воры времени. Незваные воруют со взломом. За ними Высоцкий стремился поскорее закрыть дверь. Столь же неохотно раскрывал он душу. Друзьям — пожалуй. При этом не любил пускаться в долгие излияния. Был обычно сдержан и молчалив. Но каким интересным рассказчиком становился в минуты особой откровенности, открытости, находясь в кругу людей, ему приятных! Как целиком предавался хорошему настроению, дружескому веселью! Потом солнечные дни сменялись пасмурными.

Бесконечные беседы и споры с ним незабываемы. Никогда не хватало времени. Часто начинали на кухне, я — обычно сидя на окне, Володя — стоя у плиты. Потом спохватывались: уже утро, скоро на репетицию. Из людей, с которыми я встречался в жизни, Высоцкий для меня остался самым интересным.

Болезненно переживал творческие неудачи. И особенно когда повинен в них не был. Прошел кинопробы на роль Пугачева. Потом пришлось сбрить бороду, отпущенную для съемок: вмешалась неизвестно чья рука. Пригласили сниматься в фильме «Земля Санникова», для которого уже написал много прекрасных песен. «Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья» — одна из них. Но на «Мосфильме» сказали: «Что у нас, кроме Высоцкого, играть некому?»

К творчеству относился не просто серьезно — истово. Хотя и опаздывал частенько на репетиции в театр, с которым у него, кстати, в последние годы сложились не лучшие отношения. Он ушел в годичный творческий отпуск. Мечтал написать сценарий и поставить фильм о Колыме, сыграть в нем главную роль. Начал собирать материал. При этом отказался от участия в зарубежном фильме, хотя его и прельщали очень высокими гонорарами.

Как-то я рассказывал ему об Алексее Ивановиче, некогда меня поразившем. Представьте человека со всеми внешними признаками интеллигентности, в расхожем, конечно, представлении: с тонкими чертами лица, вежливого, культурного, спокойного, со вкусом одетого. На Колыме он выигрышно смотрелся на весьма контрастном фоне. Сидя рядом с ним в президиуме совещания передовиков проходческих бригад, я нечаянно увидел, как он прекрасно рисует. О нем говорили, что любит и знает музыку, сам музицирует... (Мои описания внешности людей иногда веселили Высоцкого: «У тебя почему-то получается хороший человек всегда с голубыми глазами, а какая-нибудь гадость — непременно рябой».) Так вот, Алексей Иванович рябым не был. Элегантно носил свои костюмы сдержанных тонов. Предпочитал серые. Короче, хорошо смотрелся. Но однажды, за много лет до встречи в почетном президиуме, я видел, как он ударил нагнувшегося человека ногой в лицо. Должность у Алексея Ивановича, нелишне заметить, была грозная, так что ответного удара он не опасался.

Высоцкий неоднократно возвращал меня к этому случаю, уточнял подробности, детали внешности колымского начальника. Рассуждал: «Как это получается? Значит, человек меняется в зависимости от обстоятельств? От должности? Озабочены ли эти люди репутацией в глазах собственных детей? Вдруг тем будет стыдно за своих отцов?» Так родилось стихотворение «Мой черный человек в костюме сером».

Черные люди его жизни представали в разных обличьях. Но он их безошибочно опознавал. Во Франции его поразили анархисты и крикливые «леваки».

— Пригласили меня спеть на их митинге. Увидел их лица, вызывающий облик, услышал их сумасбродные речи, прочитал лозунги — ужаснулся. Наркотизированная толпа, жаждущая насилия и разрушения. Социальную браваду они подчеркивали даже своей одеждой. И напрасно уговаривала меня растерянная переводчица, удивленная моим отказом спеть перед готовыми бить «под дых, внезапно, без причины».

Через некоторое время он прочитал мне только что написанное стихотворение «Новые левые, мальчики бравые».

...Не суетитесь, мадам переводчица,
Я не спою, мне сегодня не хочется.
И не надеюсь, что я переспорю их.
Могу подарить лишь учебник
истории.

Он настолько отвергал насилие, что подозрительно относился к людям, накачивающим мышцы:

— Мне кажется, они готовятся кого-то бить. Скорее всего слабых.

Это перекликается с его известными строчками: «Бить человека по лицу я с детства не могу». Тут уместно вспомнить, что Володя одно время занимался боксом. В уже упоминавшемся пятигорском интервью так определял человеческий недостаток, к которому относился снисходительно: «Физическая слабость». Сам же был спортивным, сильным. И к спорту относился положительно, ценил его. Но физическую силу ставил неизмеримо ниже нравственной.

Он сделал себя сам, самостоятельно выстроил свою личность, свой духовный мир. Натерпевшись в ранней молодости от агрессивного хамства, в зрелом возрасте не выносил даже эпизодических проявлений его, не выносил пренебрежительного отношения к людям, кто бы они ни были.

О себе он мог сказать словами Гамлета: «Вы можете расстроить меня. Но играть на мне нельзя».

Нередко слышу: «Высоцкого попросили, и он спел. Его пригласили в компанию, на банкет, на светский раут, и он пришел». На самом деле он был очень избирателен в личных знакомствах. И уж, во всяком случае, пел, когда хотел петь. Не иначе.

Звонят Высоцкому:

— В субботу или воскресенье вас хотели бы слышать и видеть у себя такие-то.

— Я не располагаю для этого временем, — сдержанно ответил Володя.

— Как?! — не поверил своим ушам звонивший, к отказам не привыкший. — Вы и им так же ответите? (В этом многозначительном «им» звучало почтительное придыхание.)

— Повторяю: я не располагаю для этого временем. Так и передайте.

В песне это выглядит несколько иначе: «Меня зовут к себе большие люди, чтоб я им пел «Охоту на волков».

Очень развито в нем было чувство собственного достоинства. В Иркутске молча и хмуро слушал тосты в свою честь. Вскоре ушел, сославшись на недомогание. Объяснил потом:

— Боялся взорваться. Там было несколько абсолютно чуждых мне по духу людей, не мог я для них петь.

Однотипные жизненные впечатления прессуются в стихи:

...Не надо подходить к чужим столам
и отзываться, если окликают.

В Сибири он всю ночь проговорил с седенькой старушкой из деревни Большая Глубокая на Култукском тракте, у Байкала. Здесь, восторгаясь чистым воздухом, он сказал: «Хорошо бы у озера пожить Алле Демидовой», — вспомнил, что она неважно себя чувствовала.

Он любил путешествовать не один. И люди, близкие ему по духу, неизменно жили в его душе.

...Как-то, опаздывая в театр, Высоцкий отказал в автографе двум солдатам, подбежавшим к его машине. Мы поссорились, за минуты высказав друг другу уйму неприятных слов. Володя резко тормозит, выскакивает из машины, бежит догонять солдат. Возвращается расстроенный: «Как сквозь землю провалились!» Расстались молча, а среди ночи — звонок в дверь моей квартиры. Открываю — Володя. «Ну, чего дуешься?» — улыбается он. — Я сегодня уже сорок автографов дал».

В Пятигорске я познакомил его со старой армянкой, тетей Надей. Всю жизнь она тяжко работала, редко отдыхала. В свои семьдесят еще и взрослым детям помогала. Однажды говорит: «Смотрела кино «Индюшкина голова». По-русски говорила плохо. Оказалось: «Иудушка Головлев». Старушка сидела возле дома на лавочке, и мы с Володей присели рядом.

— Вот и тетя Надя, которая смотрела кино «Индюшкина голова». А это Высоцкий. Знаешь его песни? Нравятся?

— Знаешь. Нравятся. Со всех сторон поют. Наверное, хороший. Только хрипит очень.

Володя рассмеялся. Немного поговорил с тетей Надей. На следующий день, уже под Нальчиком, внезапно спрашивает:

— А ты заметил, какие у нее руки?

— У кого? — не понял я.

— У тети Нади. Прекрасные, добрые глаза и такие натруженные руки.

Вообще к старикам Высоцкий относился трогательно. Любил их слушать и просто смотреть на них. Психолог, возможно, скажет: «Предчувствовал, что самому быть стариком не доведется». Не берусь судить. Но знаю со слов Высоцкого, что «Старика» Ю. Трифонова он ставил выше других его произведений.

На Кавказе Володя останавливал машину и подолгу смотрел на старушку с коровой, на седовласого горца. В Сибири, опаздывая на самолет, все-таки выскочил из машины, чтобы пожать руку знакомому фронтовику-бульдозеристу, попрощаться с ним. Он потом вспомнит этого фронтовика на одном из своих концертов в Москве. Он любил их, меченных войной простых людей. Это и ответ на вопрос: «Кто был его кумиром?»

С чувством и пониманием очевидца писал он о Великой Отечественной войне. Люди понимающие отнесли военный цикл песен Высоцкого к вершинам его поэтического творчества. Он так умел передать военные реалии, что дядя поэта Алексей Владимирович, бывший командир дивизионной разведки, был уверен: «Баллада о пареньке, который не стрелял» есть слепок его военной судьбы. Как же был он озадачен и, должно быть, огорчен, узнав, что племянник все придумал. «Удивительно, — говорил другой полковник в отставке, — это ведь все обо мне».

Его умение проникать в чужие судьбы, как бы переживать их заново так и осталось для меня загадкой. В свою творческую лабораторию он никого не приглашал. «Не знаю, Вадим. Само приходит». Или еще: «Мысль, как назойливая муха, жужжит, жужжит, иногда несколько дней... Потом я ее записываю». Писал не только ночью и необязательно за столом.

В известном интервью Высоцкий говорит: «Каждая песня выкручивает меня».

— И эта тоже? — спросили его после первого исполнения песни «Про речку Вачу».

— Она была не самой легкой.

Такая простенькая история незадачливого старателя, у которого ни кола ни двора, в кармане последний «рупь на телеграмму». Но я видел, как ее слушают те, кто прошел Колыму, Джугджур, Приморье, Якутию, Бодайбо. Слушают с веселым напряжением: в ней частица их жизни, негазетное прошлое. Оно было, чего его стесняться?

Про эту самую речку Вачу Володя написал на Хомолхо. Есть такой заброшенный поселок в бодайбинской тайге. Там четыре часа пел Высоцкий для тех, кто приехал из далеких таежных углов. Подходили все новые люди. В Бодайбо пилоты отложили рейсы, чтобы иметь возможность послушать своего любимого певца. Отложили пассажирские рейсы. Можно представить дисциплинарные для них последствия. В столовой не хватило места. Пришлось выставить оконные рамы, чтобы все, кто пришел, могли услышать. И Высоцкий терпеливо ждал, пока шли все приготовления.

— Эти люди нужны мне больше, чем я им.

В этой поездке ему нечаянно раздавили гитару. Он даже бровью не повел.

— Какой вопрос вы хотели бы задать самому себе? — спросили его на пятигорском телевидении.

— Сколько мне еще осталось лет, месяцев, недель, дней, часов творчества?

25 июля 1980 года, рано утром, на моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил врач: «Приезжай... Володя умер».

В тот день мне пришлось ответить на сотни телефонных звонков в квартире Высоцкого. Запомнился звонок космонавта Гречко: «Могу ли я чем-нибудь помочь?.. Все же запишите мой телефон»...

Сейчас много пишут о Володе, спорят о нем. В споры не хочу ввязываться. Однако об одном все же считаю необходимым сказать: он был человеком трагического мироощущения. Он жить хотел, но смерти не боялся. Умел, говоря словами его любимого поэта, «сразу припомнить всю жестокую, милую жизнь, всю родную, странную землю». Умер во сне. Приближение смерти предчувствовал, но не призывал ее. Успел написать жене в Париж на почтовой открытке:

...Мне есть что спеть,
представ перед всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним.

26 января — День Республики Индия.
Мы отмечаем этот день вместе с индийцами. Отмечаем на правах старых и верных друзей.
Сегодня наши страны сближает не только опыт советско-индийского сотрудничества, но и стремление к мирному будущему, ценность которого в доверии, в гармоничном развитии.
Это отчетливо прослеживалось во время визита М. С. Горбачева в Индию.
Наверное, нет ничего удивительного в том, что его итоги, выйдя за рамки советско-индийских отношений, встретили самую широкую поддержку во многих странах. Ведь именно в общении руководителей СССР и Индии впервые в практике международных отношений утверждалось многое из того, что мы называем новым политическим мышлением.
Образцом нового подхода стала Делийская декларация, призывающая построить мир, свободный от ядерного оружия, насилия и ненависти, страха и подозрительности.
Причины высокого международного авторитета декларации заключаются еще и в том, что СССР и Индия силой своего примера утверждают основные принципы этого документа.
День республики — прекрасный праздник всего 746-миллионного народа единой и в то же время такой разнообразной Индии, по дорогам которой проехал наш корреспондент.

ДОРОГАМИ ИНДИИ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Дмитрий БИРЮКОВ

Фото А. ЧУМИЧЕВА и Ю. ЛИЗУНОВА (ТАСС)

У обочины скоростного шоссе на высоких бетонных столбах висит рекламный плакат, призывающий покупать радиальные шины, изготовленные по самой современной технологии. «Надежность, долговечность — вот наш девиз» — первые слова на плакате. А затем: «Вы сможете установить наши колеса на легковые автомобили, автобусы, мотоциклы и на воловьи повозки». Шутка? Ничуть не бывало. Прямо посредине шоссе, будто в подтверждение рекламного призыва, два огромных вола, абсолютно не реагируя на пролетающие мимо машины, тянут со скоростью 2 километра в час повозку, на которой установлены эти самые шины, рассчитанные на крутые виражи и плавность хода.

Дороги в Индии — это своеобразный ритуал посвящения в индийскую жизнь и экзамен, на котором решается твоя судьба. Сможешь или не сможешь жить здесь? Примет или не примет тебя Индия?

Сами индийцы одновременно и превозносят, и проклинают свои дороги, власть на которых уже давно захватили грузовики и автобусы. Они несутся, не сбавляя скорости, эти гиганты фирмы «Тата», напоминая чем-то новогодние елки. Их кабины увешаны то огромными кистями серебряного «дождя», то яркими гирляндами, блестящими пластинами, а иногда даже разноцветными электрическими лампочками. Красиво и, как считается, безопасно. Чем больше блестишь и сверкаешь, тем больше заметен на дороге.

Увы, все равно на обочине любого шоссе валяются обгоревшие остовы грузовиков. Это плата за скорость, за желание перевезти как можно больше груза.

Я очень признателен индийским дорогам. Они помогли мне за небольшой срок лучше понять страну и народ, почувствовать колорит различных городов и штатов. А случаи, происходившие в пути, позволили по-иному оценить события, ближе воспринять жизнь и проблемы одного из крупнейших государств планеты.

Мы петляли по узкому шоссе в северо-восточном индийском штате Ассам, двигаясь вдоль берега Брахмапутры по направлению к заповеднику Казиранга. Невысокие холмы, спрятавшиеся под ярко-зелеными, сочными кронами деревьев и кустарников, сменялись равнинами с пшеничными полями.

— А вы знаете, именно здесь, в Ассаме,— сказал наш провожатый,— сто лет назад была найдена первая нефть Индии. И вот как это произошло. Это сейчас здесь асфальт, а раньше сквозь джунгли по тропам можно было проехать только на слоне. Однажды совсем недалеко от заповедника Казиранга слон, груженный поклажей, чуть сбился с тропы, оступился и провалился одной ногой в небольшое болотце, скрытое густой травой. Когда слона вытащили, то обнаружили, что его след наполнился черной маслянистой жидкостью. Это была нефть. Так слон открыл первое месторождение в Индии.

— Скажите, пожалуйста, а почему же тогда на символе ассамской нефти изображен не слон, а носорог?— спросил я.

— Вы знаете, в этом, наверное, виноваты сами слоны. Ведь самое опасное животное в джунглях — это не тигр, а дикий одинокий слон. Он идет напролом и нападает первым. Спросите у кого угодно, сколько грузовиков на этой дороге искорежили разъяренные гиганты. А однорогий носорог — это наша гордость. Штат Ассам — единственное место в мире, где сохранилось 1100 этих редчайших животных. Носорог до сих пор страдает от человеческой веры в целебность его единственного рога. Знаете, сколько он стоит? В Англии за килограмм толченого рога дают 20 тысяч фунтов стерлингов!

Каждый город в Индии начинается спид-брейкером, или «лежащим полицейским», как его еще иногда называют,— большим наростом на асфальте, который принуждает машину сбросить скорость. А если вовремя не притормозишь, то машина взлетает чуть не на метр и не очень мягко приземляется, оставляя на земле часть своих деталей. При въезде в город авторемонтные мастерские и столовые для водителей грузовиков. Тут же заправочные станции. В мастерских чинят все. В основном, конечно, они предназначены для грузовиков, но не гнушаются и мелочью — велосипедами, керосинками, зажигалками и прочим. В столовых под открытым небом можно перекусить и отдохнуть — тут же на улице стоят деревянные лавки для послеобеденного отдыха. Обед незатейливый. Две чапати — лепешки из простого теста, горстка риса, несколько плошек с разными овощными подливами.

После длинного ряда авторемонтных мастерских начинается обычно главная торговая улица города. Большая часть товаров выставлена наружу, поближе к покупателю. К самим лавкам вплотную не подъедешь — всюду повозки, люди, коровы. В воздухе дым, запах прогорклого масла, выхлопных газов и сандалового порошка. И опять автомастерские и традиционный прыжок со спид-брейкера. Город позади. Но через несколько километров шоссе вновь перегородит спид-брейкер, куда более действенный, чем наши знаки об ограничении скорости.

Город следует за городом. Они, как бусинки, нанизаны на нить дороги, намертво скрепленные многовековой историей и в то же время разные, неповторимые по своему укладу.

До Джаландара доехали без остановок, и до чего же было обидно при въезде в город попасть в автомобильную пробку. Вереница телег, грузовиков уходила на несколько сот метров вперед и скрывалась за поворотом. Наш водитель пошел узнать, в чем дело. Вернувшись, угрюмо бросил: «Коровы».

Коровы не давали проехать, загораживая и без того узкую улицу. Оказалось, они столпились около фигуры Будды — гипсовой, в два человеческих роста, которую очень кстати поставили на идеально круглой, но по-домашнему маленькой площади. Коровы лениво жевали гирлянды из живых цветов. Их нисколько не волновали истеричные сигналы машин и крики повозчиков. Они знали, что все равно их никто не тронет.

В Джаландар мы въехали, когда уже смеркалось. В Индии солнце садится быстро. За 5—10 минут темнеет настолько, что в боковое чуть затемненное стекло невозможно разглядеть даже номера домов.

С главным редактором газеты «Джаг Бани» В. К. Чопрой мы условились встретиться около гостиницы. Я как раз готовил материал о сикхских экстремистах, и сведения, которые смог бы получить в Джаландаре, этом своеобразном пресс-центре штата Пенджаб, были крайне необходимы. С В. К. Чопрой я был знаком давно. Он не раз приезжал на своем потрепанном автомобиле к нам в корпункт, подолгу рассказывал о последних событиях в штате, о новых статьях и расследованиях, которые собирается провести его газета. Помню, после очередного материала, разоблачающего связь сикхских террористов со спецслужбами Пакистана, он позвонил, явно довольный: «Думаю, мы здорово их зацепили. Мне даже сообщили, что я и мои сотрудники внесены в черный список. За нами началась охота. Завтра я об этом напишу в передовой».

После того как мы прилично поколесили по лабиринту пустынных

улиц, наконец удалось отыскать гостиницу. Около входа на освещенной парковочной площадке стоял знакомый автомобиль Чопры. Издалека показалось, что весь он покрыт какими-то точечками, но когда мы подъехали поближе, я понял: это были сквозные дыры от пуль. Из машины вышел сотрудник газеты. «Добрый день, вы извините, мистер Чопра не смог вас встретить. Не волнуйтесь, он жив и здоров, только вот всю машину изрешетили».

Как-то неуютно стало на темной улице, которая всего несколько минут назад убаюкивала своим спокойствием. С новой стороны открылись для меня такие люди, как Чопра, которые на протяжении многих лет, несмотря на все угрозы, мужественно вели тяжелую, но очень важную для Пенджаба, для всей Индии борьбу с экстремистами, с силами реакции, пытающимися расколоть, ослабить республику.

На следующий день мы побывали в редакции газеты «Джаг Бани», похожей в тот день на крепость. Мешки с песком у входа, наряды полиции с автоматами у подъезда и на крыше дома. Непривычно было видеть репортеров, комментаторов, расхаживающих с гранками и с кобурами, из которых высовывались рукоятки отнюдь не игрушечных пистолетов. В редакции верстался очередной номер...

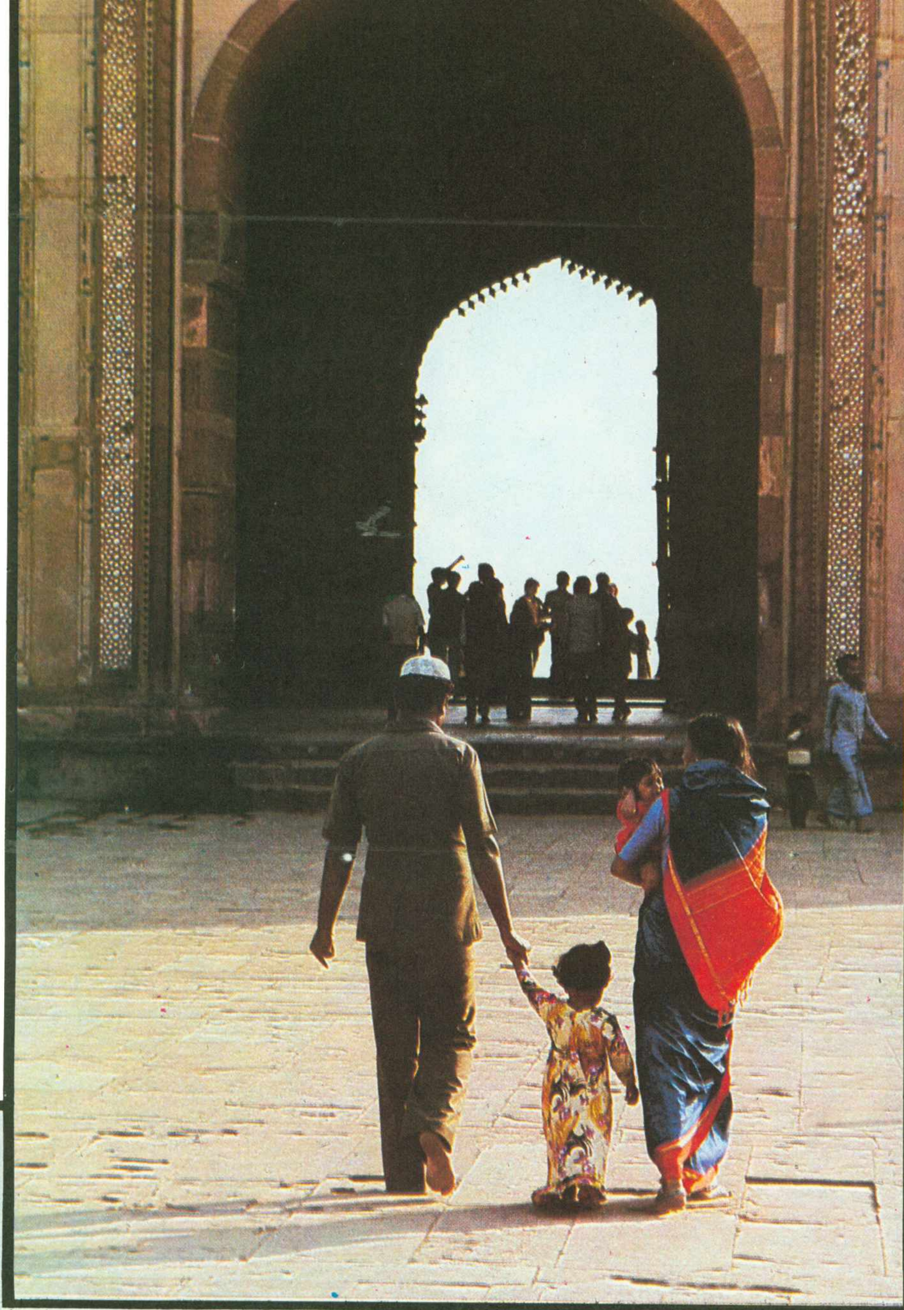
В Бхопале мы с коллегой должны были подготовить серию материалов, посвященных годовщине трагического события — утечки с химического завода корпорации «Юнион карбайд» высокотоксичного газа метилизоцианата. Еще до поездки в Бхопал я много читал в индийской печати о некоей находящейся в городе лаборатории корпорации. Интерес к ней подогревало еще и то обстоятельство, что ни один из индийских и тем более иностранных корреспондентов так и не смог побывать там.

Естественно, сразу же после поездки по городу мы направились к лаборатории. Центр исследования и

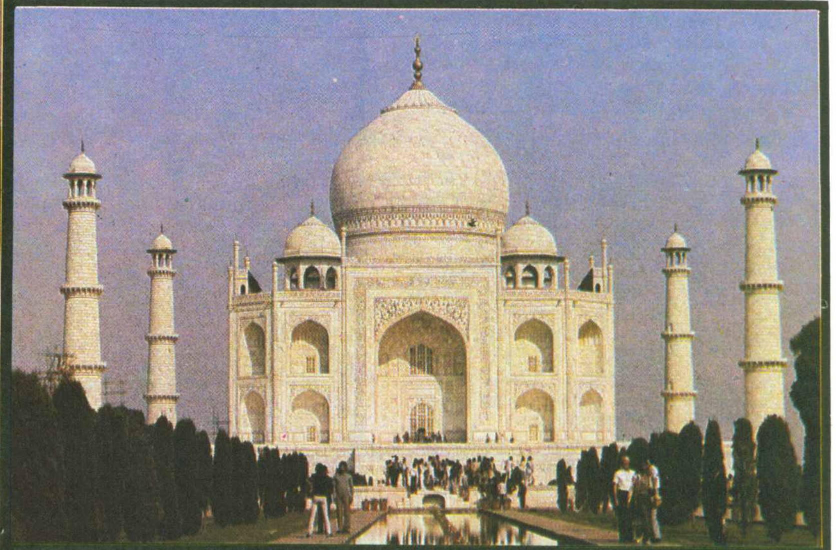
УЧЕНИЦА ДЕЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ «СПРИНГДЭЙЛЗ», ГДЕ ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ ЯЗЫК, СУНАЛИ АНАНД.



ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЯРМАРКА В ДЕЛИ ВСЕГДА СТАНОВИТСЯ ПРАЗДНИКОМ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА.



«МЕРТВЫЙ ГОРОД» — ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ И АРХИТЕКТУРЫ В ГОРОДЕ АГРА.



МАВЗОЛЕЙ ТАДЖ-МАХАЛ.

ПЛОЩАДЬ У ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДВОРЦА В ЦЕНТРЕ ИНДИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ.

развития компании расположился на вершине высокого холма, прямо в центре города. Небольшое двухэтажное здание казалось огромным из-за того, что вместо привычного кирпича было облицовано зеркальным стеклом, и в лучах солнца от него исходило мощное сияние.

Нам повезло, что в этот день охранник, стоящий у входа, впервые приступил к выполнению своих обязанностей и был достаточно вежлив с представителями прессы. Он великодушно сообщил, что посторонних в здание не пускают, но если мы поговорим с вице-президентом компании, который прилетел в Бхопал только на один день, может быть, что-нибудь и получится. Вице-прези-

дент был сначала неумолим, но потом, узнав, что мы из Советского Союза и прилетели специально взять у него интервью, сдался. Через тридцать минут мы должны были быть у него в кабинете. С одной стороны, мы были довольны: удастся побывать внутри центра. С другой — боялись, что не успеем съездить в гостиницу за аппаратурой.

До гостиницы машина долетела за десять минут. Быстро схватив все необходимое, мы помчались назад. Оставалось четверть часа. И здесь наше везение кончилось. На очередном перекрестке небольшой ярко-оранжевый автобус, не тормозя, ударил сзади наш «Премьер». Я еще не успел прийти в себя после удара, а вокруг машины уже собралась приличная толпа, которая с криками «Американцы, вон из Индии!», «Бей американцев!» надвигалась на нас. Не знаю, каким образом нам удалось объяснить бхопальцам, что мы русские и очень опаздываем. Помню только, что несколько человек бросились искать попутную машину, а остальные в самых нелицеприятных выражениях объясняли шоферу автобуса, какой он водитель, если посмел выехать на улицу с неисправными тормозами.

До начала интервью оставалось пять минут, когда нас усадили на видавший виды мотоцикл. Молодой парень озорно подмигнул и понесся по узким улочкам, как если бы принимал участие в кольцевых гонках. На встречу мы успели. Записали интервью, походили по лабораториям, но сцена на улице так и стояла у меня перед глазами. Позже я понял, в чем причина неприязни и даже ненависти этих людей к американцам. Понял, когда побывал на Чола роуд, больше всех подвергшейся воздействию метилизоцианата. Понял, когда познакомился с пожилой женщиной Сунитой Кумар, потерявшей всех близких. Когда увидел маленького, трехлетнего Каши Рама, которому не суждено выжить, потому что ядовитый газ разрушил его легкие. Для 50 тысяч индийцев, пострадавших от утечки метилизоцианата, завод американской корпорации «Юнион карбайд», построенный с упрощением техники безопасности, специально для развивающихся стран, стал символом варварства и преступления.

...Сколько раз ни приезжал в Калькутту — всегда поражался сумасшедшему ритму этого города с населением в 15 миллионов человек. Мне все время казалось, что в узкие улицы непостижимым образом втискивается больше автомобилей и людей, чем могут допустить законы физики. Днем в часы пик жалко становилось регулировщиков, которые просто творили чудеса, не давая остановиться, захлебнуться потоку. Полноправных участников движения здесь не перечесть: велосипедисты, мотороллеры, мотоскутера (так называются черно-желтые маленькие трехколесные фургончики такси, смонтированные на базе мотороллера), мотоциклы, велорикши, погонщики волов, верблюдов, легковые автомобили и, конечно же, грузовики и автобусы. Многовато, не правда ли? При этом надо учесть, что велосипедистов не единицы, а тысячи. И что обладатели велосипедов любят на ходу поговорить друг с другом и поэтому едут по двое, по трое в ряд. Индийская семья на мотороллере — это отдельная история. За рулем глава семейства, мама сзади на месте пассажира, а между ними, на них, на руле и на багажнике сидят четверо или пятеро детей. Никто их не останавливает, наоборот, эта самодвижущаяся живая пирамида пользуется правом преимущественного проезда. Если вы хотите проехать по улицам большого города в часы пик — сначала хорошенько подумайте. Ничьи советы, никакие правила здесь не помогут. Нужно просто чувствовать ритм этого немыслимого движения. Если за выхлопом дизельного грузовика заметил беззаботно вывернувшего с обочины велосипедиста, если увернулся от автобуса, который совершает обгон по встречной полосе, если вовремя объехал лениво лежащую на шоссе корову — значит, ты свой.

Калькутта — это единственный город в Индии, где есть трамвай, и поэтому выбор моего средства передвижения по городу был сделан заранее.

Ехать рядом с водителем трамвая (в Индии его называют кондуктором) — ни с чем не сравнимое впечатление потому, что трамвай в Калькутте похож на ледокол, вклинивающийся в ревущий транспортный поток.

Кондуктор, почувствовав, что я оценил его мастерство вождения, спросил: «Откуда?» «Из Советского Союза». «Как вам нравится наш город? Сейчас я его вам покажу»,— сказал кондуктор, как будто мог съехать с рельсов и изменить маршрут.

— Мы въезжаем на самую широкую улицу в Индии,— гордо заявил он. И действительно. Трамвай завизжал на повороте, и мы въехали на идеально прямую, широкую автостраду.

— Это Ред роуд,—сказал кондуктор.— Во время второй мировой войны здесь не было домов, деревьев да и самой улицы не было. Это была взлетно-посадочная полоса военного аэродрома, с которого по ночам поднимались бомбардировщики.

— А вы знаете, что еще до второй мировой фашистская Германия пыталась во что бы то ни стало перетянуть Индию на свою сторону? Тогда там вовсю кричали о якобы арийском единстве индийцев и немцев, о помощи, которую Германия предоставит национально-освободительному движению. Это сейчас такие рассуждения кажутся бредовыми. А тогда, мой отец рассказывал, только мудрость лидеров национально-освободительного движения, отвергавших любые предложения Германии, спасла от возможных ошибок. Кстати, мой отец в 1941 году одним из первых вступил в общество «Друзья Советского Союза», основателями которого были Рабиндранат Тагор и Индира Ганди.

— А вы в нашем метро были?— после небольшой паузы спросил кондуктор.

— Был, когда оно строилось.

— Ну тогда посмотрите сейчас. Сегодня это наша гордость.

Метро — может быть, самую современную из индийских дорог — калькуттцам помогали строить специалисты из разных стран. Приятно было вспомнить, что среди них были и наши, московские метростроевцы...

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Майдан»,— разнесся по вагону калькуттского метро мелодичный женский голос. Захлопнулись двери, и сразу же мощно загудели вентиляторы кондиционеров, обдавая пассажиров приятной, непривычной для Калькутты прохладой. За широким стеклом все быстрее и быстрее понеслась станция, одетая в белоснежный мрамор. Индийцы читали газеты, разговаривали вполголоса. Только я вел себя так, словно попал в метро впервые. Все время оглядывался, рассматривая сиденья, плафоны освещения. Мне и вправду не верилось, что я нахожусь в самом центре гигантского города и что всего 10 метров перемычек и грунта отделяют поезд метро, его пассажиров от сорокаградусной жары, от гари и грохота автобусов, от тесноты на тротуарах, от воловьих повозок на шинах, изготовленных по самой последней технологии.

Дороги Индии... Много их. Разные они. Очень разные...

Два крыла, которые помогают мне подниматься над будничностью и суетностью в мир человеческого сердца,— это родной белорусский язык и моя малая родина Ушаччина.

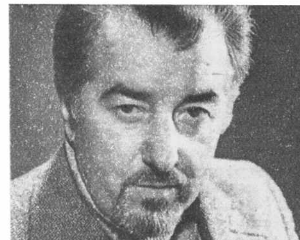
Перевод — это уже отраженный свет, он может быть и достоверным, и далеким от подлинника. Все зависит от мастерства переводчика.

Малая родина — малая разве что в масштабах огромной страны. А вообще-то она очень большая. Здесь ты впервые увидел свет, здесь ты впервые подал свой голос. И сколько ни проживешь на этом свете, сколько ни будешь стремиться быть услышанным далеко, всегда будет тянуть тебя домой, на твои первоследы. Как говорят у нас: «Дорог тот куток, где отрезан пупок».

Моя Ушаччина, и лесная, и озерная, бедноватая почвами, но богатая песнями, легендами, былинами, моя Ушаччина — самозабвенная труженица и вечная оптимистка, не знающая усталости в постоянных мечтах о лучших днях, всегда со мной, в моих строках.

Рыгор БОРОДУЛИН

СМОЛОСБОР



СЛОВО

Каждый день
отправляю письма,
Каждый день
даю телеграммы,
Каждый день
стремлюсь дозвониться
В немоту —
не могу
без мамы.
Неизвестен адрес,
Номер неведом,
Дужка месяца
Сменяется полной луною,
А телеграф
Не спешит с ответом,
Ему недосуг
Заниматься мною.
Каждый день
я себя виню,
На земле
одинокий самый.
Каждый день
завидую дню,
Приносившему
отклик мамы...
Слово мамы
Было живым, усмешливым,
Когда она бережно
Мыла окно,
Когда на просушку
Рубашки вывешивала,
Белила
Радости полотно.
Я опоздал
на один день,
Не успел услышать
последнее слово.
Вина моя
сгустилась, как тень,
Как полынь, горька,
как зима, сурова.

Притихает печаль,
Притупилась беда.
Возможно, справлюсь,
Перезимую.
Но слово,
Ушедшее навсегда,
Где отыщу,
Где замену
Возьму я!

ПЕСНЯ ТИШИНЫ

Бор —
Солнцествольных сосен хор —
Свою хвалу, а не укор
Возносит к тучам,
Выше гор,
До самых звезд.
А в смолосбор
Лисиц-сестриц
Из ближних нор
Скликает,
Чтоб лесной простор
Окрасил рыжий их костер.
Березки высланы в дозор.
Поет в тиши
Безмолвный бор.
Прислушайтесь...

ОЖИДАНИЕ

Высматривал тебя
И стал почти слепым,
Почти оглох
От пустоты и немоты.
Гляжу —
Шагают придорожные столбы
И слышу —
С места стронулись кусты.
Все движется навстречу.
Но не ты...

ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ДНЕВНИКА

В прозрачном зданье руки тишины,
Вздымая свод высокий, ослабели.
Сейчас начаться прения должны,
Шум ожиданья
В зале Ассамблеи.
Он словно гуд осеннего слепня,
Того, что по дороге из Ушачи
За ветровым стеклом
Лесного дня
Все бился, как осколочек горячий.

С осколками знакомый фронтовик,
Машину вел
Немногословный Быков...
Воспоминанье ожило на миг,
Но молотком
Призвал к вниманью
Спикер.

И небоскреб-аквариум
ООН
Сигналу внял,
Но не унял тревоги.
Он в океан безбрежный превращен,
Где сходятся
Всесветные дороги.
Прийти к согласью,
Знаем,
Нелегко,
Но верим в здравомыслие, как
прежде.
А шар земной,
Как памятник Фуко,
Качается на волоске надежды.
Ужель не уберечься от огня,
Который с тропки слижет след
ребячий!
Ни дня в родной Ушаче,
Ни слепня,
Лишь тишина
По-человечьи плачет.
Изгоним страх,
Избавим от невзгод
Наш общий дом,
Который так встревожен.
Он к мудрости взывает,
Он живет.
Позволим жить ему,
Спастись поможем!

Авторизованный перевод
с белорусского Я. ХЕЛЕМСКОГО.

ДОБРОЕ ИМЯ ФУТБОЛА

Статья Льва Филатова «О лжефутболе», напечатанная в «Огоньке» (№ 44, 1986 г.), вызвала большой отклик читателей. Как редакция и предполагала, тема оказалась и актуальной, и острой. Удивляет только, что пока нет ответа Управления футбола Госкомспорта СССР.

Лев ФИЛАТОВ

Письма о договорных матчах все шли и шли... А тут подоспело окончание сезона, и, как принято, газеты и телевидение в своем последнем «Футбольном обозрении» 1986 года стали подводить его итоги, было напечатано и произнесено немало серьезных предложений разного рода. Все это заставило расширить рамки нашего обзора. Но и не только это...

Начнем все же с договорных игр. В нашей статье говорилось о том, что вокруг позорного явления образовался своеобразный заговор молчания специалистов, тех людей, чье мнение должно иметь решающее значение в борьбе с этим злом. И вот лед тронулся. «Советский спорт» включил в свою послесезонную анкету вопрос: «Что способствовало бы бескомпромиссности борьбы в чемпионате?»

Трое авторитетнейших, с мировой известностью мастеров без тени сомнения, прямо, убежденно, как и полагается в наше время, заявили о необходимости решительно противостоять договорным махинациям. Маститые тренеры В. Иванов и И. Нетто совершенно уверены в том, что глаз опытных экспертов при просмотре видеозаписи матчей, взятых на заметку, легко различит подделку. И им, прошедшим огни и воды, умеющим оценить любое движение в ходе игры, легко веришь. Так, может быть, загвоздка — в составе экспертов, и надо, чтобы все они были достаточно проницательными, независимыми и решительными?

О. Блохин искоренение договорных игр связывает с реорганизацией футбольного статуса, с отказом от полулюбительства. Мысль верная. Одно только вызывает сомнение: коль скоро неизвестно, произойдет ли и когда реорганизация, есть ли у нас право ждать лучших времен и не давать отпора махинаторам?

Как бы то ни было, высказывания осведомленных людей, знающих всю подноготную футбола, подтверждают, что зло существует. Надо ли было на них ссылаться, когда, кажется, и без того все ясно?

В той же анкете участвовал и тренер О. Базилевич. Вот его ответ: «Поставлен вопрос о бескомпромиссности поединков, и вновь сделан намек или кивок в сторону игр, которые с чьей-то легкой руки стали называться «договорными». Категорически заявляю, что такие попытки поднимать на страницах прессы этот вопрос выглядят неправомерными. Такие публикации сводят на нет всю нашу большую работу по пропаганде здорового образа жизни средствами физкультуры и спорта, пропаганде основополагающих принципов нашего спортивного движения. Футбольные сделки противоречили бы всем нашим моральным принципам, и потому делать ничем не подтвержденные намеки — это вести антипропаганду футбола».

Не правда ли, знакомая печально памятная фразеология? Некоторое время назад с ее помощью ставились заслоны перед справедливой критикой, лишь бы соблюсти видимость благополучия. Согласитесь, в наши дни уже странно читать сей отрывок, исполненный в духе угрожающей демагогии. И как хорошо, что он нисколько не пугает, не говоря уж о том, что не убеждает. Впрочем, ничего удивительного в этом защитном варианте нет, слишком долго существовал заговор молчания, к нему попривыкли, а для некоторых футбольных работников он стал удобным прикрытием, избавляя их от необходимости что-то делать, исправлять положение.

В последнем «Футбольном обозрении» 1986 года тоже был затронут вопрос о договорных матчах. И начальник Управления футбола Госкомспорта СССР В. Колосков, не выразив даже озабоченности, заявил по этому поводу, что управление не располагает доказательствами и что печать совершенно напрасно привлекает внимание к этой проблеме. А это уже не частное мнение одного из тренеров. То ли начальник управления хуже информирован, чем В. Иванов, И. Нетто и О. Блохин, то ли не готов посмотреть правде в глаза? И тут уже не до улыбки.

Минчанин П. Долнаков в своем отклике, написанном, естественно, до выхода в эфир телеобозрения «Футбол-86», выразился так: «В действиях руководителей футбола не видно, что они полны решимости перестраивать стиль своей работы, намерены признавать свои ошибки и изживать все негативное, что накопилось в нашем футболе». А вот мнение В. Гордашника из города Нефтеюганска Тюменской области: «Складывается впечатление, что атмосфера гласности, которая создается у нас в стране, нашего футбола не касается. Футбол превратили в вещь в себе, болельщиков считают дилетантами и их мнение во внимание не принимают. Может быть, в профессиональных тонкостях это и так, но что касается законов нашего общества, то они едины и их надо применять и к футболу».

В этом-то и все дело. Если бы речь шла о «профессиональных тонкостях», можно было бы понять особую позицию руководителей футбола. В данном же случае, когда поставлены под сомнение моральная репутация, доброе имя, нравственные устои, само собой напрашиваются единство мнений и единство усилий. Уходить от проблемы, получившей общественное звучание, прячась за «отсутствием улик», не что иное, как нежелание

ПРОШУ СЛОВА!

«ЛИПА» НЕ ТОНЕТ

Плавание — один из самых полезных и увлекательных видов спорта, по числу поклонников плавание вне конкуренции. Так по крайней мере считает статистика, но за абсолютными цифрами в последние годы проглядывают совсем не частные просчеты. И дело не только в том, что наши пловцы все чаще проигрывают, о чем еще раз просигнализировало последнее первенство мира, а прежде всего в том, что плавание у нас вовсе не является массовым. Об этом и размышляет в своем письме в редакцию мастер спорта международного класса, призер Олимпийских игр **С. БЕЛИЦ-ГЕЙМАН.**

Мое первое знакомство с речкой Клязьмой началось весьма оригинально: в шестилетнем возрасте я сиганул, разбежавшись с крутого берега, в воду, и, не окажись рядом со мной мужчины, перед носом которого я пролетел и плюхнулся, уйдя на глубину, вряд ли эти заметки увидели бы свет. Мужчина машинально, как потом он объяснял моей матери, пошарил под водой и, почувствовав под рукой мою шевелюру, вытащил меня на поверхность.

...Минуло тридцать пять лет, и теперь я оказался в роли спасателя, вытащив на поверхность шестилетнего смельчака на той же самой Клязьме. Других спасателей, как и во времена моего детства, рядом не оказалось.

Столь грустное вступление вполне объяснимо. Позади летний сезон, ставший для тысяч и тысяч не умеющих плавать юных граждан последним. Я преднамеренно не говорю о тех, кто стал жертвой несчастного случая в зрелом возрасте, о тех, кто умел плавать, но проявил беспечность. Более, чем когда-либо, убежден: главная наша беда не умеющие плавать дети.

...Ребенок, который научился ходить, читать и писать, вправе рассчитывать, что к этому времени его обучат и плавать. Научат тому, что является, как пишут в статьях и в книжках, «жизненно необходимым навыком». Как же мы обучаем плаванию детей! Казалось бы, что тут все в порядке, есть специалисты, есть бассейны, есть даже патенты на вспомогательные средства обучения. Изобретена, например, и прошла апробацию специальная шапочка-поплавок для 2—3-месячного ребенка. Проводятся консультации для родителей, которые хотят учить своих детей в ванне. Десять тысяч таких тренеров-добровольцев, согласно данным Управления плавания Госкомспорта СССР, есть только в одной Москве, не говоря уже о десятках, а то и сотнях тысяч по стране...

Спешу к соседям — у них новорожденный. Но о плавании пока только разговоры. Звоню дальней родственнице — она только что стала бабушкой,— тот же подтекст в разговоре: «Плавание! Замечательно! Устроишь! Буду возить сама». Выхожу на улицу. На аллеях парка «Сокольники» — молодые мамы и папы с колясками. Ко всем один и тот же вопрос — о плавании их малышей. И вместо ответа — встречные вопросы: где, как, когда, нельзя ли записаться!

Появляется желание звонить в горздрав. Но о чем говорить! Ведь у них внешне все в полном порядке. Есть даже цифра — 10 тысяч юных пловцов. Может быть, связаться с городским спорткомитетом! Но там наверняка скажут, что это не их участок работы. И тут в мыслях рождается предложение: а не собраться ли наконец представителям этих двух ведомств и решить вопрос по-государственному! Тогда наверняка в каждой детской поликлинике появятся свой простейший бассейн, штатный специалист по плаванию, а в городе, затем и в стране будет наконец создана первая ступень единой системы обучения плаванию.

Кто и когда определил, в каком возрасте можно переступить ребенку порог водного дворца, не знаю, но в большинстве спортсооружений, которые мне довелось посещать за многие годы занятий спортом и работы журналистом, возраст этот строго ограничен семью годами. Однажды я был даже свидетелем, как изобретательный родитель безуспешно пытался купить детский абонемент дважды, предъявляя в кассу одно и то же свидетельство о рождении (он хотел водить в бассейн сразу двоих сыновей, но старшему было 7, а младшему — всего 6, и абонемент для него не продавали).

Помню, как восемь лет назад сетовал на отсутствие подходящих условий для массового обучения плаванию детей в бассейне «Ростсельмаша» заслуженный тренер РСФСР Ю. Бурменский. Мечтал он тогда, что к 50-метровому красавцу «Кораллу» пристроят комплекс с тремя детскими ваннами. Увы, так и живут ростовские тренеры обещаниями спортивных руководителей. И даже в Москве администрация бассейна спорткомплекса «Олимпийский» шесть лет пробивала стену равнодушия, которой отгородились строительные организации, и лишь в эти дни здесь началось строительство детского учебного центра с тремя малыми бассейнами, хотя и на том спа-

отвечать за порученное дело, пренебрежение к интересам широкой зрительской аудитории. И она, зрительская аудитория, являющаяся, по сути дела, потребителем футбола, привыкшая судить об игре по меркам справедливости, не может ни понять, ни простить безучастности, оттого так резки отклики. Оттого и пишет Н. Рычков (город Панфилов Казахской ССР): «Кругом идет перестройка в лучшую сторону, а в футболе все по-старому».

Что же, по мнению читателей, смыкается с лжефутболом, требует срочного вмешательства и наведения порядка? Это в первую очередь расписание матчей и судейство.

«Растянутый календарь вносит беспорядок, порождает безответственность одних команд и перегрузки других. Весной и поздней осенью московские команды играют в залах, футбол превращается в цирковое представление. Немудрено, что «Нефтчи» и «Арарат», играя против «Спартака», и «Арарат» против «Динамо» уклонились от борьбы и не оказывали сопротивления»,— читаем мы в письме Я. Каричака из города Мукачево.

«Мы болеем за ЦСКА, команду нашей родной Советской Армии, с которой у всех нас многое связано, и желали ей перейти в высшую лигу. Но как расценить случай в конце 1985 года, когда решением Федерации без всякого основания из Хабаровска перенесли игру с местным СКА в Москву, в манеж? А в 1986 году заставили играть в манеже «Локомотив». Да и вообще ЦСКА чуть ли не с сентября забирается в зал. Как это понимать?» — пишет группа болельщиков из Фастовского района Киевской области.

Не хочется повторяться. В прошлом году в «Огоньке» (№ 15) начальник команды «Спартак» Н. Старостин подробно и доказательно разобрал несостоятельность годового календаря высшей лиги. Кстати говоря, он отметил нежелательность для «Спартака» проведения игр в зале, что отражается на посещаемости и ведет к финансовым убыткам. Однако соображения видного специалиста были оставлены без внимания, Управление футбола отмолчалось, не дало ответа редакции.

Календарь давным-давно превратился в узкое место. Но любители футбола и в этом вопросе более всего чувствительны к несправедливости: к необоснованным переносам игр, в которых они видят потачку какой-либо из команд, к неравенству условий. Уж этого-то вполне можно избежать!

Едва ли не каждое письмо содержит недовольство судейством. Так получилось, что большая часть откликов была написана под свежим впечатлением от матча московского «Динамо» с «Нефтчи», когда судья В. Хохряков назначил в ворота бакинцев два пенальти и одного из них удалил с поля, благодаря чему динамовцы победили. Разбирать сейчас этот случай, видимо, поздновато. Да и должен признаться, что если бы и появилось такое желание, ничего определенного я сказать бы не смог.

«Нас не убедили, хотя телевизионные возможности позволяли это сделать. Вместо этого — голословное утверждение: «Признано, что оба 11-метровые назначены правильно». Кем признано? Такое отношение оскорбляет болельщиков», — пишет минчанин П. Долнаков.

И он полностью прав. Тот матч по резонансу, который он получил, полагается отнести к экстраординарным. Знаю, что не только в редакцию «Огонька» хлынули письма. Чего проще: попросить дать в «Футбольном обозрении» несколько стоп-кадров и прокомментировать их. Минутное дело. Прав судья — прекрасно, ошибся — да, ошибся. Результат матча согласно правилам отменен бы не был, зато многие тысячи любителей футбола почувствовали бы, что к ним относятся с уважением. Таких громких происшествий за сезон случается не так уж много, и легко представить, как их демонстрируют аудитории под рубрикой «Спорные моменты». Можно не сомневаться, что «силовое поле» вокруг судейства заметно ослабло бы. Все же понимают, что судья способен ошибиться (лишь бы не нарочно), а с другой стороны, и болельщики не всегда верно оценивают его решения.

Наша судейская корпорация живет замкнуто и скрытно. Если приключается что-нибудь совсем из ряда вон выходящее, арбитров отстраняют от исполнения обязанностей на разные сроки. Но дело не только в случаях чрезвычайных. Тренер московского «Торпедо» В. Иванов заявляет корреспонденту: «Мы подсчитали, что ежегодно из-за судейских ошибок теряем по 6—8 очков. Думаю, что такую же печальную статистику могут представить и тренеры некоторых других команд. Но что толку от всех наших протестов и возражений?»

Возможно, В. Иванов, человек эмоциональный, не совсем точен в своих подсчетах. Но услышать его необходимо, тем более что он представляет команду перспективную, молодую, от которой мы вправе ждать интересной игры. Не уверен, что судейская коллегия займется разбором его печатно высказанной претензии, скорее наоборот, посчитает ее чуть ли не оскорблением своего достоинства.

А в чем, собственно говоря, заключается это тщательно оберегаемое достоинство? По большому счету — в верной и честной службе футболу, в единстве интересов всех команд и всех арбитров. В обычной же своей практике большую часть усилий коллегия тратит на то, чтобы отстоять свою непогрешимость. Несомненно, следует уважать квалификацию судей и их ответственную, нервную работу. Но дела коллегии пошли бы несравненно успешнее, если бы она сама, не дожидаясь скандалов, с предельной взыскательностью оценивала деятельность арбитров. Обстановка гласности и ей пойдет на пользу, тогда бы все знали, чем она живет, что предпринимает, в чем ее трудности. Пока же она законспирирована, и человек в черном появляется на поле словно из таинственного подземелья. И если болельщики называют футбол «вещью в себе», то судейство и вовсе за семью печатями.

Вот что пишет архитектор А. Усык из Симферополя: «Организация результатов иногда сложнее, чем просто сговор двух тренеров. У нас есть судьи, которые уверены в своей безнаказанности, делают, что хотят, ибо чувствуют, чего от них ждут футбольные боссы. Нет, я не думаю, что их вызывают и дают установку. Эти судьи знают, почему их ставят именно на эту игру, они горды этим и «рады стараться». Из-за этого рождается чувство, что ничего святого нет в любимой всеми игре».

И. Розенберг (город Елгава) прислал вырезку из газеты «Советская молодежь», издающейся в Латвии, с припиской: «Посылаю в качестве дополнения к статье о лжефутболе». А в газетной заметке сообщается, что приз имени Паниковского (героя «Золотого теленка») присужден арбитру Гизатуллину из Казани, «Немой свисток» — минчанину Жуку, «Парализованная Фемида» — Гоману из Жодино.

Можно по-разному относиться к утверждению А. Усыка и к публикации в молодежной газете. Но хотелось бы надеяться, что они заденут за живое судейский корпус и он в полном составе задумается над тем, что непогрешимость формальная, так сказать, по чину, не имеет ничего общего с той деловой, истинной непогрешимостью, которой он обязан достичь в интересах футбола и зрителей.

Каждая команда выиграет, если футбол обновит свою организационную структуру (об этом подробно писал в нашем журнале Н. Старостин, № 18 за 1986 г.). Все выиграют и от борьбы за чистоту моральной атмосферы, и от объективного судейства.

Любители футбола в прошлом сезоне испытали немало приятных минут, наблюдая за целым рядом матчей нашей сборной и киевского «Динамо». Были отдельные удачи и у других клубов, но менее яркие, чем у чемпиона страны. Возможности нашего футбола богаты. Об этом, в частности, свидетельствует награждение Игоря Беланова «Золотым мячом». Тем более обидно, что возможности не реализуются сполна. Этой обидой и были продиктованы отклики. И требовательностью: от футбола ждут, что он не останется в стороне от перемен, которыми живет наш народ.

сибо, ведь желающих записать своих детей в созданные группы более чем достаточно.

Дети и плавание... Проблемы, проблемы. И все взаимосвязано. Будут специализированные детские бассейны, исчезнут возрастные ограничения, а пока по-прежнему надежда лишь на пионерское лето. Призрачная надежда!..

Который раз наблюдаю, как большинство городских бассейнов закрывают на летний период. Ссылка одна: требуется текущий ремонт. При этом довод спортивных руководителей звучит весьма убедительно: «У нас есть возможность летом обучать детей на естественных водоемах». Но в РСФСР только треть загородных пионерских лагерей имеет купальные и простейшие наливные сооружения для обучения плаванию, и притом погода не всегда позволяет использовать эти сооружения.

Всего 10—12 процентов наших школьников умеют плавать, еще столько же научились держаться на воде, а когда дело доходит до сдачи норматива ГТО, то и этот процент снижается вдвое. Не случайно даже среди участников финала всесоюзных соревнований «Старты надежд» десятки ребят, не умеющих плавать. Их в полном смысле слова вылавливают из бассейна.

В июне 1985 года Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров РСФСР принял постановление «О работе по массовому обучению населения республики плаванию». Но на российских акваториях перемен в лучшую сторону не произошло. Даже опыт организации на пляжах Анапы абонементных групп для желающих научиться плавать по-прежнему нигде не распространился. Летом мне не пришлось побывать на Черноморском побережье, но на водоемах Подмосковья я не увидел ни одного пункта по обучению плаванию. Более того, на Москве-реке, на Оке и на Волге исчезают и те станции, что когда-то служили тысячам любителей водного спорта. Да, крайне плохо обстоят у нас дела с массовым обучением плаванию, и об этом убедительно говорит печальная статистика несчастных случаев на воде. Эти цифры, к сожалению, не уменьшаются, а «липа», увы, не тонет.

Семен БЕЛИЦ-ГЕЙМАН,
мастер спорта международного класса



ЗОЛОТЫЕ ПОМИДОРЫ

В последнее время уже разобрались с тем, как нерационально привлекать на сельскохозяйственные работы научных сотрудников. Зато с упоением говорится о помощи школьников колхозам и совхозам в уборочную страду.

У нас в Чуйском районе Киргизии ежегодно школьников 4—7-х и 9-х классов посылают осенью убирать урожай, а весной на прополку. В нынешнем учебном году они ушли в поле 3 сентября и только 27 октября приступили к занятиям.

Я классный руководитель 10-го класса, вместе с учениками мы подсчитали, что из-за сельских работ они проучились в школе на один учебный год меньше и, стало быть, окончат не десятилетку, а девятилетку.

Каждый год я недодаю, например, в девятом классе по 35—45 часов русского языка и литературы. В прошлом году дети не учились восемь недель. От постоянного перенапряжения к февралю — марту ребята уже перестают воспринимать новое, устают, теряют интерес к учебе. А в мае их снова снимают с занятий на прополку. И летят наши учительские планы. Можно ли в такой гонке усвоить математику, физику, английский?

Прошлой осенью школьники убирали помидоры, капусту, свеклу, чистили на току кукурузу. Мальчики за день нагружали по нескольку машин с прицепами. Доказать, что у них неокрепший организм, что есть же взрослые грузчики, которые должны работать, невозможно.

На току работу принимает начальник, определяя сделанную работу на глазок. Понравились вы ему — будет 2 тонны, не понравились — 500—700 килограммов. Начнете доказывать, вас при детях так на двух языках поставят на место, что не рады будете. Грузчик, шофер, звеньевая могут при учениках унизить учителя, посмеяться над его внешностью, раскритиковать вместе с ребятами его работу.

Один день обучения школьника стоит государству более одного рубля, скажем для удобства — рубль. День учителя — в среднем 7 рублей. Если, к примеру, вышли в поле 100 учащихся и 10 учителей, собрали 7 контейнеров помидоров — за каждый из них совхоз платит по 10 рублей,— то государству это обойдется в 240 рублей. Да, каждый помидор здесь золотой! Это не преувеличение, приезжайте, посчитайте, убедитесь...

В поле дети видят, как зря пропадает зачастую людской труд. Тонны зеленых помидоров не успевают убрать до снега, после заморозков на них пасут скот. Я спрашивала, нельзя ли вслед за красными плодами убирать зеленые и в ящиках отправлять на Север: пока довезут — покраснеют. Отвечают: нет тары. Но ведь это продолжается не одно десятилетие!

В прошлом году мы с комсомольцами моего класса решили отработать три дня в Фонд мира. Договорились с бригадиром, собрали тысячу ящиков помидоров. Честно заработали 140 рублей, плюс мой заработок в школе. Решили: переведем деньги сами, очень хотелось иметь карточку Фонда мира. В течение недели я вымогала эти сто сорок рублей, по два-три раза в день наведывалась в контору за подписями, согласованиями. Только вмешательство секретаря райкома комсомола помогло нам получить деньги, работники совхоза порывались сами перечислить их в Фонд мира.

Летом дети городские и сельские, работая в совхозе, находятся не в равных условиях. Городские живут в лагере, их труд (рабочий день, соответственно возрасту,— 4 часа) охраняется законом, у них есть душ, трехразовое питание, культурный отдых. У сельских детей рабочий день взрослых, обед неси с собой, не всегда на поле есть даже вода, а жарища доходит до 45 градусов, клуб не функционирует. Может, поэтому мало остается наших выпускников в хозяйстве, да и после армии, возвращаясь в село, они устраиваются куда угодно, только не в совхоз.

Все, о чем я написала, характерно для многих школ и совхозов Киргизии в большей или меньшей степени. Не подумайте, что я против помощи в уборке урожая. Я против неправильно понимаемого трудового воспитания.

Д. Я. КОСЯНЕНКО, педагог
Киргизская ССР, Чуйский р-н, с. Кара-Дюбе.

Олег ШМЕЛЕВ

РАСПАД

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

1

Патрульная машина милиции тихо ехала по асфальту позади длинного дома, нижний этаж которого занимал продуктовый магазин, а в нем имелся винный отдел. Шел уже двенадцатый час ночи, все давно закрылось, но в патруле был старшина Акимов, а он жил неподалеку и знал, что здесь, в окрестностях магазина, под жасминовыми и барбарисовыми кустами в хорошую погоду частенько заночевывают местные пьяницы. Жалкие личности, их и мужиками-то уже никто не считал. Старшина не собирался кого-то ловить, просто беспокоился— не случилось бы чего. После постановления о борьбе с пьянством прошло почти два месяца, лежачих пьяных убавилось, можно сказать, резко, но все ж еще попадались, и старшина не удивился, когда фары высветили под густым кустом фигуру лежавшего навзничь человека. Он немного удивился, когда подошел и посветил карманным фонариком: под кустом лежал парень в форме воздушно-десантных войск. В вырезе куртки под горлом — полосатый клин тельника, берет на голове. Погоны с двумя лычками. Мощная грудь у младшего сержанта, сразу видно — большой силы парень, а лежит пластом, как придавленный, и, кажется, не дышит...

Старшина Акимов сам тоже отслужил когда-то в армии, правда, не в ВДВ, а в транспортных, и он мог понять тех, кто приезжает домой в отпуск или насовсем. Он прислушался к дыханию лежащего — оно было непонятно прерывисто, словно система вдох-выдох собиралась выйти из строя. Старшина опустился на колени и, задержав собственное дыхание, приник к лицу солдата. Но, странное дело, не обнаружил того, чего ждал: человек был трезвый.

Старшина погасил фонарик и потрепал лежащего по плечу — совсем легонько, одними пальцами. Он никак не предполагал, что такие его невинные действия могут вызвать такую реакцию. Младшего сержанта словно ударило током — тело выгнулось дугой на затылке и пятках, его будто подкинуло, и он махом встал на ноги. Честно говоря, старшина Акимов немного растерялся, но дальше было еще непонятнее. Вытянув руки ладонями вперед, словно защищаясь, младший сержант испуганно крикнул:

— Не надо! Не надо!

Старшина понял, что парень не в себе, а отчего — неизвестно. И что с ним делать, сразу не сообразишь. Старшина включил фонарик, посветил себе под ноги и спросил:

— Что с тобой, сержант?

Только тут парень очнулся,— старшине казалось, что до этого он был в бреду.

— Так в чем дело-то, сержант? — спросил старшина.

Младший сержант посмотрел на его погоны, повернул голову, увидел стоявшую с включенными подфарниками машину и сказал тихим голосом:

— Ведите меня.

Эти подробности, протокольно закрепленные в отделении милиции, оказались очень важными для судебно-медицинской экспертизы и для суда, так же как и то, что в пробах крови задержанного Михаила Кузнецова не оказалось ни алкоголя, ни наркотических веществ. Но для суда гораздо важнее было установить причины, приведшие к самому страшному из людских преступлений.

2

В 1962 году Алексей Кузнецов окончил политехнический институт и поступил на завод инженером. Ему было тогда двадцать три года. В металлографической лаборатории работала Вера Павлова, девятнадцатилетняя тихая девушка. Они познакомились в заводской столовой и через полгода, весной, поженились. Свадьба была малолюдная и нешумная. Со стороны Веры — только ее мать да подруга, бывшая свидетельницей в загсе, Алексей пригласил тоже лишь своего свидетеля, однокашника по институту, а родители его, жившие в деревне за двести километров от города, приехать не смогли, потому что у них в колхозе уже шли полевые работы.

Жить стали у Веры. Конечно, тесновато троим в двенадцатиметровой комнате, но дело облегчалось тем, что теща Алексея, работавшая медсестрой в поликлинике, после их свадьбы решила пойти по совместительству ночной санитаркой в городскую больницу, так что молодые иногда не видели ее по целым неделям. После пятилетнего обитания в институтском общежитии Алексей, по его собственным признаниям жене и теще, чувствовал себя, как в санатории, хотя в санаториях он до тех пор никогда еще не бывал.

Зимой 1964-го у Кузнецовых родился сын. Вера предложила назвать его Михаилом, и Алексей охотно согласился. Имя дано было в честь отца Веры, который вернулся с фронта в 1942 году после тяжелого ранения инвалидом и умер в сорок пятом, не дожив и до полных тридцати.

С появлением сына забот, конечно, прибавилось, но Вера и Алексей смотрели в будущее бодро и уверенно. Денег им хватало на все: как-никак, а у них четыре зарплаты,— теща отдавала свои до копейки в общий бюджет. Алексею профком твердо обещал комнату в заводском доме при первой возможности. Он быстро и без особых усилий заслужил на заводе репутацию дельного инженера. Начал подумывать о вступлении в партию.

Хозяйство вела теща, и поначалу Алексей частенько говорил ей с искренним удивлением: «Не пойму, Мария Николаевна, как это вы все успеваете?» Она только благодарно улыбалась. Вопрос же о крупных покупках решался на семейных советах простым большинством голосов. Поэтому первыми такими покупками стали вещи для Алексея, хотя он голосовал против. Теща сказала: он инженер, неудобно ему ходить в чиненых ботинках и в перелицованном пальтишке. Ведая кассой, она и на обед выдавала зятю в два раза больше, чем дочери,— он мужчина, да плюс еще на курево нужно. В общем, повезло Алексею — попал в хорошие женские руки. Так именно и писал он своим родителям, чтобы порадовать их. То обстоятельство, что Марии Николаевне ради внука пришлось оставить место в больнице и лишить семейный бюджет одной из своих зарплат, на зяте никак не отразилось. Он по-прежнему получал каждое утро неизменные два рубля. А Вере стало хватать и семидесяти копеек.

Зимой 1967-го Алексей и Вера получили в заводском доме освободившуюся комнату. По сравнению с родной клетушкой она показалась им целым дворцом, хоть танцуй. Двадцать метров, светлая, с балконом. Кухня просторная, в коридоре встроенные шкафы, ванная кафелем отделана. И сосед всего один — слесарь-лекальщик из инструментального цеха, неженатый и, как было всем известно, непьющий. А главное, совсем недалеко от старого дома, где оставалась Мария Николаевна,— каких-нибудь пять автобусных остановок, ездить ей нетрудно.

Мишу приняли в заводской детский сад, и теща опять стала ходить на две работы. А вскоре Алексею предложили должность начальника ремонтно-механического цеха. Денег в семье прибавилось, и это было очень кстати: новоселье требовало больших расходов — на мебель, телевизор и прочее.

К тому времени Алексей был уже членом партии, у него появились общественные нагрузки, и он иногда задерживался на заводе дольше обычного. А начальник цеха и вообще работает не от звонка до звонка, ему сверхурочно прихватывать по штату положено. Но вот странно: у них по вечерам теперь было гораздо больше свободного времени, можно и в кино, и даже в театр. Тем более что и копейки считать так строго уже не нужно. Когда Вера поделилась с матерью этим своим размышлением, Мария Николаевна с усмешкой ее вразумила: а все потому, что Алексей вином не балуется. И правда, за четыре года они ни разу не видели его нетрезвым. Выпивки у них в доме отроду не водилось, а на дни рождения и по большим праздникам Алексей приносил всегда почему-то одно и то же вино — ликер «Бенедиктин». И каждый раз смущенно извинялся, запутываясь в словах: мол, виноват, это вино стоит дороже многих прочих, но зато лучше выпить немного, но хорошего, чем много, но плохого. А выбрал он этот ликер потому, что именно «Бенедиктин» был тем первым вином, какое он попробовал впервые в жизни, и произошло это на дне рождения у его приятеля-студента, когда они заканчивали последний курс...

Мать с дочерью отпивали из рюмок, как учил глава семейства, маленькими глоточками и притворялись, что очень вкусно, но все же этой бутылки им троим хватало на два застолья.

Прошло, наверное, с год, а может, чуть больше, с тех пор как Алексей сделался начальником цеха, и Вера стала замечать по ночам, что от мужа попахивает спиртным, совсем не сильно и не так уж противно даже в сочетании с табаком, от привычного запаха которого она давно уже не угорала. Но ей и в голову не приходило показывать мужу, что она это замечает, а тем более выговаривать ему. Она его считала недосягаемо выше себя и стеснялась даже признаваться вслух в своей беззаветной любви. Особого беспокойства она не испытывала, однако по укоренившейся с детства привычке не таить от матери ни сладких, ни горьких мыслей Вера рассказала ей о своих наблюдениях. Мария Николаевна, вечная труженица, как человек работящий смотрела на все житейски просто, не любила никаких догадок и пустых пересудов, а верила лишь тому, что видят глаза и что можно проверить на ощупь. К зятю за его не по летам основательный характер она относилась с глубоким уважением. Поэтому, выслушав смутные рассуждения дочери, Мария Николаевна выложила на стол деньги — последнюю, еще не початую получку зятя. Принес, как всегда, ни рубля не утаил. Спрашивается, на какие шиши может человек напиваться, если все до копейки домой? А если принял от кого угощение — это его дело. Лишь бы не от чужой бабы...

Больше разговор о выпивках Алексея не возникал до того несчастного летнего вечера 1969 года, когда они ходили в театр на гастрольный спектакль московских артистов. Билеты распределял профком, Алексею выделили два, он занес их Вере в лабораторию, сказал, что может задержаться, поэтому она должна его ждать у театра в половине седьмого.

Она извелась, пока ждала: Алексей опоздал, явился без пяти семь, хотя и приехал на автомобиле,— его подвез незнакомый Вере мужчина на «Запорожце». Алексей был заметно навеселе, лицо красное, глаза блестят. И словечки какие-то не свои, и руки развязные. Похлопал при народе пониже спины: «Ничего, старуха, прорвемся». А прорываться им и нужды не было — только-только прозвенел третий звонок.

Задуматься Вера не успела — начался спектакль. Задумалась она в антракте. Алексей повел ее в буфет, нашел в самой голове длинной очереди мастера из своего цеха, дал ему новенькую пятидесятирублевку, и тот взял для него фужер шампанского, полстакана коньяку, пирожные и конфеты. Алексей знал, что она беременная, на третьем месяце, но все же предложил выпить шампанского. Вера отказалась. Он засмеялся: «Ну, жуй конфеты с пирожными». И сам выпил и коньяк, и шампанское. Ей было стыдно — ползавода пришло в театр, кругом знакомые. И главное— откуда эти деньги? Получку-то он принес целенькую...

Мать ждала их. Дежурство в больнице было у нее с полуночи, Мишу она давно уложила. Она, конечно, сразу все уловила: и повышенное настроение у зятя, и пониженное у дочери. Алексей и не старался скры-

- **ШАГ ЗА ШАГОМ — В ТРЯСИНУ**
- **ЧУЖАЯ СЕМЬЯ — «ПОТЕМКИ»?**
- **КТО ВИНОВАТ**

вать, что порядком пьян, наоборот, вроде хвастался. Вера все ждала, не похвалится ли и не известными теще деньгами, но он этого не сделал. Зато сделал так, что Вера впервые пережила горькую обиду.

На заводе в ту пору главным интересом в разговорах были садовые участки. Территорию под них получили большую, но на всех, понятно, не достанется, а хотели-то все. Алексей обо всех своих делах всегда с первой говорил с женой. И вот, словно она ему никто, словно в театре и по дороге до дома не нашлось минуты для такого серьезного дела, Алексей, не глядя на Веру, кажется, вообще забыв о ее существовании, с пьяной важностью сообщает теще: «Поздравляю вас, Мария Николаевна! С сегодняшнего дня вы владелица сада». Ясно, что до сада еще далеко, там еще и конь не валялся, но мать, расплывшись в улыбке, радуется и благодарит зятя, а на родную дочь ноль внимания.

Вера не спала всю ночь. Непонятное поведение мужа пугало ее, представлялось неопровержимым доказательством того, что он ее не любит. Она готова была и мать обвинить в черствости и несправедливости и, расчувствовавшись, всплакнула над своей несчастной судьбой. В отместку она решила, что больше ничем не будет делиться с матерью. Пусть там хоть какие деньги, пусть приходит пьяный каждый день — ничего она не скажет, не пожалуется.

Утром Алексей вопреки обычаю ушел на завод раньше, без нее, и Мишу в садик отвел один. Вера, проснувшись и не увидев ни мужа, ни сына, припомнила свои ночные терзания и свое суровое решение и ужаснулась собственной жестокости. А вечером рассказала матери и о деньгах, и о бессонной ночи. А Мария Николаевна опять успокоила ее, приведя тот довод, что получку Алексей приносит, от семьи не отнимает, а остальное — его забота, никого не касается.

Тем и кончилась единственная попытка Веры показать нрав. На том и кончилась нормальная жизнь семьи Кузнецовых.

3

Заводская садоводческая лихорадка, всеобщее волнение и хлопоты, ею порожденные, были неприятны Вере, видимо, из-за осадка, оставленного в душе обидой на мужа. Но если допустить, что это было выражением дурных предчувствий, то надо признать: они ее не обманули. Между развитием садоводства и ближайшими превращениями Алексея Кузнецова существовала прямая связь.

Его выбрали председателем правления садоводческого товарищества, и он сделался на заводе самым необходимым человеком. Однако председательским постом определялась его необходимость лишь отчасти, гораздо большее значение имела его должность. Садовым участкам нужны вода, электричество, газ. Где речь об этих трех стихиях, там трубы, патрубки, фланцы, насосы, моторы, да мало ли что еще. А ремонтно-механический цех способен сделать все. К тому же на выполнение заводского плана непосредственно он не влияет. Вальцовщика от стана или фрезеровщика от станка и на минуту не убережешь, а из ремонтно-механического возьми и пять, и десять человек хоть на всю смену — катастрофы не произойдет. А сады — дело доброе, благородное. У кого язык повернется осуждать взаимную выручку и помощь? И недаром Кузнецову даже телефон на дому поставили.

К концу сентября, когда подошел срок посадке саженцев, территория товарищества являла собою прекрасно обустроенный поселок. И участок Кузнецовых ничем не отличался от других: щитовой домик с верандой, летняя кухня чуть поодаль, забор из металлических прутьев, окрашенных в зеленое.

По воскресеньям Мария Николаевна и Вера с Мишей, захватив что-нибудь поесть и термос с чаем, садились утром в междугородный автобус. Алексей отправлялся раньше — за ним заезжал на машине кто-нибудь из садоводов. Он объяснял эти ранние отъезды тем, что его там ждут, на части рвут.

Мать не разрешала Вере ввиду ее положения брать лопату в руки. Когда они приходили на участок, Вера устраивалась где-нибудь в сторонке с вязаньем, а мать начинала копаться в земле. Миша убегал с мальчишками.

Наконец, приходил Алексей, шутливо инструктировал тещу, трепал жену по щеке и, извинившись, исчезал по делам. И, даже не взглянув ему в лицо, Вера знала, что он с утра хмельной. И не было у нее радости ни от этого участка, ни от предстоящего появления ребенка. И мать уже перестала ее утешать и вразумлять, хотя по-прежнему зятю поперек слова сказать не могла.

Вера была готова стерпеться с тем, что муж стал каждый вечер являться пьяным, что не бывает у него больше в карманах игрушек для сына, что не заводит он перед сном разговоров о прошедшем дне. Видно, натура у нее была такая, что любую ссадину и царапину старается побыстрее зализать сама, лишь бы не саднила. Но два события, как две занозы, вонзились в самое сердце — не выдернешь, не залижешь.

В свой выходной на ночном дежурстве, с пятницы на субботу, мать забрала Мишу к себе. Вечером, часов в восемь, Вера готовила на кухне ужин Алексею, резала овощи для салата. Сосед тоже что-то стряпал и при этом рассказывал о своих не слишком-то удачных пляжных похождениях,— накануне он вернулся из отпуска, который провел на юге, у моря, был загорелый и помолодевший. Получалось у него очень занятно, и Вера от души смеялась, чего с нею давно уже не бывало. И вдруг сосед словно осекся. Вера обернулась — на пороге кухни стоял Алексей с кривой ухмылкой на губах, как всегда, нетрезвый. Не обронив слова, не поздоровавшись с соседом, повернулся, пошел в комнату, хлопнул дверью.

Совестно вспоминать тот вечер. Одно утешение — он ее все-таки не ударил. А злобы такой она у него никогда прежде не видела. Накричавшись вволю, Алексей сказал спокойно: «Ну что ж, одобряю! Лекальщики — они народ богатый. Знаешь, сколько зарабатывают? И сила есть — отдохнул!» Это было хуже крика, хуже, чем тряпкой по лицу. Она плохо соображала, на что он намекает, у нее и в мыслях не было, что надо в чем-то оправдываться, но, сообразив, она взмолилась: «Леша, подумай! Я ж на седьмом месяце!» А он только покачал головой: «Ну да, конечно! А если б не на седьмом, а?» Вера хотела уйти ночевать к матери, но он не пустил.

Она думала, что утром, когда Алексей проспится, все пройдет, но он и утром был злой и ушел, не позавтракав. А вечером, вернувшись с работы пьянее, чем вчера, опять устроил скандал. И так каждый день целую неделю, до следующей субботы, когда случилось еще одно событие.

То, что происходило с мужем — эти его сцены с гнусными, грязными обвинениями,— Вера не могла называть алкогольным бредом ревности. В ее словаре и понятий таких не было. Как и мать, она считала, что это просто дурь, что вот станет пить поменьше и пореже — все образуется. А если бы им кто-нибудь сказал, что пора обращаться к докторам, к психиатрам, они бы, пожалуй, сильно обиделись. Мать и дочь пуще всего страдали от стыда. Это был жгучий, до слез, стыд перед соседями. Ведь стены, полы, потолки — для ушей не преграда. Вера знала, что ничего от соседей не утаишь,— по глазам видела, спиной чуяла. Спасибо, хоть с жалостями не приставали...

В субботу под вечер, еще не смеркалось, Вера собралась купать Мишку. Сыну шестой год — пора бы в баню с отцом ходить, да у отца вроде нет на то охоты, намаешься уговариваючи... Она уж налила в ванну воды, как в дверь позвонили. Оказалось, соседка с третьего этажа, Нюра, заводская. Вид испуганный, говорит шепотом, а Веру словно оглушило. «Твой на улице спит, возле булочной... Хотела поднять, а тут коляска...» Как была, в домашних тапочках на босу ногу, Вера выскочила на улицу, побежала к булочной. Но никакой коляски, ни Алексея там не было. Опустив глаза в землю, не зная, что делать, кого спросить, стояла она в растерянности, пока не услышала развеселый мужской голос: «Да ты не горюй! Дальше вытрезвителя не увезут!»

Было не до купания. Пришла мать. Обмирая от стыда и стеснительности, позвонила в вытрезвитель. Да, подтвердили, у нас. Мать на дежурство не пошла. Утром ждали Алексея, как прибитые, с виноватыми лицами. А он вошел, посмотрел на них и сказал: «Ну что, довольна?» И Вера скорее кожей почувствовала, а не умом сообразила, что он все про то же, про соседа. Выходит, не сошло с него. Теща пробовала урезонить: «Не греши зря, Алеша». Он и закусил удила, заорал на всю квартиру, так что сын проснулся: «Думаешь, пришлют телегу, с работы — в шею, из города — долой? Ничего, прорвемся!» Сын плакал, теща его успокаивала, Вера сидела, как окаменелая. В мозгу крутилось: «Прорвемся, прорвемся». И вспомнился театр, и она поняла, что тогда это слово не имело никакого отношения к зрительному залу. Это у Алексея вроде лозунга...

Она потеряла сознание, а очнулась в родильном доме, в палате, где лежали «на сохранении». Но роды оказались все же преждевременными. Не доносила она месяца полтора, однако девочка быстро выправилась.

Алексей в передачах с фруктами присылал записки, рассказывал новости, а о «том» не поминал и прощения не просил, будто ничего вовсе не было. Так оно, наверно, и лучше. Мать писала, что муж в «акурате».

Из роддома Алексей увез ее с дочкой на черной «Волге». Похвастался: директорская. Может, для того, чтобы сразу поняла: вытрезвитель без последствий и кругом полный порядок. Но она все-таки захотела узнать подробности. Он сказал, что «телега» из милиции на завод пришла, но читали ее в тесном кругу, сделали ему отеческое внушение, а ответ в милицию и сочинять не надо, в профкоме трафаретка есть...

Но все это пустяки по сравнению с вечностью. Пока она рожала и поправлялась, произошли важные перемены: соседу дали жилплощадь в другом доме, теперь вся квартира принадлежит им. Сделан ремонт, куплена новая мебель.

Месяца три Алексей был совершенно трезвый, и Вере временами казалось, будто они вновь переживают начало своей семейной жизни. Потом однажды привел в гости — посмотреть дочку — двоих заводских приятелей, пришли с бутылкой, выпили, а на следующий день он вернулся с работы пьяный. И пошло-поехало.

4

Нет смысла изо дня в день описывать жизнь Кузнецовых в последующее десятилетие—она зависела лишь от количества водки, выпитой главой семейства. Редкие полосы просветления становились все уже, и в конце концов наступила полная беспросветность, начался распад личности, распад семьи. И только тогда схватились за голову на заводе, возмутились сердобольные соседи. А громким звонком, который нельзя было не услышать, послужил безобразный случай в ремонтно-механическом цехе.

Давно уже поговаривали, что в конторе у Алексея Кузнецова распивают с утра до вечера. Да они и не таились. Уборщица, дважды в неделю приходившая наводить чистоту, вывозила из его конторы посуду в железном ящике емкостью не меньше кубического метра, и он иногда бывал загружен чуть ли не до краев.

И вот в день аванса произошло несчастье. Начальник цеха по обычаю выпивал в конце смены с мастерами и рабочими из старших у себя за стеклянными стенами, а несколько слесарей из молодых тоже по обычаю обмывали первую получку новенького — Петра Косырева, пришедшего из ПТУ. Эта компания гуляла, понятно, отдельно от старшей, в другом конце цеха, но у них выпивки не хватило, и как-то так все сошлось, что Петра и еще одного парня пригласили к начальству — надо полагать, для отеческого напутствия при вступлении в ряды рабочего класса.

По дороге домой Петр Косырев был сбит автобусом и с переломом руки и ноги оказался в больнице. Отец Петра, работавший машинистом электровоза, член партии, по головке его, вероятно, не погладил, но, узнав от сына подробности, еще более был возмущен заводскими порядками. Он пошел прямо к первому секретарю горкома партии. На заводе работала специальная комиссия, было общезаводское собрание, директору объявили строгий выговор по партийной линии, секретаря парткома освободили, Алексея Кузнецова исключили из КПСС, сняли с должности начальника цеха и перевели, приняв во внимание малолетних детей, инженером в отдел главного механика. Собрание ходатайствовало об отправке Кузнецова на принудительное лечение. Он пробовал сопротивляться, но врач в диспансере сумел ему растолковать, что речь идет не просто о привычном пьянстве и распущенности, что он уже настоящий алкоголик — если и не вполне законченный, то находящийся в опасной стадии, когда любое промедление чревато необратимыми последствиями.

Из профилактория Алексей вернулся физически как будто здоровым, окрепшим, но жена и теща и даже сын, ходивший в ту пору в пятый класс, скоро заметили перемену: он постоянно был раздражен, хотя и старался сдерживаться. Когда же раздражение прорывалось, становился груб и резок, каким раньше бывал лишь в пьяном виде. Позже Вера узнала, сохранив это в тайне от матери, что у Алексея вшита какая-то «торпеда», из-за которой он не может выпить даже кружку пива без риска умереть. От этого и злой.

Скоро, однако, он повеселел. Кто-

то из старых собутыльников научил Алексея, как размагнитить — или растормозить — эту самую торпеду, и в один прекрасный день милиция подобрала его на улице, отвезла в вытрезвитель. Теперь уже снисхождения на заводе ему не сделали, он остался без работы.

Мария Николаевна, собравшись с духом, предприняла тогда, в первый и единственный раз, решительные действия — написала отцу Алексея, просила приехать, образумить сынка. Павел Федорович, застенчивый пожилой человек с ярко-голубыми глазами, привез гостинцы: внукам — сушеных яблок, снохе — копченого гуся, сыну — жбан самогона. По всему было видно — Алексею он не учитель. Переночевал Павел Федорович, допил с Алексеем деревенский первач, проводили родителя, а вернувшись с вокзала, Алексей накричал на жену и выгнал тещу из дома...

Две картины от тех долгих черных лет остались навсегда в памяти Михаила Кузнецова.

...Он прибежал с улицы, звонит в дверь квартиры. За дверью слышны голоса, но никто ему не открывает. Он снова и снова давит кнопку, а потом, чувствуя непонятную тревогу, стучит по двери каблуком. Наконец, она распахивается. Отец, небритый, со злыми глазами, отшвыривает Мишу прочь с дороги и бегом спускается по лестнице. Поднявшись, Миша бросается внутрь, бежит на кухню. На полу, уткнувшись в линолеум лицом, навзрыд плачет мать. Миша припадает к ней, что-то говорит, она поднимает лицо. Из распухших губ сочится кровь.

После Миша не раз видел, как отец бил его беззащитную маму, отбирая последние деньги, но никогда ему не было так страшно и тоскливо, как в тот день.

...А вот другая картина.

Миша купил в булочной хлеба, возвращается домой. На углу, возле табачного киоска, видит ребят из своей школы — старшеклассников, из девятого «А». Их четверо, а с ними какой-то дядька. Со спины Миша его не узнал, а когда тот оглянулся, ухмыляясь как-то жалко, оказалось, что это его отец. Подбросив на ладони монету, он поклонился ребятам и зашагал по улице.

На следующий день вся школа узнала, что отец Миши побирается на опохмелку, стреляет двугривенные...

Было бы преувеличением утверждать, что чаша терпения Веры и Марии Николаевны переполнилась. Видимо, их терпение вообще не имело пределов. В применении же к семикласснику Мише эта изношенная метафора звучит слишком взросло и высокопарно. Но именно детское сердце Миши наконец не выдержало, дрогнуло. (Вспоминая об этом спустя много лет, во время армейской службы, он сочтет свой поступок дезертирством.) Он пришел к бабушке и сказал, что больше домой не вернется, будет жить у нее. Бабушка не возражала. Тогда он прибавил, что и в школу свою ходить не может. Пришлось бабушке хлопотать в районо, чтобы Мишу перевели в школу поближе к ее дому. Через год Вера привела к бабушке и Настю, тоже насовсем, а сама осталась дома — не могла бросить мужа одного. Миша и Настя все же виделись с матерью каждый день — после работы она забегала на час-другой.

5

Можно не сомневаться, что мало кто из молодых людей его призыва уходил на службу в армию с такой охотой, как Михаил Кузнецов. Ему было нисколько не жаль оставить в парикмахерской свою густую белокурую шевелюру. Вместе с волосами он сбрасывал с себя многолетний гнет позора. Говоря по совести, даже сознание того, что матери, сестренке и бабушке с его отъездом не станет легче, скорее наоборот,— даже эта горькая мысль не могла отравлять его настроения, когда он, простившись со всеми, явился в военкомат для отправки. И разве нельзя простить ему этот бессознательный юношеский эгоизм?

Важной причиной для радости и гордости было и то, что Михаила зачислили не куда-нибудь, а в воздушно-десантные войска. Но все же командир роты, старший лейтенант, уже через неделю разгадал, что голубоглазый правофланговый из первого взвода отличается замкнутостью и каким-то необъяснимо меланхолическим выражением лица. Это никак не вязалось с поистине самозабвенным отношением парня ко всему, что касалось службы. Спустя год старший лейтенант однажды в разговоре у костра расскажет ефрейтору Кузнецову о своих недоумениях и о том, как в конце концов решил, что просто грустит парень из-за разлуки с родными, отцом-матерью. И Михаилу Кузнецову при том разговоре будет очень трудно сдержать себя и не поведать командиру всей правды об отце и о своей доармейской жизни.

К тому времени у него, правда, стало немного лучше на душе. Мать и бабушка писали, что дома все наладилось, отец, кажется, остепенился. Снова поступил на работу,— куда именно, они не уточняли, но это не суть важно. Главное — не пьет. Но как-то раз пришло письмо от Насти, она училась уже в шестом классе, писала почти как большая, однако проговорилась, что живет по-прежнему у бабушки. Это было непонятно: почему не с матерью и отцом, коли дома все в порядке? Михаил себя успокоил: наверно, из-за школы. Нельзя же переводиться туда-сюда...

Из штаба полка дважды посылались благодарности родителям Кузнецова за воспитание сына. К концу службы он сделался настоящим мастером парашютного спорта, умел водить автомобили и бронетранспортеры, стрелял не хуже снайпера. И ощущал себя во всех отношениях полноценной личностью, человеком, готовым к самостоятельной жизни, куда бы его ни кинула судьба. От гнета, под каким доживал он свои последние дни перед призывом, не осталось и следа.

...Он поставил чемодан (где, между прочим, лежали подарки, в том числе новенький тельник для отца), оправил форму и позвонил в дверь. И, как тогда, много лет назад, вслед за звонком услышал голоса, и ему почудилось, что он вдруг обратился в худенького семиклассника. И, как и тогда, непонятная тревога охватила его. Дав телу размах, он ударил в дверь плечом, ударил всей своей девяностокилограммовой массой...

В кухне на полу навзничь лежала мать, закрыв лицо руками. Над нею стоял отец с ножом в руке. Дальше Михаил не помнит ничего...

О том, что было дальше, Михаилу станет известно лишь из показаний матери, данных во время следствия.

Он ударил отца кулаком в лицо, вложив в удар всю свою силу. Отец отлетел к окну, под которым была батарея, и остался лежать неподвижно. Поглядев на него, Михаил вскрикнул словно от нестерпимой боли и бросился вон из квартиры...

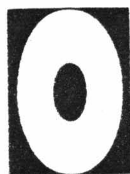
При рассмотрении дела суд установил, что Михаил находился в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Сообразуясь с конкретными обстоятельствами, суд избрал для М. Кузнецова наказание, не связанное с лишением свободы, а он готов был и к смертной казни.

Но каково же жить теперь человеку с этой ношей в сердце, которую не может снять никто, никогда, до самого скончания дней...

КИНОЗАЛ

НОВЫЙ! ЦВЕТНОЙ! ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ! И ЗАВЕТНЫЙ «МАССОВЫЙ ЗРИТЕЛЬ» ОХОТНО РАСКОШЕЛИВАЕТСЯ И УСАЖИВАЕТСЯ НА МЕСТО В ПРЕДВКУШЕНИИ ЗРЕЛИЩА... А ПОТОМ ОН ВЫЙДЕТ ИЗ КИНОЗАЛА, ВДОХНЕТ С УДОВОЛЬСТВИЕМ СВЕЖИЙ ВОЗДУХ, ПРИДЕТ ДОМОЙ И СКАЖЕТ: «ЧУШЬ, НО ПОСМОТРЕТЬ МОЖНО».

Татьяна МОСКВИНА, Сергей ШОЛОХОВ



дно время «чушь» была у нас преимущественно импортного происхождения. По этому поводу шли оживленные дебаты: ввозить или не ввозить? Ответ пришел «явочным порядком» — стали производить свою.

Киноафиша любого месяца любого города переполнена завлекающими, магическими словами: «Катастрофа. Убийство. Тайна». Или: «Золотой. Секретный. Невероятный». Этими словами не бросаются. На эти слова можно ставить. Кассу они соберут.

Но даже и не прибегая к такому сильнодействующему средству, как завлекательное название, лишь подчеркнув, что в картине будет острый сюжет и хотя бы один популярный актер, можно заранее подсчитывать выручку.

На ярких афишах киностудия «Казахфильм» приглашает зрителей приобщиться к тайнам некоей мадам Вонг, а киностудия «Мосфильм» — посочувствовать в убийстве содержанки владельца страховой фирмы. «Ленфильм» интригует: «Чужие здесь не ходят». На загадочно-приключенческий «Поезд вне расписания» зовет Одесская киностудия...

Все студии страны, словно кокетливые красавицы, заманивают публику, и чувствуется, что на производство «своих фантомасов» многие кинематографисты нацелены всерьез.

Отечественный зритель находится сегодня в интересной ситуации. На его бедную голову обрушены два потока: с одной стороны, продукция (а чаще отходы) киноиндустрии развлечений Запада, с другой стороны, отечественная «развлекаловка».

Идеологические стереотипы, определяющие наш развлекательный фильм, как будто противоположны стереотипам массовой культуры Запада. Все вроде другое, все неплохо — снаружи, как и внутри! У нас никто не смакует насилие, секс или ужасы. Голая агрессия или там порнография и не ночевала на наших экранах. Развлекаемся мы вполне мирно. «Массовая культура» входит в нашу жизнь без скандалов и происшествий. Так тихо, что вроде бы и незачем бить тревогу. Однако все не так просто.

«Соучастие в убийстве» или «Тайны мадам Вонг» вроде безобидны. Хотя бы потому, что, не являясь искусством, они и не претендуют им казаться. Они спокойно возникли под предлогом того, что потребности зрителей в эмоциональной разрядке необходимо удовлетворять. Механизм прост: взаимоотношения зрителя и авторов фильма такие же, как посетителей ресторана и его работников. Однако в сфере духовного обслуживания все устроено хитрее, чем в каком-нибудь баре. Удовлетворяя «гастрономические» интересы, развлекательный кинематограф тоже берет «на чай», только не деньгами. Играя на потребности невзыскательного зрителя увидеть на экране некий мираж из экзотических пляжей, элегантных автомобилей, кокоток в ваннах, где много-много шампуня; слитков золота, таящихся в пещерах; червонных валетов, точно сошедших с игральных колод; белоснежных яхт, плавающих в синем море, брутальных мужчин, любовь которых «крепка, как черный кофе» (сравнение это предложено в фильме «Соучастие в убийстве», и ответственности за него авторы не несут), и т. д. и т. п., киноформы «масскульта» ставят его, зрителя, в положение бедного родственника, которому за минимальную плату разрешается присутствовать на пиршестве богачей. А чтобы он не очень смущался, его заставляют поверить в то, что «шикарные люди» либо подонки, либо несчастны в личной жизни, а он благополучный и замечательный. Ему кажется, что его принимали всерьез, считались с его «потребностями», развлекая, учили уважать себя. На самом же деле в нем, в этом абстрактном зрителе, поощряли лишь чувство самодовольства. Правда, он говорит потом «чушь», этот загадочный зритель, которому неизвестно что надо. Но ведь смотрит, смотрит, смотрит, умножая заветное количество проданных билетов. А оно «картбланш» для новой ниагары остросюжетной развлекаловки. И вот уже наш, доморощенный «масскульт» успешно состязается с западной продукцией за зрительский приговор: «Чушь, но посмотреть можно».

«Соучастие в убийстве» — действительно фильм нескучный. Во-первых, это детектив (здесь комментарии излишни). Во-вторых, действие разворачивается за границей (экзотическая фактура). В-третьих, в нем заняты Р. Быков и О. Басилашвили, что дает фильму известную весовую категорию. И тем не менее это «чушь». Почему? И почему это плохо?

...Молодой инспектор Брамелл (Э. Хермакюла) живет в обществе, где сильные могут все, слабые — ничего, а ловкие — кое-что. Во всяком случае, пользуясь слабыми местами сильных, они могут урвать себе место под солнцем, а оно, как известно, светит всем. Сперва инспектор пытается быть ловким и честным одновременно. Он выводит на чистую воду крупную капиталистическую акулу (О. Басилашвили). Однако довести дело до конца не может. Все против него. Даже уважаемый инспектор Филдс (Р. Быков), символ полицейской честности, отказывается ему помогать. После короткого бунта герой сдается, получает взятку, на эти деньги покупает своей любовнице доходный отель в горах, а невинного человека в результате приговаривают к смертной казни. Такова фабула, из которой вытекает мораль: порочно общество, превращающее в негодяев даже таких честных парней, как инспектор Брамелл.

Но фильм не равен своей морали. Литературно, как у нас полагается, он осуждает зло. Но кино — это не литература. На экране все смещено, причем смещено-то в сторону обывательского вкуса. Потому что все герои фильма авторам фильма милее, чем мораль. Она есть — для прикрыти, Воришку приговаривают к смерти, и его якобы жаль. Галочка поставлена. Совесть чиста (?). А на деле мы не можем не порадоваться за обаятельного инспектора, который так славно обделал свои дела, за Быкова, который займет теперь более высокий пост, и даже за «акулу» — Басилашвили, который хотя и убил свою любовницу, но ведь такой милый, такой знакомый (кто не знает Басила-

В остросюжетном тупике

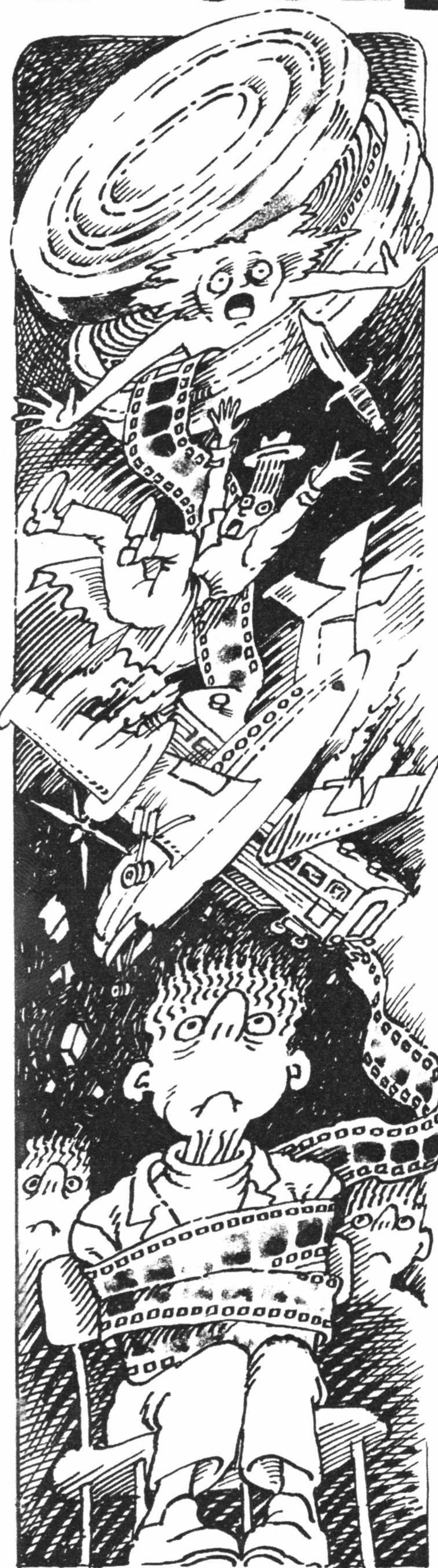


Рисунок Сергея ТЮНИНА

швили!), у него такие хорошие дети, а воришка — черт с ним...

Может быть, это пародия на западный боевик? Ничего подобного. Остроумия фильм лишен начисто. Скепсис ему совершенно чужд. Разве только Быков играет шутя. Но согласитесь, было бы странно ожидать от нашего Быкова, чтобы он всерьез сочувствовал в убийстве!

«Соучастие в убийстве» — это попытка его создателей сесть на три стула. И нервы пощекотать, и кусочек «сладкой» жизни показать, и моральное чувство удовлетворить. Но в результате вместо морали — ханжество. Его-то и воспитывает «масскульт». Вот те «чаевые», которые он берет в свой банк. А в этом банке они дают роскошные проценты. И невольно думаешь, что фильмы, в которых и морали-то никакой нет, все же честнее.

Возьмем, например, забавную французскую комедию «Откройте, полиция!». Та же самая среда, что и в «Соучастии в убийстве». Да и нравы вроде бы те же. Правда, роскоши решительно никакой нет — не входит она в задачи французского фильма. Своего мелкого жулика Рене Буарона (Ф. Нуаре) авторы фильма и не пытаются выдать за образец. Они, насмехаясь над несуществующей структурой общества (обыватель спокойно спит, а полиция бдит), предлагают взамен реальную, комически преувеличенную, где все жулики, взаимно друг друга обманывая, поддерживают общественную стабильность.

Есть в этом фильме и иной мир — мир крупных гангстеров, настоящих акул капитализма. Там и увечья серьезнее: если упадешь, можешь уже не встать. На то и другой масштаб. Может ли мелкий жулик (мелкая рыбешка) стать крупным хищником (акулой)? Может, если рискнет, а судьба даст шанс. Так рискнул и выиграл свой миллион инспектор Буарон.

Ясно, что морали тут никакой нет, во всяком случае, здесь «не наша» мораль. Вероятно, потому в нашем прокате счастливый финал взяли и отрезали. И в результате получилась мораль, но какая! Получилось, что если ты мелкий жулик, то знай свое место, воруй помаленьку, а иначе худо будет. Чем не мораль для обывателя?

Потом на страницах одной из центральных газет строгий голос, возмущенный состоянием нравов французской полиции, обращал наше внимание на то, что Нуаре сыграл своего героя блестяще и оттого сделал его еще опаснее для нашего неискушенного зрителя. Голос настаивал, что такие люди суть жулики безнравственные и что их ни в коем случае нельзя выдавать за героев, потому что они никак не могут служить примером.

Интересно, а замечают ли наши строгие моралисты ту ежедневную сделку с моралью, соучаствовать в которой предлагает зрителю наш кинематограф? Видят ли, как его приучают под прикрытием морали подбирать крохи с барского стола и тихонечко радоваться тому, что ужасные передряги шикарных героев позволяют упрочить свой душевный комфорт?

А поток «лихо сбацанного» и «круто заверченного» кино все нарастает.

Вместо того чтобы идти своим путем, наш кинематограф пытается подражать изобретенным не у нас моделям массового гипноза. Однако загипнотизировать никого толком не удается — чужие модели у нас не работают. В поисках соответствующей фактуры кинематографисты стремятся развернуть действие на родине «масскульта». Но заграничные командировки достаются не всем желающим. Приходится искать свою фактуру. И когда действие переносится к нам, появляются новые проблемы. К историям из нашей жизни зритель относится куда более серьезно. Сразу возникает критерий: «это может быть» — «этого не может быть». Игра в симпатии и антипатии публики начинает отдавать тяжелой фальшью.

Может быть, интерес к человеческой личности и острый сюжет противопоказаны друг другу? Ведь нет! Вспомним телефильм С. Арановича «Противостояние». Казалось бы, имея в сценаристах Юлиана Семенова, можно было бы и вовсе ничем не утруждать себя. Но режиссер не пропустил ни одного человеческого лица без того, чтобы не вглядеться в него,— а их, этих лиц, в пятисерийном фильме было куда как достаточно. И все они полноценные образы. Социальный анализ, ведущийся в фильме, ничуть не противоречит эффектным остросюжетным вымыслам Семенова. Да, собственно говоря, не для того ли нужен «острый сюжет», чтобы в нем максимально неожиданно, интересно открылись человеческие характеры и судьбы?! Во всяком случае, так в классике детектива. Так в лучших образцах приключенческой литературы. Когда же «острый сюжет» становится в фильме молохом, которому приносятся человеческие жертвы, результатом сей праздной игры становится в лучшем случае времяубийство.

Когда мы видим «эвересты», воздвигнутые «массовой культурой» Запада, мы грамотно объясняем это заинтересованностью сильных мира того в одурманивании населения, которое, будучи одурманенным, уже не ждет от культуры ничего, кроме того, чем его кормят. «Массовая культура» Запада является, таким образом, идеологической необходимостью. А у нас? Связано ли тихое пришествие «масскульта» на нашу землю с какими-то идеологическими соображениями, просчетами, пустотами?

Недавно на наши экраны вышел очередной американский приключенческий фильм под названием «Секретный эксперимент». Настолько средний и типичный, что его «идеологические бантики» носят прямо-таки образцовый характер.

Герой фильма, конечно же, красавец. Ему, конечно же, все удается. Его реакция на все абсолютно рефлекторная: малейшее насилие вызывает ответное насилие, причем превосходящее первое. Индивидуальная воля героя, по сути, совпадает с волей коллектива (все хотят навести порядок, разрушенный в ходе эксперимента), но западная модель остросюжетного фильма использует только тех героев, которые действуют в одиночку. Герой и действует в одиночку, хотя в этом случае его борьба закончена бессмысленна. Для создателей фильма это неважно. Важно к а к, а не ч т о, то есть погоня, а не ее цель, и важна полная победа героя — отнюдь не над творцами зловещих экспериментов. Победа, как всегда, в борьбе за собственное благополучие. Смотрите, как бы говорят нам авторы фильма, в какую передрягу попал этот славный парень, как он ловко прошел сквозь огонь и воду (в буквальном смысле) и к тому же обзавелся подругой, вот, смотрите, она ждет его и целует!

Конечно, подобные схемы не для нас. И вот изобретаются собственные. Полюбуемся на одну из них в картине «Поезд вне расписания» (Одесская киностудия — она сегодня оспаривает права у студии имени Горького в деле производства «наших» боевиков).

...Вышел из строя «прибор бдительности». Машинист состава болен, но обманул медкомиссию. В результате со станции ушел неуправляемый поезд с пятью «зайцами» на борту. Страшная опасность нависла над железной дорогой. Ясно, что один из «зайцев» будет героем...

То, что героизм возникает из-за халатности, невыполнения служебных обязанностей,— на этом внимание не акцентируется, как, например, было в фильме «Остановился поезд» В. Абдрашитова. Там прозвучало резкое: в мирное время «героизм» подчас возникает из-за элементарной профессиональной безнравственности. «Поезд вне расписания», сообщив нам исходные условия фильма-катастрофы, далее показывает, как в решительную минуту и герой, и коллектив оказываются на высоте. Именно так: вместе. Герой не одинок, судьба поезда под контролем, все средства спасения работают на диво безупречно и оперативно. Действия героя и коллектива протекают по двум сходящимся линиям и к финалу пересекаются в одной точке: герой тушит пожар в локомотиве, а в это время с неба (в буквальном смысле) спускаются пожарники — ни минутой раньше, ни минутой позже. Герой и коллектив встречаются и сливаются в едином усилии.

Герой «Поезда вне расписания» — отнюдь не смазливый красавчик из «Секретного эксперимента». В. Шевельков в этой роли тих, скромен, доволен судьбой. О карьере не думает, выдающимися физкультурными способностями не обладает, не пьет, не танцует, остроумием не блещет. Для того, чтобы оттенить все эти качества Леши, в фильме рядом с ним выведена его противоположность — «супермен» Влад (И. Шавлак). Вот он и поет, и спортом занимается, и собою хорош, и девушки его любят, и острослов он незаурядный. Короче говоря, сомнительный тип. Он-то и спасует в конечном счете. А Леша идет до конца. Если бы не активность режиссера, контраст был бы еще более разительным, вплоть до цвета волос героев. Но режиссеру все ж кое-что из своей тоски по неоднозначности, по живым героям удалось реализовать. Сквозь жесткую сюжетную схему пробиваются контуры какого-то другого фильма, более интересного.

Надо сказать, что награда герою одинакова как в американском, так и в нашем фильме. Очевидно, она принадлежит к разряду общечеловеческих ценностей,— речь идет о нежном взгляде любимой девушки.

Фильм словно задыхается в сюжетной схеме. Актеры играют с душой, удачно создавая атмосферу молодежной компании. Но общий итог фильма удручает. Так и видишь, как на обсуждении сценария кто-то с серьезным лицом говорил, как идеологически верен и хорош он: и герой на высоте, и коллектив на месте. Откуда эта нормативность? Кто сказал, что только скромник может потушить пожар, а если он остроумен и неплохо танцует, а к тому же поклонник рок-музыки (упаси боже!), то, значит, он спасует в кризисную минуту? А эффект таких подтасовок один: зритель, выходя из кинотеатра, говорит «чушь» по поводу вещей, преподнесенных как нормативные ценности.

С «моралью» все в порядке, а как быть с нравственностью? В конце концов есть вещи, в которых надо себе отдавать отчет. На чем-то надо стоять твердо.

Когда умелые актеры разыгрывают интеллектуально-психологические шарады Пристли или Кристи, когда режиссеры вспоминают любимые книжки детства — Дюма, Лондона, Рида, Александра Грина — и создают что-нибудь романтическо-приключенческое (и обязательно искреннее!), когда мы расследуем какую-нибудь криминальную историю вместе с Юлианом Семеновым — все это может быть вовсе не бесполезно. Речь идет о другом. О том, во что не вложено вообще ничего — ни таланта, ни души, ни жизни, ни ума.

А реклама вещает: «Ограбление, убийство, погоня, несколько подозреваемых...— все это зритель найдет в кинофильме «Кто четвертый?». «Зритель найдет...» Интересно, на каком основании те, кто составляет подобные тексты, уверены, что зрители все это ищут?

Все громче раздаются другие голоса — тех, кто возмущается кинопрокатом. Тех, кто требует показывать лучшие фильмы, работать со зрителем. Зритель знает, что почем, и, посмотрев очередную развлекаловку, которая так старалась ему понравиться, говорит: «Чушь, но посмотреть можно».

Только нужно ли?

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Народное хозяйство страны. 7. Отсутствие предвзятости в суждении, беспристрастность. 10. Сооружение на футбольном поле. 11. Река в Грузии. 12. Итальянский порт на Адриатическом море. 16. Лесная ягода. 18. Певица, исполнительница частушек, народная артистка СССР. 19. Метод лечения. 20. Вид спорта, восхождение на горные вершины. 22. Утвержденный маршрут транспортного самолета. 23. Ученый-физик, основоположник квантовой теории. 25. Тропическое растение Америки. 26. Одно из основных направлений научно-технического прогресса. 27. Один из руководителей восстания на броненосце «Потемкин».

По вертикали: 1. Фармацевт. 2. Вид конного спорта. 3. Советский детский писатель. 5. Второстепенный член предложения. 6. Процесс установления и применения образцов, эталонов. 8. Город в Харьковской области. 9. Один из первых рабочих-революционеров в XIX веке. 10. Певец-профессионал. 13. Звание ученого. 14. Пушной зверь. 15. Роман К. А. Федина. 17. Партия для одного голоса в опере, оратории. 18. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Три сестры». 21. Обезьяна. 23. Способность воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт. 24. Стихотворение В. В. Маяковского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 5. Гарибальди. 6. Уссури. 7. Бунчук. 9. Лама. 10. Лиепа. 12. Сивас. 14. Каркас. 16. Кент. 17. Айни. 18. Рубинштейн. 19. Осло. 20. Депо. 21. Кифара. 24. Атлас. 26. Капри. 27. Плуг. 28. Треска. 29. Истина. 30. Лилиенталь.

По вертикали: 1. Паруса. 2. «Кирилка». 3. Алабама. 4. Адонис. 6. Университет. 8. Красноперка. 11. Петрова. 13. Имандра. 14. Кубок. 15. «Смена». 22. Испания. 23. Регистр. 25. Сессия. 26. Китель.

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

ЧЕРТОВО КОЛЕСО В КОБУЛЕТИ

«Старого писателя катала в кресле-каталке по набережной совсем юная женщина, девушка на вид; она могла быть ему внучкой, но все, кто сидел или гулял вечерами над морем, уже знали, что это не внучка, не дочка, не сиделка. И всех, разумеется, поражала эта пара. Женщины шептались и качали головами...»

В ближайшем номере — новый рассказ Михаила Рощина.

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР С ЮРИЕМ КАЗАКОВЫМ

«— Потрясающие! — Он рассмеялся. — Вот ты говоришь — потрясающие. А знаешь, что с «Кабиасами» было! Не знаешь! Да теперь уже мало кто это помнит. Но я помню. Фельетон обо мне за этот рассказ напечатали. Понял! Фельетон!..

Я видел, что он взволнован, и молчал. Он курил, снова снимал и надевал очки, снова вытирал череп».

О замечательном советском писателе вспоминает А. Пьянов, главный редактор журнала «Крокодил».



ПРОФЕССИЯ: МАНЕКЕНЩИЦА

Леонид ПЛЕШАКОВ, фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

В конце нашей беседы Наташа сказала:

— А вообще-то я согласна с французской пословицей: «Чтобы быть красивой, такой нужно родиться; чтобы выглядеть красиво, нужно страдать».

Полчаса свободного времени, которые она сумела выкроить между репетициями и примерками, истекли.

— Мне пора.— Наташа допила кофе, встала из-за столика, а я про себя отметил, что кусочек сахара так и остался лежать на блюдце нетронутым. Такое ограничение — одно из требований ее профессии: надо держать фигуру. Хотя при ее росте 177 сантиметров и 54 килограммах веса один кусочек сахара, наверное, не повредил бы. Но ей виднее...

Профессия у Наташи Корневой довольно редкая — манекенщица. Говорит, что во всей Москве у нее не больше ста коллег, причем четырнадцать работают вместе с нею в Доме моды, художественным руководителем которого является Вячеслав Зайцев. Всякая редкая специальность вызывает любопытство, а уж эта — тем более. По мнению большинства, такое занятие — ходить перед зрителями в модной одежде — и работой-то назвать трудно. А что думает на сей счет сама манекенщица?

— Так кажется только со стороны. На самом же деле за день настолько устаешь, что не знаю, с какой другой профессией можно сравнить нашу. Уж поверьте мне — сменила не одну специальность.

По образованию Наташа инженер-химик. Работала лаборантом, биологом, экономистом, бухгалтером. В Доме моды всего полтора года, считает, что нынешняя профессия как раз то, о чем она мечтала.

— В чем она состоит? Как строится ваш рабочий день?

— Учитывая, что по вечерам у нас бывают показы, начинается он довольно поздно, часов в одиннадцать. Сначала час-полтора — хореография, пластика, сценическое движение. Занимаемся, как артисты балета, у станка в зале с зеркальной стеной. После хорошей разминки переходим на «язык» — так у нас называется подиум в демонстрационном зале. Нам задают «картинку», и мы, все пятнадцать манекенщиков, стараемся создать каждый свой образ. Одна, допустим, деловую женщину с сильным характером, другая — юную девушку, третья — изысканно-романтическую...

После короткого перерыва начинается репетиция нашего спектакля, который режиссирует Вячеслав Михайлович Зайцев. Демонстрация одежды в нашем доме — это, по сути дела, театрализованное представление. И каждый день мы должны репетировать, оттачивать свою «роль», чтобы во время показа на зрителях не случались сбои.

Во второй половине дня — время работы над новыми моделями одежды. Наши коллекции меняются дважды в год. Я показываю тринадцать моделей, примерно столько же и у других манекенщиц и манекенщиков. К новому сезону их нужно придумать, сшить, опробовать. А это не всегда простое дело. Порой идея художника-модельера сразу воплощается в новой вещи. Но бывает, что-то не получается, какие-то детали приходится дотягивать и находить в процессе пошива и бесконечных примерок, на что уходит немало труда и нервов. Когда же новинка наконец готова, я должна суметь подать ее, чтобы она смотрелась интересно.

— Что еще требуется от манекенщицы?

— Нужно хорошо выглядеть самой. Грубо говоря, мое лицо — в известном смысле это мое орудие труда. И когда я выхожу в демонстрационный зал, я должна выглядеть бодрой, свежей, должна смотреться. А для этого необходимо высыпаться, больше бывать на воздухе, в выходные дни всегда стараюсь выезжать за город, в лес. Ну и, естественно, уход за кожей лица перед сном. В принципе любая женщина не должна жалеть на это времени. При моей же профессии этому обязательному занятию приходится отдавать немало сил и часов. Так что мой рабочий день заканчивается за полночь.

— Вы уверены, что не зря так стараетесь?

— Почти всегда. Порой выходишь на подиум во время демонстрации и натыкаешься на колючие, холодные взгляды, будто люди чем-то раздражены, даже появляться перед ними неприятно. Но все равно идешь, работаешь, стараешься расшевелить их воображение,— и чаще всего добиваешься своего: заканчиваем демонстрацию под аплодисменты.

— Может быть, это происходит оттого, что не всякий человек «с улицы» решится надеть одежду «от Зайцева»?

— Ее и не должен надевать каждый. Мы предлагаем вариации на тему, так сказать, фантазии художника, где вместе с тем все реально. Берите, что вам подходит. Можно целиком, можно частично, можно ограничиться только понравившимися деталями. Не нравится предлагаемый нами цвет — смягчи его, длина — укороти или прибавь. Подчеркнутая яркость, броскость — специфика показа, а вовсе не диктат для повседневной носки. Каждый волен брать то, что ему больше подходит. Наше дело — зажечь людей идеей художника, растолкать, расковать их собственную фантазию.

— Сами вы рискнули бы пройти по улице в одежде, которую показываете в демонстрационном зале?

— Бывает, что хожу. Реакция, признаюсь, разная. Одни смотрят с интересом, другие не преминут пустить вдогонку: «Ну, вырядилась». Между прочим, вот этот свитер, самый любимый в моем гардеробе, я купила в нашем Доме моды. Почти его не снимаю, обожаю голубой цвет.

— Кстати, о вашем личном гардеробе. В нем много вещей?

— Очень мало. Самые необходимые, иначе трудно обновлять. А это всегда так интересно.

В ПРОФЕССИИ МАНЕКЕНЩИЦЫ
ЕСТЬ ЧТО-ТО ОБЩЕЕ
С ТРУДОМ ЭСТРАДНОЙ ПЕВИЦЫ.
И КОМПОЗИТОР, АВТОР НОВОЙ ПЕСНИ,
И ХУДОЖНИК-МОДЕЛЬЕР, СОЗДАТЕЛЬ НОВОЙ ОДЕЖДЫ,
В СВОИХ ИСКАНИЯХ СТАРАЮТСЯ
НЕ ОТСТАВАТЬ ОТ МОДЫ.
И ПОДЧАС СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА
ИХ НОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, КАК ОНИ БУДУТ
ПРЕПОДНЕСЕНЫ ПУБЛИКЕ НА ПРЕМЬЕРЕ.
ТАК ЧТО МАНЕКЕНЩИЦА ДОЛЖНА БЫТЬ
АРТИСТКОЙ В СВОЕМ ДЕЛЕ.







По мотивам старых сказок

Новые приключения Колобка

Придумал и нарисовал В. Розанцев

Когда-то, давным-давно один король пообещал жениться на девушке, которая сможет напрясть из соломы золотой пряжи. И стала королевой дочь мельника, а помог ей маленький человечек, которому будущая королева пообещала за помощь своего первенца...

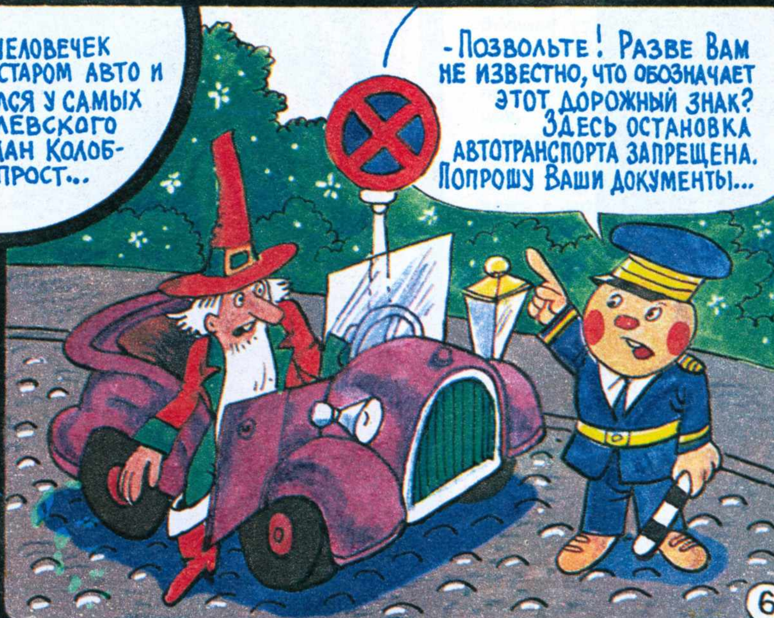












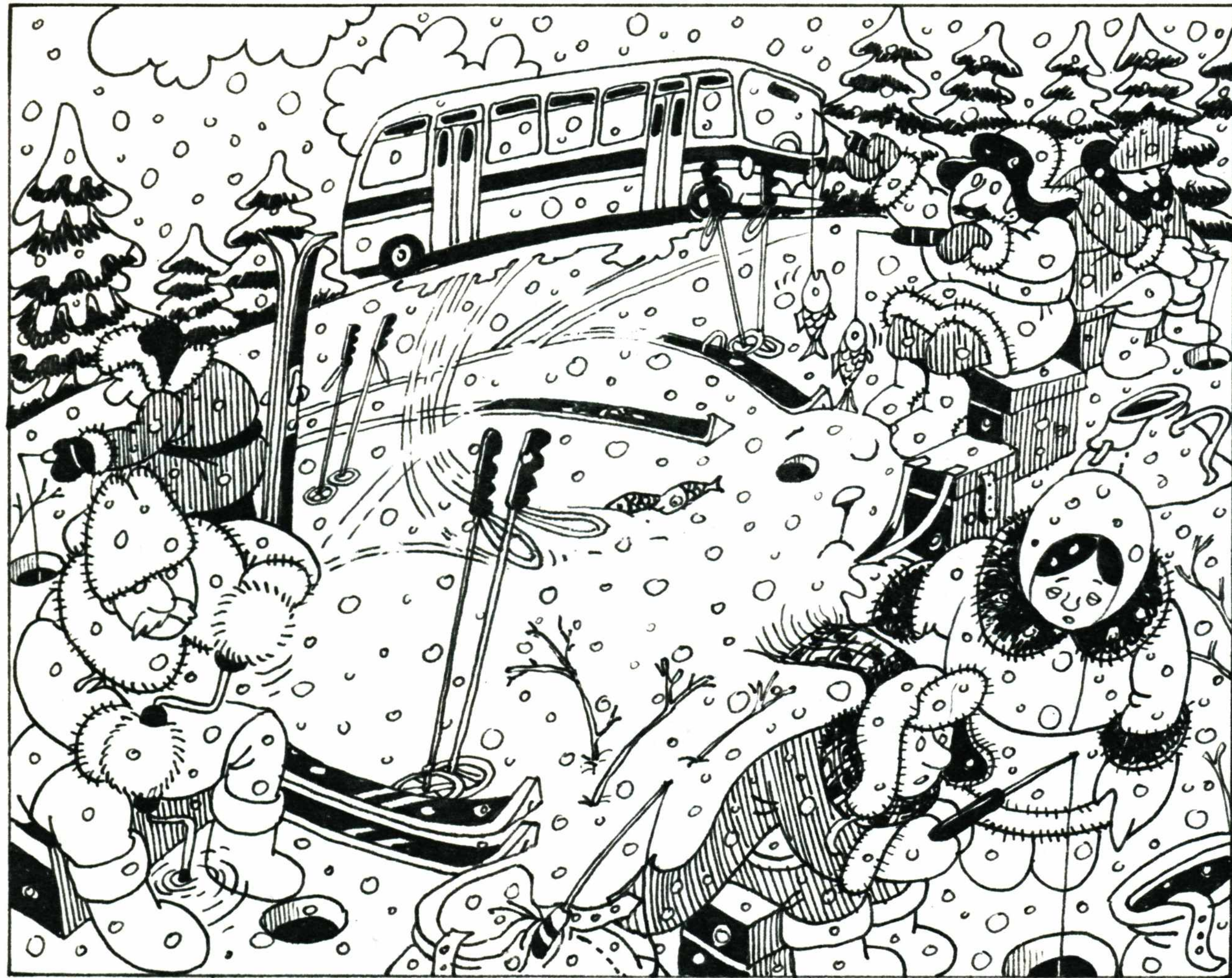








РЕБЯТА, ЭТОТ МУЛЬТИК КОНЧИЛСЯ. А ТЕПЕРЬ ВНИМАТЕЛЬНЕЕ ВГЛЯДИТЕСЬ В КАРТИНКИ И ЗАГАДКИ.

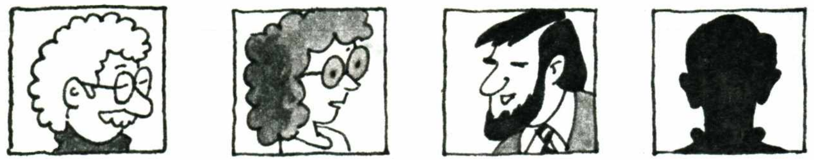


ЭТУ КАРТИНКУ ТЫ МОЖЕШЬ РАСКРАСИТЬ САМ. НО БУДЬ ВНИМАТЕЛЕН, НЕ ЗАКРАСЬ СПРЯТАВШЕГОСЯ НА КАРТИНКЕ ЗВЕРЯ.



НА ДВУХ РАЗЛИЧНЫХ РИСУНКАХ — ШЕСТЬ ОДИНАКОВЫХ ДЕТАЛЕЙ. ПОПЫТАЙСЯ ИХ ОТЫСКАТЬ.



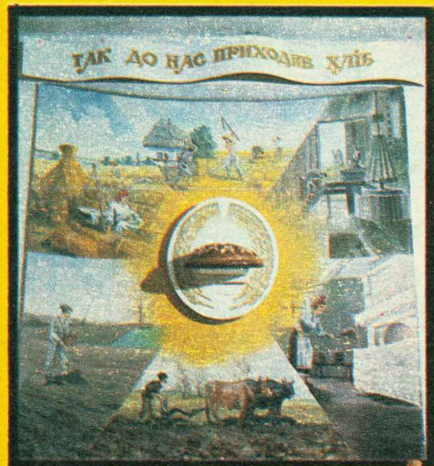


ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ ВЫСТАВКИ В ВЫСТАВОЧНОМ ЗАЛЕ СОБРАЛИСЬ ХУДОЖНИКИ. ОПРЕДЕЛИ, КТО ЕСТЬ КТО, ЕСЛИ ИЗВЕСТНО, ЧТО: ИВАНОВ НЕ СКУЛЬПТОР, НАТЮРМОРТ НЕ НАПИСАН КОВАЛЬЧУКОМ, СИДОРЕНКО И ПЕТРОВ ПРЕДСТАВЛЕНЫ НА ВЫСТАВКЕ ПОРТРЕТАМИ, У ПЕТРОВА НЕТ УСОВ, КОВАЛЬЧУК НИКОГДА НЕ НОСИЛ (НОСИЛА) **БОРОДЫ**, А У СИДОРЕНКО ОТЛИЧНОЕ ЗРЕНИЕ.



ПОПЫТАЙСЯ УЗНАТЬ ГЕРОЕВ ИЗВЕСТНЫХ МУЛЬТФИЛЬМОВ. УЗНАЛ? МАЛЕНЬКИЕ СТРЕЛОЧКИ С РИСУНКАМИ ПОДСКАЖУТ КУДА ВПИСАТЬ ИМЕНА ЭТИХ ГЕРОЕВ.



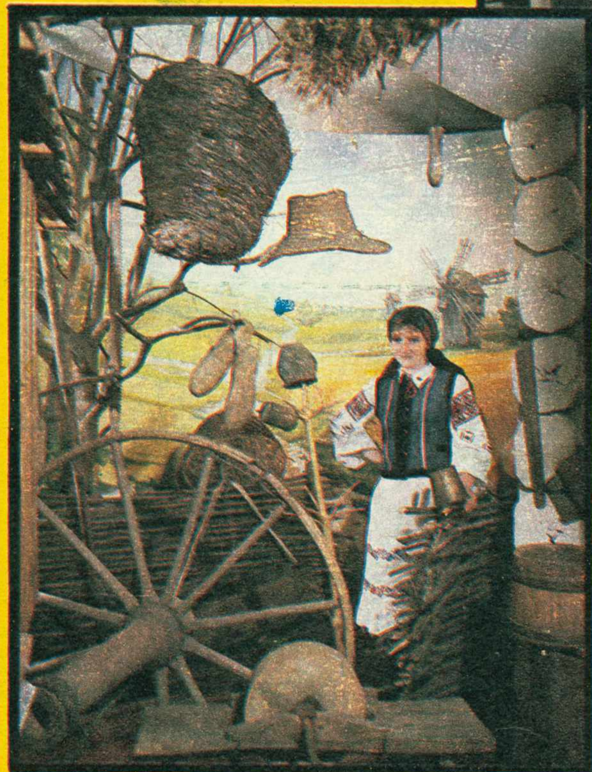


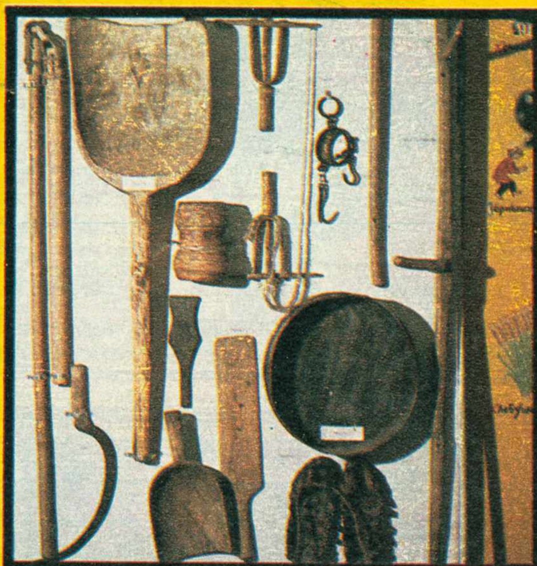


**Плуг из дерева —
ему сто лет.
Коса, серпы, жернов.
Мельницы
из отряда Ковпака,
а рядом обычная,
ветряная.
А вот и сам хлеб!
Крестьянский ржаной.
А рядом —
дышащая огнем,
неповторимого вкуса
украинская паляница.
Лаваш, калач,
узбекская лепешка...
Экспонаты ведут
историю хлеба —
от зернышка
до каравая.
Таков музей хлеба
в селе
Великая Цвиля.
Он создан
школьниками.**

**Читайте в номере
рассказ
об этом музее —
«Партизанский
каравай».**

**Фото
Николая
КОЗЛОВСКОГО**









ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК